

ISSN 1993-3959

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

ИИМ

2/2026

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР**Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78825

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук (ред. 22.10.2021) по историческим наукам, по научным специальностям:
5.6.1 — Отечественная история, 5.6.2 — Всеобщая история*

2026**Издается 4 раза в год****№ 2****Основен в 2001 г.****Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»****Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»****Редакционная коллегия:**

доктор исторических наук, доцент **В. Л. Черноперов** (*главный редактор*)

доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**
(*заместитель главного редактора*)

кандидат исторических наук, доцент **И. А. Буданова**
(*ответственный секретарь*)

кандидат исторических наук **А. П. Анисимова**

доктор исторических наук, профессор **Г. А. Будник**

доктор исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**

доктор исторических наук, профессор **И. К. Лапшина**

кандидат исторических наук **А. К. Калинин**

кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**

Международная редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор **Г. В. Корзенко**,

Институт истории Национальной академии наук Беларуси (Минск)

доктор философских наук, профессор **Г. Мансурова**,

Ташкентский университет информационных технологий

имени Мухаммада ал-Хоразмий, Узбекистан (Ташкент)

главный редактор «Русского альманаха» **З. Паункович**, Сербия (Белград)

доктор исторических наук, профессор **Р. Юрковский**,

Варминско-Мазурский университет, Польша (Ольштын)

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

Электронная копия журнала размещена на сайтах

www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(Registry entry ПИ № ФС 77-78825 on 30.07.2020)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidates of Sciences dissertations (issued on 22.10.2021)
on historical sciences, on scientific specialties:
5.6.1 — National history, 5.6.2 — General history*

2026

4 issues a year

№ 2

Founded in 2001

by the Council “Intelligentsia. Culture. Power” of the Russian Federation

Founded by Ivanovo State University

Editorial Board:

Assoc. Prof. **Vasiliy Chernoperov**, Dr. of Sc. (History) (*Editor-in-Chief*)
Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of Sc. (History) (*Deputy Editor-in-Chief*)
Assoc. Prof. **Irina Budanova**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)
Anastasia Anisimova, Cand. of Sc. (History)
Prof. **Galina Budnik**, Dr. of Sc. (History)
Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Dr. of Sc. (History)
Prof. **Irina Lapshina**, Dr. of Sc. (History)
Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)
Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History)

International Editorial Board:

Prof. **Georgy Korzenko**, Dr. of Sc. (History),
Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk)
Prof. **Gulnora Mansurova**, Dr. of Sc. (Philosophy),
Tashkent University of Information Technologies
named after Muhammad al-Khwarizmi, Uzbekistan (Tashkent)
Zorislav Paunkovic, Editor-in-Chief of the “Russian almanac”, Serbia (Belgrade)
Prof. **Roman Jurkowski**, Dr. of Sc. (History),
University of Warmia and Mazury, Poland (Olsztyn)

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com

Редакционный совет:

- Ю. М. Воронов** Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
- О. В. Золотарев** Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
- И. В. Кондаков** Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
- Г. Н. Кочешков** Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
- И. В. Купцова** Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- В. А. Мансуров** Институт социологии РАН (Москва)
- С. Н. Полторак** Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
- Д. И. Польшвинный** Ивановский государственный университет
- В. А. Порозов** Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
- Е. М. Раскатова** Ивановский государственный университет
- А. В. Репников** Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (Москва)
- С. В. Артамошин** Брянский государственный университет им. акад. И. Г. Петровского
- И. В. Сибиряков** Южно-Уральский государственный университет (Челябинск)
- А. А. Корнилов** Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
- Ф. Х. Соколова** Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск)
- А. А. Соловьев** Костромской государственный университет

Editorial Board:

- Yu. M. Voronov** Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
- O. V. Zolotarev** Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
- G. N. Kocheshkov** Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
- I. V. Kondakov** Russian State Humanitarian University (Moscow)
- I. V. Kuptsova** Lomonosov Moscow State University
- V. A. Mansurov** Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
- S. N. Poltorak** Bonch-Bruевич St. Petersburg State University of Telecommunications
- D. I. Polyvyanny** Ivanovo State University
- V. A. Porozov** Perm State Humanitarian Pedagogical University
- E. M. Raskatova** Ivanovo State University
- A. V. Repnikov** All-Russian Scientific and Research Institute for Records and Archives Management (Moscow)
- S. V. Artamoshin** Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education “Bryansk State Academician I. G. Petrovski University”
- I. V. Sibiriyakov** South Ural State University (Chelyabinsk)
- A. A. Kornilov** National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
- F. Kh. Sokolova** Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk)
- A. A. Soloviev** Kostroma State University

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ *К 85-летию начала Великой Отечественной войны*

- Велибеков Э. Ш., Околотин В. С.* Роль научно-технической интеллигенции Ковровского завода № 2 в разработке и производстве вооружения для Красной армии в 1940—1941 годы 7
- Воробьева И. В.* Правое дело ученых: вклад научной интеллигенции в победу в Великой Отечественной войне 28

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Турыгин А. А.* Пангерманский союз: конец истории? 58

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ

- Ткачев В. В.* Озеро Байкал в мире искусства и культурной жизни современной художественной интеллигенции Сибири 73

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

- Попкова О. В., Попкова Е. И.* Шкляевы — потомственные священнослужители и учителя на Вятской земле 92
- Корнилов А. А.* Споры и судьбы преподавателей русской гимназии Штутгарта (1946—1949 гг.) 110

ДЕБЮТ

- Власов Т. В.* Педагогическая интеллигенция Псковской области в 1960—1970-е гг.: общественно-политическое участие в жизни региона 138

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

- Комиссаров В. В.* Личность, интеллигенция, эпоха. Рец. на кн.: В ракурсе личной судьбы историка. К 100-летию со дня рождения профессора Варлена Львовича Соскина; отв. ред. С. А. Красильников. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2025. 288 с. 162

АВ MEMORIAM

- Васильев Н. Н., Порозов В. А.* Профессор Э. Б. Ершова в «ивановском» интеллигентоведении 174

CONTENTS

URGENT PROBLEMS OF CONTEMPORARY INTELLIGENTSIA STUDIES

- Velibekov E. Sh., Okolotin V. S.* The Role of the Scientific and Technical Intelligentsia of the Kovrov Plant No. 2 in the Development and Production of Weapons for the Red Army in 1940—1941 7
- Vorobyova I. V.* The right cause of scientists: the contribution of the scientific intelligentsia to the victory in the Great Patriotic War 28

FROM THE HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA

- Turygin A. A.* The Pan-German league: The End of History? 58

INTELLIGENCE IN THE DEVELOPMENT OF REGIONS

- Tkachev V. V.* Lake Baikal in the world of art and cultural life of the contemporary artistic intelligentsia of Siberia 73

INTELLIGENTSIA, RELIGION, CHURCH

- Popkova O. V., Popkova E. I.* The Shkلياevs — hereditary churchmen and teachers on the Viatka land 92
- Kornilov A. A.* Disputes and fates of teachers of the Russian gymnasium of Stuttgart, 1946—1949 110

DEBUT

- Vlasov T. V.* Pedagogical intelligence of Pskov region in the 1960—1970s: social and political participation in the life of the region 138

READING AND DISCUSSION

- Komissarov V. V.* Personality, intelligentsia, epoch. Review in the book: Krasilnikov S. A. (ed.) (2025), From the perspective of the historian's personal fate. On the 100th anniversary of the birth of Professor Varlen Lvovich Soskin, CPI NSU, Novosibirsk, Russia 162

AB MEMORIAM

- Vasiliev N. N., Porozov V. A.* Professor Elvira B. Ershova in “Ivanovo” intellectual studies 174

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

URGENT PROBLEMS OF CONTEMPORARY INTELLIGENTSIA STUDIES

К 85-летию начала Великой Отечественной войны

Интеллигенция и мир. 2026. № 2. С. 7—27.

Intelligentsia and the World. 2026. No. 2. P. 7—27.

Научная статья

УДК 94(470.314)“1940/1941”-058.237

EDN <https://elibrary.ru/bbqbzy>

DOI: 10.46725/IW.2026.2.1

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

РОЛЬ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КОВРОВСКОГО ЗАВОДА № 2 В РАЗРАБОТКЕ И ПРОИЗВОДСТВЕ ВООРУЖЕНИЯ ДЛЯ КРАСНОЙ АРМИИ В 1940—1941 ГОДЫ

Эмиль Шагинович Велибеков

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия
velibekov.99@mail.ru, SPIN-код: 9246-6223,
<https://orcid.org/0009-0004-6925-3038>

Владимир Сергеевич Околотин

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,
okolotin.vladimir@yandex.ru, SPIN-код: 9448-6690,
<https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Аннотация. Статья посвящена изучению роли научно-технической интеллигенции завода № 2 г. Коврова Ивановской области (в границах до 14 августа 1944 г.) и ее вклада в разработку автоматического стрелкового вооружения и противотанковых ружей в 1940—1941 годы. Эти успехи во многом стали возможны благодаря открытию

и внедрению в производство новых методов нарезки каналов оружейных стволов под 7,62-мм и 14,5-мм патроны. В результате многократно было увеличено производство оружейных стволов, что позволило обеспечить выполнение плановых заданий Государственного комитета обороны по выпуску не только автоматического стрелкового оружия, но и противотанковых ружей. На заводе № 2 в составе конструкторского бюро и в производственных цехах сформировалась мощная плеяда талантливых конструкторов-оружейников и инженеров-изобретателей, научными знаниями и силами которых обеспечивалось оснащение Красной армии современным и надежным вооружением.

Ключевые слова: Ивановская область, Ковровский завод № 2, научно-техническая интеллигенция, расширение мощностей, разработка и производство вооружения, станкостроительное производство, противотанковое ружье Дегтярёва

Для цитирования: Велибеков Э. Ш., Околотин В. С. Роль научно-технической интеллигенции Ковровского завода № 2 в разработке и производстве вооружения для Красной армии в 1940—1941 годы // Интеллигенция и мир. 2026. № 2. С. 7—27.

Original article

THE ROLE OF THE SCIENTIFIC AND TECHNICAL INTELLECTUALS OF KOVROV PLANT NO. 2 IN THE DEVELOPMENT AND PRODUCTION OF WEAPONS FOR THE RED ARMY IN 1940—1941

Emil Sh. Velibekov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia
velibekov.99@mail.ru, SPIN-код: 9246-6223,
<https://orcid.org/0009-0004-6925-3038>

Vladimir S. Okolotin

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, okolotin.vladimir@yandex.ru,
SPIN-код: 9448-6690, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Abstract. The article is devoted to the study of the role of the scientific and technical intelligentsia of Plant No. 2 in Kovrov, Ivanovo region (within the borders of the region before 14 August, 1944), and its contribution to the development of automatic small arms, anti-tank rifles, and aircraft gun weapons in 1940—1941. These achievements were largely made possible by the discovery and implementation of new methods for cutting the channels of

gun barrels for 7,62 mm and 14,5 mm cartridges. As a result, the production of gun barrels increased significantly, which allowed the State Defense Committee to meet its planned targets for the production of not only automatic small arms, but also anti-tank rifles. At Plant No. 2, as part of the Design Bureau and in the production shops, a powerful group of talented gunsmiths and inventive engineers was formed, whose scientific knowledge and efforts ensured that the Red Army was equipped with modern and reliable weapons.

Keywords: Ivanovo Region, Kovrov Plant No. 2, scientific and technical intelligentsia, expansion of capacities, development and production of weapons, machine-building production, Degtyarev anti-tank rifle

For citation: Velibekov, E. Sh. and Okolotin, V. S. (2026), 'The Role of the Scientific and Technical Intelligentsia of the Kovrov Plant No. 2 in the Development and Production of Weapons for the Red Army in 1940—1941, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 7—27 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Великую Отечественную войну по праву называют «войной оружейников», поскольку в короткое время был совершен мощный технологический рывок в производстве стрелкового оружия. По сути, с первых дней войны развернулось заочное соревнование лучших конструкторов противоборствующих государств. В этой гонке значимая роль была отведена Ковровскому заводу им. К. О. Киркижа (завод № 2; в настоящее время — ОАО «Завод им. В. А. Дегтярёва», или ОАО «ЗиД»). В годы Великой Отечественной войны завод № 2 стал ведущим предприятием отечественной промышленности, внесшим своей продукцией большой вклад в достижение победы советского народа над нацистской Германией и ее союзниками.

На предприятии в предвоенные годы были разработаны и внедрены в производство лучшие образцы автоматического стрелкового и авиационно-пушечного вооружения. Из стен завода вышли воспитанные В. Г. Фёдоровым и В. А. Дегтярёвым конструкторы-оружейники Г. С. Шпагин, С. Г. Симонов, С. В. Владимиров, П. М. Горюнов, А. И. Судаев и другие. Здесь начинал работать и получил «оружейное крещение» дважды Герой Социалистического Труда, Лауреат Ленинской и Государственной премий СССР М. Т. Калашников. Создание и принятие в 1927 г. на вооружение Красной армии 7,62-мм пехотного пулемета системы Дегтярёва

(ДП), а затем разработанных на его базе унифицированных пулеметов ДА (Дегтярёва авиационный) и ДТ (Дегтярёва танковый) для вооружения самолетов и танков стали большими творческими достижениями В. А. Дегтярёва, которые выдвинули его в ряды виднейших советских конструкторов. Последовавшее затем принятие в 1936—1940 гг. на вооружение Красной армии крупнокалиберного пулемета ДШК и пистолета-пулемета ППД позволило оснастить войска целым комплексом стрелкового оружия системы Дегтярёва. В 1940 г. В. А. Дегтярёву, первому из советских конструкторов, было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда, а чуть позже — ученая степень доктора технических наук. Кроме конструкторов-оружейников, на заводе трудились другие специалисты, которые разработкой новых технологий и их внедрением в производство смогли добиться удешевления стоимости стрелкового вооружения и резкого увеличения его выпуска. Совокупность изложенных обстоятельств и стала основанием для дополнительного осмысления темы данной статьи.

Цель статьи — обобщить имеющуюся в региональной историографии информацию о роли научно-технической интеллигенции Ковровского завода № 2 в разработке и производстве новых видов вооружения для Красной армии в 1940—1941 годы; через привлечение новых архивных источников подчеркнуть ее вклад в оснащение Красной армии современным оружием, необходимым для отражения натиска германского вермахта в начальный период Великой Отечественной войны.

Историографический и источниковедческий обзоры. В советский период роль научно-технической интеллигенции завода № 2 в разработках и освоении производства стрелкового и артиллерийского вооружения в годы Великой Отечественной войны нашла отражение на страницах мемуаров конструктора-оружейника В. А. Дегтярёва [Дегтярёв, 1962] и в научном труде Г. Д. Нагаева о разработчике пистолета-пулемета Шпагина (ППШ), изданных в начале 1960-х годов [Нагаев, 1960].

В 1979 г., к 100-летию со дня рождения знаменитого советского конструктора автоматического оружия Дегтярёва, вышли два издания. Прежде всего, это сборник статей под общим руководством И. И. Кириллова, авторами которых стали рабочие и конструкторы, историки и специалисты-оружейники, лично знавшие

Василия Алексеевича Дегтярёва. Среди них: А. А. Дементьев, Д. Н. Болотин, А. И. Нарышкин, В. В. Дегтярёв (сын В. А. Дегтярёва) и другие [Василий Алексеевич Дегтярёв, 1979].

Необходимо отметить содержательный труд В. В. Бахирева и И. И. Кириллова «Конструктор В. А. Дегтярёв: за строками биографии» [Бахирев, Кириллов, 1979]. Он был подготовлен на основе архивных материалов, научных трудов В. Г. Фёдорова и Д. Н. Болотина, воспоминаний современников В. А. Дегтярёва и других материалов. В данной монографии в большом количестве были опубликованы фотографии с образцами вооружения, созданными Дегтярёвым, его соратниками по конструкторскому бюро и производству, а также материалы о встречах с председателем Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калининым и наркомом вооружения Д. Ф. Устиновым. В 1983 г. из-под пера Бахирева и Кириллова вышло второе издание указанной выше монографии [Бахирев, Кириллов, 1983]. С учетом вновь изученных авторами материалов из федеральных архивов ее текст был значительно переработан и дополнен новыми биографическими сведениями о В. Г. Фёдорова, В. А. Дегтярёва, Г. С. Шпагине, А. И. Судаева, М. Т. Калашникове и др. В 1987 г. увидело свет третье издание уважаемых авторов, посвященное Дегтярёву, но теперь уже переработанное для учащихся [Бахирев, Кириллов, 1987].

Уникальность всех трех изданий, отмеченных выше и объединенных в серию под названием «Люди науки», заключается в том, что В. В. Бахирев свою трудовую биографию начал с завода им. К. О. Киркижа, а после окончания механико-математического факультета Московского государственного университета продолжил ее на заводе № 2 с первых дней Великой Отечественной войны. Здесь же он прошел школу трудового возмужания и в 1960-е годы возглавил теперь уже Ковровский завод им. В. А. Дегтярёва. В дальнейшем он стал министром машиностроения СССР и находился во главе этого ведомства вплоть до 1987 года. По сути, будучи министром, с достигнутой профессиональной высоты в указанных трудах он отразил вклад своих земляков в разработку и совершенствование стрелкового и артиллерийского вооружения в годы Великой Отечественной войны с целью сохранения памяти об их трудовом героизме.

К числу современных фундаментальных отечественных трудов по теме исследования следует отнести 12-томное издание

«Великая Отечественная война 1941—1945 годов» и его седьмой том, получивший название «Экономика и оружие войны» [Великая Отечественная война..., 2013]. Значительный вклад в ее изучение внесли сотрудники Государственного архива Владимирской области, выпустившие к 75-летию победы в Великой Отечественной войне уникальный сборник документов.

Применительно к городу оружейников Коврову следует назвать целый ряд содержательных изданий, отражающих деятельность завода № 2, его конструкторов-оружейников, инженеров-производственников, руководителей цехов и передовых рабочих в исследуемый в статье период. Так, в честь 200-летия г. Коврова группой авторов в составе В. Григорьева, А. Зайцева и Ю. Спицына был подготовлен и издан историко-экономический очерк, охватывающий изучаемый в статье период [Григорьев, Зайцев, Спицын, 1978]. Доктор исторических наук О. А. Монякова совместно с И. Н. Зудиной, В. В. Никулиным и др. издали солидный научный труд «Город воинской славы Ковров: сквозь века» [Город воинской славы Ковров..., 2013].

При работе над статьей ее авторы уделили важное внимание мемуарам наркома вооружения в годы Великой Отечественной войны Д. Ф. Устинова, осуществлявшего организацию деятельности оборонных заводов по производству вооружения для Красной армии [Устинов, 2016], а также воспоминаниям М. Т. Калашникова, начинавшего свою биографию конструктора-оружейника на заводе № 2 в Коврове [Калашников, 1992]. Внимание было также было уделено докладу председателя Госплана СССР Н. А. Вознесенского о хозяйственных итогах 1940 г. и плане развития народного хозяйства СССР за 1941 г. [Вознесенский, 1941] и публикациям в центральной и местной периодической печати¹. Среди последних особый интерес представляют публикации заведующего техноцентром завода им. В. А. Дегтярёва В. В. Никулина, содержащие ценную информацию об истории предприятия и его трудовом коллективе².

¹ Дегтярёв В. К оружейникам Советского Союза // Правда. 1941. 16 нояб.

² Никулин В. В. Во главе заводского коллектива // Дегтяревец. 2011. 20 июля.

Скромную лепту в изучение деятельности завода № 2 во втором полугодии 1941 г. своей монографией внес один из авторов данной статьи В. С. Околотин [Околотин, 2019].

Завершая краткий историографический и источниковедческий обзоры, следует сказать о документах из Российского государственного архива социально-политической истории и Государственного архива Ивановской области. Они в значительной степени дополняют сведения, полученные из источников личного происхождения, и через региональную составляющую конкретизируют представление о роли научно-технической интеллигенции в разработке и производстве вооружения на заводе № 2 в 1940—1941 годы.

Методология и методы исследования

При подготовке данной статьи были использованы историко-системный и хронологический методы исследования. Так, историко-системный метод позволяет рассматривать исторические события и явления как части единой системы, связанные между собой. Хронологический метод позволил обеспечить понимание сути событий в строгой временной последовательности, а также выявить причинно-следственные связи.

Основная часть

Расширение производственных мощностей завода

Созданные в годы предвоенных пятилеток производственные мощности стали экономической основой обороноспособности страны. В 1940 г. на ее развитие была выделена почти треть государственного бюджета, а в 1941 г. они составили уже 43,4 %³. Опыт боевых действий, полученный в ходе советско-финляндской войны 1939—1940 гг., показал важность оснащения Красной армии современным автоматическим оружием и необходимость совершенствования технологий по его изготовлению. В результате Комитет обороны при СНК СССР поставил перед коллективом ковровских оружейников задачу об увеличении производства пистолетов-пулеметов Дегтярёва (ППД).

В феврале 1940 г. директором завода № 2 был назначен Федор Капитонович Чарский, ранее работавший на Тульском

³ Правда. 1975. 2 апр.

оружейном заводе⁴. В целях ускорения работ по созданию новых образцов автоматического и стрелкового вооружения, а также его совершенствования приказом Народного комиссариата вооружения (НКВ) СССР на заводе в октябре 1940 г. было создано конструкторское бюро (КБ) под руководством В. А. Дегтярёва. В его состав вошли конструкторы Н. А. Бугров, А. А. Дементьев, С. М. Крекин, Б. А. Мешков, Г. С. Гаранин, П. Е. Иванов, Е. К. Александрович, техник О. Л. Быкова, мастер А. И. Кузнецов, слесари-оружейники А. И. Махотин, А. И. Нарышкин, Н. Д. Зернышкин и другие [Бахирев, Кириллов, 1983: 114].

Впоследствии в своих мемуарах «Моя жизнь» В. А. Дегтярёв так вспоминал об этом периоде: «Мы, советские конструкторы, пожалуй, лучше, чем кто-либо, ощущали подготовку капиталистических стран, и особенно гитлеровской Германии, к новой мировой войне. Мы следили за работой зарубежных конструкторов, стремящихся вооружить свои армии самым совершенным оружием. Между нами, советскими конструкторами и иностранными изобретателями, всё время шел негласный поединок. Мы не могли почивать на лаврах» [Дегтярёв, 1962: 101].

Решение этой задачи виделось не только в новых конструкторских разработках, но и в более рациональной организации производства и его расширении. На предприятии были пересмотрены нормы выработки, распространение получило движение многостаночников. В том числе благодаря этому государственный план 1940 г. по валовой продукции был выполнен на 142,7 % и по товарной — на 150,7 %. В декабре 1940 г. перед рабочими и инженерно-техническими работниками завода была поставлена новая задача — в течение 3—4 месяцев построить и пустить в эксплуатацию новый производственный корпус для массового производства пехотных (ДП) и танковых пулеметов (ДТ) [Бахирев, Кириллов, 1983: 121].

В результате 1941 год начался для трудового коллектива строительством корпуса «Л», которое осуществлялось скоростными методами по жесткому графику. Для его строительства применялись облегченные конструкции, позволившие максимально экономить строительные материалы и достигнуть сокращения сроков

⁴ Никулин В. В. Указ. соч.

ввода объекта в эксплуатацию [Вознесенский, 1941: 28]. В феврале 1941 г. председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский, выступая на XVIII Всесоюзной партийной конференции, назвал данный опыт весьма успешным и показавшим, что «все наши заводы средней мощности могут быть безусловно вводимы в действие в течение одного года» [Там же].

Директором корпуса «Л», получившего права филиала завода, приказом наркома от 22 апреля 1941 г. был назначен И. П. Гуреев, главным инженером — Б. В. Попов. На постоянную работу в него в качестве руководителей цехов и отделов были переведены: В. А. Зеленов, А. Н. Запруднов, В. И. Коровин, А. М. Валежнов, В. М. Чернышев, С. Д. Соболев, А. Д. Брызгалов и другие. В начале июня 1941 г. филиал стал работать на полную мощность [Бахирев, Кириллов, 1983: 122].

Кроме указанных пулеметов, на заводе в 1940—1941 гг. выпускался 12,7-мм крупнокалиберный пулемет Дегтярёва — Шпагина образца 1938 года (ДШК). Одновременно конструктор-оружейник Г. С. Шпагин трудился над разработкой другого вида оружия, получившего наименование «Пистолет-пулемет системы Шпагина» (ППШ). Завершать его разработку Г. Шпагину уже довелось в качестве руководителя конструкторского бюро, образованного в апреле 1940 г. на предприятии в Загорске (ныне Сергиев-Посад) Московской области, где и началось первое массовое производство ППШ. За изобретение и конструирование ППШ образца 14 марта 1941 г. Шпагину было присвоено звание лауреата Сталинской премии [Нагаев, 1960: 98]. Данный факт говорит о том, что Ковровский завод № 2 в предвоенные годы стал кузницей конструкторов-оружейников для других предприятий оборонной промышленности советского государства.

Усилия оружейников по заданию Главного артиллерийского управления (ГАУ) Рабоче-крестьянской Красной армии были сосредоточены также на создании другого вида оружия — противотанкового ружья под 14,5-мм патрон. Его первыми разработчиками стали конструкторы Н. В. Рукавишников и Б. Г. Шпитальный из ОКБ-16 (г. Москва), а также ковровец С. В. Владимиров. В ходе полигонных испытаний в Коврове в 1939 г. лучшим было признано противотанковое самозарядное ружье Н. В. Рукавишникова, которое постановлением Комитета обороны при СНК СССР,

несмотря на имевшиеся конструктивные недостатки, было решено принять на вооружение Красной армии. В 1940 г. НКВ СССР предстояло устранить выявленные недостатки, запустить его в производство и довести выпуск противотанковых ружей до 15 тыс. штук в год. Однако их массовое производство так и не было осуществлено. По настоянию начальника ГАУ РККА маршала Г. И. Кулика, полагавшего, что танки противника будут иметь сильную броню, против которой противотанковое ружье окажется бессильным, а Красная армия имеет достаточное количество артиллерии, производство противотанковых ружей Рукавишниково было свернуто [Калашников, 1992: 105].

В германском вермахте, развязавшем Вторую мировую войну, напротив, в 1939 г. была принята на вооружение противотанковая винтовка образца 1939 года (Panzerbüchse 39). Германской промышленностью она выпускалась до конца 1941 г., после чего ее выпуск был прекращен. Всего с марта 1940 г. по ноябрь 1941 г. было произведено более 39 тыс. таких ружей. В дальнейшем конструктивные особенности германского оружия были использованы ковровскими оружейниками для разработки отечественных аналогов борьбы с немецкими танками и бронемашинами.

Научно-техническая интеллигенция в военных условиях 1941 года

30 июня ЦК ВКП(б) и СНК СССР утвердили мобилизационный народнохозяйственный план на третий квартал 1941 г., определявший основные направления функционирования экономики в условиях Великой Отечественной войны. Главное внимание в нем было уделено оборонной промышленности. Программа выпуска военной продукции увеличивалась на 26 % по сравнению с довоенным уровнем. Однако в условиях тяжелой обстановки, сложившейся на фронтах летом 1941 г., потребовалось ее значительное наращивание. Для выполнения данной задачи завод № 2 с начала июля 1941 г. был освобожден от заказов по выпуску гражданской продукции, и все его мощности в круглосуточном режиме были переведены на изготовление стрелкового оружия и авиационных пушек [Бахирев, Кириллов, 1983: 131]. Свидетельством важности его продукции стало решение Государственного комитета обороны (ГКО) о командировании на завод своего

уполномоченного А. А. Савченко⁵. А в августе 1941 г. приказом Наркома вооружения Д. Ф. Устинова на должность директора завода № 2 был назначен Василий Иванович Фомин, который руководил трудовым коллективом предприятия в течение всей Великой Отечественной войны⁶.

Постановлением № 410 сс от 6 августа 1941 г. ГКО установил заводу план выпуска артиллерийского и стрелкового вооружения на август. В частности, обязал произвести 3500 танковых пулеметов калибром 7,62 мм (план на июль 2888 штук), 1000 авиационных пулеметов Березина калибром 12,7 мм (в июле 1361) и 2500 штук 20-мм авиационных пушек ШВАК (при плане в июле 1006 штук)⁷.

3 сентября 1941 г. ГКО принял очередное постановление «О плане производства и выпуска артиллерийского и стрелкового вооружения в сентябре 1941 года». В соответствии с ним заводу № 2 предстояло выпустить 7000 штук 7,62-мм танковых пулемета, 130 штук 12,7-мм пулеметов Березина и 2774 штуки 20-мм пушек ШВАК⁸. Снижение выпуска пулеметов Березина было связано с передачей его производства на другие заводы НКВ СССР.

Согласно постановлению ГКО № 848 сс от 28 октября 1941 г. «О плане производства и поставок артиллерийского и стрелкового вооружения и военных приборов в ноябре месяце 1941 года» на заводе № 2 в Коврове предстояло произвести: 10 тыс. штук 7,62-мм ручных пулеметов ДП, 3 тыс. штук 7,62-мм танковых пулеметов ДТ и 2500 штук 20-мм пушек ШВАК⁹.

20 ноября 1941 г. Г. Н. Пальцев на одном из заседаний обкома ВКП(б) привел цифры производства вооружения в Ивановской области: «Мы производим всякое вооружение. Где и что производится — это неважно. Важно то, что производство предметов вооружения за это время у нас значительно поднято. Производство пулеметов по отношению к июню поднялось на 335 %,

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф-644. Оп. 2. Д. 1. Л. 94 (далее: РГАСПИ).

⁶ Никулин В. В. Указ. соч.

⁷ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 10. Л. 200—205.

⁸ Там же. Д. 14. Л. 75—76.

⁹ Там же. Д. 24. Л. 22—25.

пушек на 710 %, авиабомб на 620 %, снарядов на 640 %, взрывателей на 120 %, взрывчатых веществ на 125 %, цветных металлов на 185 %. Результаты этой работы увенчались не только ростом производства, но и перевыполнением планов нашими заводами. Мы должны будем отметить энергичную работу руководителей завода № 2 и руководителей Ковровского горкома ВКП(б)»¹⁰.

Разработка противотанкового ружья

Вспоминая о начальном периоде войны, В. А. Дегтярёв писал: «По первым же сводкам Совинформбюро мы поняли, что главной ударной силой немецко-фашистских войск были танки... Чтобы остановить врага, надо было остановить его танки, остановить бронированные армады. Это могли сделать противотанковые пушки, но их было мало, а наладить массовое производство пушек не так-то легко. Значит, нужно было немедленно изобрести легкое в производстве, дешёвое и эффективное оружие. Этим оружием могло быть только противотанковое ружье» [Дегтярёв, 1962: 110].

В начале июля 1941 г. И. В. Сталин поставил перед НКВ СССР задачу в течение месяца создать эффективное, простое и дешёвое в промышленном изготовлении противотанковое ружье (ПТР) под 14,5-мм патрон с бронебойно-зажигательной пулей и стальным каленым сердечником [Устинов, 2016: 206]. К работе над созданием противотанковых ружей были привлечены оружейники Н. В. Рукавишников, В. А. Дегтярёв и С. Г. Симонов. Рабочие проекты своих противотанковых ружей ковровцы (ПТРД) и Симонов (ПТРС) завершили одновременно. У каждого на разработку и изготовление опытных образцов ушло 22 дня [Там же: 206—207]. Вместе с Дегтярёвым над его созданием работали главный инженер КБ Н. А. Бугров, конструкторы Г. С. Гаранин, А. А. Дементьев, П. Е. Иванов, С. М. Крекин и В. В. Дегтярёв. В целях быстрее освоения массового производства ПТРД было решено упростить их конструкцию. В итоге 29 августа 1941 г. постановлением ГКО 14,5-мм однозарядное ПТРД было принято на вооружение Красной армии. В конце сентября 1941 г. трудовой коллектив завода № 2 приступил к его серийному изготовлению.

¹⁰ Государственный архив Ивановской области. ФП-327. Оп. 7. Д. 10. Л. 151 (далее: ГАИО).

По указанию наркома вооружения Устинова первая партия ПТРД в количестве 300 штук была изготовлена в октябре 1941 года. Производство деталей для них осуществлялось всеми механическими цехами завода, а сборка ружей была сосредоточена в сборочном цехе под руководством К. П. Завьялова. 28 октября 1941 г. принимается решение об организации специализированного производства по выпуску ПТРД, и в начале ноября были организованы три цеха механической обработки деталей, цех сборки и цех испытаний ружей отстрелом. Начальником производства был назначен инженер М. В. Горячий. Изготовление деталей ружей в механических цехах было поставлено на поток, а в сборочном цехе № 39 установили конвейеры по их сборке [Бахирев, Кириллов, 1983: 142].

Постановлением ГКО № 848 сс от 28 октября 1941 г. «О плане производства и поставок артиллерийского и стрелкового вооружения и военных приборов в ноябре месяце 1941 г.» Ковровскому заводу № 2 была поставлена задача произвести 1200 штук 14,5-мм ПТРД¹¹. Но этого для действующей армии оказалось недостаточно.

Четвертого ноября 1941 г. ГКО принял постановление № 866 сс «Об увеличении производства 14,5-мм противотанкового ружья Дегтярёва»¹². Основанием к его принятию послужило обращение Л. П. Берии 3 ноября 1941 г. к председателю ГКО И. В. Сталину. К обращению был приложен «проект постановления ГКО о расширении производства 14,5-мм противотанкового ружья Дегтярёва». В нем предлагалось увеличить в ноябре производство ПТРД в Коврове с 1200 до 5000 штук и в декабре нарастить их производство до 10 тыс. штук¹³.

На следующий день Сталин лично подписал постановление ГКО, в котором указанные цифры были сохранены. Для их выполнения было решено «обязать секретаря Московского городского комитета ВКП(б) т. Попова в однодневный срок выделить заводу № 2 Наркомвооружения: 150 штук токарных станков разных типов, в том числе 70 станков ДИП-200, 60 штук фрезерных

¹¹ РГАСПИ. Ф-644. Оп. 2. Д. 24. Л. 23.

¹² Там же. Л. 157—159.

¹³ Там же. Л. 161.

станков и необходимый транспорт для их переброски. Доставку станков на завод к 8.11.41 г. возложить на замнаркома внутренних дел т. Серова...»

Категоричные указания получили и другие наркоматы. В частности, решено «обязать НКПС (Каганович Л. М.) выделить подвижной состав заводу № 74 (Ижевск) для переброски до 10.11.41 г. 6000 штук заготовок стволов 14,5-мм противотанкового ружья Дегтярёва на завод № 2 НКВ (г. Ковров), обеспечив продвижение этого груза воинской скоростью». Наркомрезинпрому предстояло «выделить заводу № 2 НКВ до 10.11.41 г. 75 комплектов авторезины», а Главнефтесбыту при СНК СССР «в этот же срок — 70 тонн бензина». Контроль за исполнением настоящего постановления был возложен на секретарей Ивановского (Г. Н. Пальцев) и Удмуртского (А. П. Чекинов) обкомов ВКП(б)¹⁴.

16 ноября 1941 г. со страниц газеты «Правда» В. А. Дегтярёв обратился ко всем оружейникам Советского Союза с призывом сделать всё для ускорения разгрома врага: «Мы должны и впредь, не покладая рук, работать над тем, чтобы дать фронту отличное оружие в необходимом количестве. Ни тени зазнайства! Наше время требует героического труда, непрерывного увеличения производства вооружения»¹⁵.

Двадцать седьмого декабря 1941 г. Пальцев докладывал председателю ГКО Сталину, что «Ковровский завод № 2 Наркомата вооружения за последние месяцы улучшил свою работу. Коллектив завода путем проведения технических мероприятий, правильной расстановкой кадров сумел нарастить мощности и дать значительный прирост по выпуску готовой продукции. Завод увеличил производство основных изделий, по сравнению с июнем месяцем, в 5—7 раз и в короткий срок довел массовое производство противотанковых ружей Дегтярёва до 10 000 единиц в месяц». Вместе с тем, утверждал он, «завод не использует полностью своих возможностей из-за непланового снабжения и срыва обеспечения программы металлом». Так, например, «завод в октябре и ноябре месяцах недополучил 1300 тонн, а в декабре на 20 декабря — 1600 тонн металла. Вследствие этого

¹⁴ Там же. Л. 158.

¹⁵ Дегтярёв В. Указ. соч.

получается вынужденный простой оборудования, выразившийся за октябрь—ноябрь в 229 158 станкоочасов. На программу января месяца 1942 г. требуется металла 3596,4 тыс. тонны, на 20 декабря с. г. имеется только 358 тонн, отдельные же виды стали совершенно отсутствуют. Обком ВКП(б) просит рассмотреть этот вопрос и вынести постановление ГКО по заводу № 2 по планомерному снабжению завода металлом, что позволит еще увеличить выпуск вооружения для Красной армии»¹⁶.

«...Ни я, ни директор завода (В. И. Фомин. — Э. В., В. О.), — вспоминал В. А. Дегтярёв, — в те дни не знали покоя. Круглыми сутками, за исключением нескольких часов сна, мы находились в цехах, следили за тем, как идет изготовление деталей и сборка... Рабочие трудились с огромным воодушевлением, многие, заменяя ушедших на фронт, перешли на два-три станка» [Дегтярёв, 1962: 142]. В итоге самоотверженной работы коллектив завода успешно выполнил задание ноября, в том числе и по выпуску ПТРД. В поздравительной телеграмме Устинова, поступившей на завод 1 декабря 1941 г., говорилось: «Поздравляю коллектив завода с образцовым выполнением ноябрьского задания партии и правительства. Уверен, что и декабрьский, а тем самым и годовой план будет выполнен образцово».

Технические разработки

Выполнение заданий ГКО по производству ПТРД стало возможным благодаря научно-техническим новшествам, предложенным на заводе № 2. Одним из них стал внедренный в производство под руководством инженера-исследователя М. С. Лазарева метод создания нарезов в 7,62-мм канале ствола способом выдавливания с помощью специального инструмента — дорна. Новый технологический процесс получил название дорнования. Данная технология произвела технический переворот в ствольном производстве, позволила ускорить процесс формообразования нарезов в канале ствола в 60 раз и получить экономический эффект, исчисляемый миллионами рублей. В дальнейшем метод дорнования был внедрен при изготовлении

¹⁶ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 10. Л. 178.

стволов 14,5 и 20-мм калибров. Для успешного выполнения этой операции инженер-изобретатель С. А. Черничкин разработал специальный инструмент, использование которого в два раза ускорило процесс окончательной обработки канала ствола на существующих на заводе № 2 производственных мощностях. Новые методы обработки канала ствола, внедренные инженерами Лазаревым и Черничкиным, сыграли огромную роль в освоении и развертывании в чрезвычайно сжатые сроки массового производства ПТРД [Бахирев, Кириллов, 1983: 138].

Всего в 1941 и 1942 гг. на заводе № 2 было произведено 17 668 и 131 796 [Околотин, 2019: 146] противотанковых ружей соответственно, или 145 464 штук ПТРД. Если же сравнить количество противотанковых винтовок, выпущенных всей германской промышленностью за 22 месяца (с марта 1940 г. по декабрь 1941 г.) в объеме 39 тыс., с количеством ПТРД, произведенных только одним заводом № 2 за 15 месяцев (с октября 1941 г. по декабрь 1942 г.) — 145 464 единицы, то можно представить суть конструкторских и технологических достижений ковровских оружейников.

О наградах

5 декабря 1941 г. бюро Ивановского обкома ВКП(б) приняло постановление «О представлении к правительственной награде завода № 2 им. Киркижа и группы работников завода». В нем были отмечены особые заслуги трудового коллектива завода № 2 перед Родиной в деле оснащения Красной армии и Военно-Морского флота СССР автоматическим оружием, систематическое перевыполнение производственной программы по выпуску пулеметов ДП, ДТ и пушек ШВАК, выполнение особого задания ГКО по внедрению в производство и выпуску в срок противотанковых ружей системы В. А. Дегтярёва. На основании изложенного обком ВКП(б) просил ЦК ВКП(б) и СНК СССР представить завод № 2 к высшей награде Союза ССР — ордену Ленина, а также наградить лучших работников завода, отличившихся в выполнении правительственных заданий¹⁷.

¹⁷ ГАИО. ФП-327. Оп. 19. Д. 15. Л. 50.

Отдельное представление было подготовлено на Героя Социалистического Труда, начальника конструкторского бюро завода Василия Алексеевича Дегтярёва «за изобретенную им конструкцию противотанкового ружья»¹⁸. И далее к постановлению прилагался список из 62 лиц, представленных к различным правительственным наградам. Так, к ордену Ленина были представлены: инженер М. С. Лазарев, А. А. Савченко — уполномоченный ГКО, В. И. Фомин — директор завода, Г. С. Шпагин — конструктор-оружейник, и М. А. Березкин — кузнец-штамповщик. К ордену Трудового Красного Знамени представлены: А. К. Жигалов — парторг ЦК ВКП(б), В. Е. Ерисов — начальник цеха № 36 В., Г. И. Маргелов — главный инженер завода, И. М. Рогов — начальник цеха № 8, и А. Т. Сухова — фрезеровщица¹⁹. К ордену Красной Звезды были представлены: Н. А. Бугров — главный инженер конструкторского бюро, А. И. Мяхлов — начальник цеха № 5, В. В. Науменко — заместитель главного инженера, А. И. Побирченко — начальник цеха № 19, Г. А. Ухмылов — секретарь ГК ВКП(б), и В. В. Яльцев — начальник горотдела НКВД²⁰. К ордену Знак Почета: П. М. Горюнов — слесарь-изобретатель, ставший впоследствии создателем станкового пулемета СГ-43, Н. Д. Покровский — мастер спецучастка, и другие.

Важно отметить, что в представлении на Николая Дмитриевича Покровского от 3 декабря отражена суть достижений инженерно-технических работников завода в сложнейших условиях второго полугодия 1941 года. В нем говорилось следующее: «...С 1939 года активно участвовал в деле внедрения протяжки специальных каналов в толстостенных каленых трубах. Результатом этой работы явилось внедрение данного метода обработки на объектах ДП, ДТ, ПКБ, МП, ППД, ППШ, ДК и другие, принесшие заводу свыше 6—7 миллионов рублей экономии, освободив от приобретения и постановки нескольких сот специальных станков, сократив годовой расход растительного льняного масла на 250—300 тонн. Значительно упрощен режущий инструмент и др.

¹⁸ Там же. Л. 51.

¹⁹ Там же. Л. 52.

²⁰ Там же. Л. 52—53.

В результате этой работы мощность завода по этой самой узкой и трудоемкой операции на всех объектах увеличилась в 60—70 раз»²¹. Эти сведения коррелируют с данными, приводимыми В. В. Бахиревым и И. И. Кирилловым в своей монографии, и, возможно, с долей условности могли стать для них документальным первоисточником. Дополнительным свидетельством о владении ими знаниями о достижениях трудового коллектива завода № 2 в рассматриваемый период является и тот факт, что в числе работников завода, представленных к награждению медалями, значился В. А. Бахирев — слесарь цеха № 6, отец В. В. Бахирева, одного из авторов монографий, посвященных В. А. Дегтяреву.

Однако история с награждением на этом не закончилась. В том же деле из Государственного архива Ивановской области хранится список на 51 работника завода, подписанный помощником директора завода, лейтенантом госбезопасности Гараниным, со сведениями компрометирующего характера²². Так, в отношении М. С. Лазарева говорилось, что он «в 1932 г. имел партвзыскание за правоопортунистическое выступление на партийном активе в Академии в Ленинграде при обмене парт-документов, взыскание снято»²³. В отношении П. М. Горюнова, будущего создателя станкового пулемета СГ-43, принятого на вооружение Красной армии в 1943 г., было отмечено: «Исключен из ВКП(б) в 1935 г. за отрыв от партии»²⁴.

Заключение

К началу и во втором полугодии Великой Отечественной войны трудами научно-технической интеллигенции завода № 2, как в КБ, так и в производственных цехах, в течение короткого времени удалось осуществить комплекс передовых организационно-технических мероприятий, позволивший не только разработать новые виды вооружения для Красной армии, но и добиться многократного увеличения их производства. Благодаря самоотверженному труду рабочих и инженерно-технических работников

²¹ Там же. Л. 82.

²² Там же. Л. 119—122.

²³ Там же. Л. 120.

²⁴ Там же. Л. 122.

завода в 1941 г. было изготовлено 17 668 противотанковых ружей. Они были отправлены в действовавшую на волоколамском направлении 16-ю армию под командованием К. К. Рокоссовского, против которой германский вермахт направил основной удар своих танков. Именно здесь, на Западном фронте, 16 ноября 1941 г. началось боевое применение противотанкового ружья В. А. Дегтярёва, ставшего грозным оружием для бронетехники и танков противника.

Победа под Москвой имела огромное военно-политическое значение. Впервые был развеян миф о непобедимости германского вермахта, его стратегия блицкрига полностью провалилась, и исход войны стал определяться состоянием экономик и результативностью работы конструкторов противоборствующих сторон.

Список источников

- Бахирев В. В., Кириллов И. И.* Конструктор В. А. Дегтярёв: за строками биографии. М.: Воениздат, 1979. 192 с.
- Бахирев В. В., Кириллов И. И.* Конструктор В. А. Дегтярёв: за строками биографии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Воениздат, 1983. 240 с.
- Бахирев В. В., Кириллов И. И.* В. А. Дегтярёв: книга для учащихся. 3 изд., перераб. М.: Просвещение, 1987. 144 с.
- Василий Алексеевич Дегтярёв. К 100-летию со дня рождения: сб. ст. М.: ЦНИИ, 1979. 176 с.
- Великая Отечественная война 1941—1945 годов: в 12 т. М.: Кучково поле, 2011—2015. Т. 7: Экономика и оружие войны. 2013. 864 с.
- Владимирский край в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945: сб. архив. док. к 75-летию Великой Победы / отв. ред. Н. Д. Максимова; сост.: Т. А. Лашманова [и др.]. Владимир: [Б. и.], 2020. 504 с.
- Вознесенский Н. А.* Хозяйственные итоги 1940 года и план развития народного хозяйства СССР на 1941 год: доклад на XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б) 18-го февр. 1941 г. [М.]: Госполитиздат, 1941. 32 с.
- Город воинской славы Ковров: сквозь века / отв. ред. О. А. Монякова. Иваново: Издатель Епишева О. В., 2013. 464 с.
- Григорьев В., Зайцев А., Синицын Ю.* Коврову — 200 лет: историко-экономический очерк. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1978. 286 с.
- Дегтярёв В. А.* Моя жизнь / литературная запись Г. Нагаева. Тула: Обл. кн. изд-во, 1962. 184 с.

- Калашиников М. Т. Записки конструктора-оружейника. М.: Воениздат, 1992. 301 с.
- Нагаев Г. Д. Конструктор Шпагин. М.: Воениздат, 1960. 144 с.
- Околотин В. С. Ивановская область в годы Великой Отечественной войны. Кн. 2: 1 января — 31 декабря 1942 года. Иваново: А-Гриф, 2019. 624 с.
- Устинов Д. Ф. Во имя Победы. М.: Центрполиграф, 2016. 384 с.

References

- Bakhirev, V. V. and Kirillov, I. I. (1979), *Konstruktor V. A. Degtiarev: za strokami biografii* [Designer V. A. Degtyarev: Behind the Lines of His Biography], Voennoe izdatel'stvo, Moscow, Russia.
- Bakhirev, V. V. and Kirillov I. I. (1983), *Konstruktor V. A. Degtiarev: za strokami biografii* [Designer V. A. Degtyarev: Behind the Lines of His Biography], 2 nd ed., revised and expanded, Voennoe izdatel'stvo, Moscow, Russia.
- Bakhirev, V. V. and Kirillov, I. I. (1987), *V. A. Degtiarev: kniga dlia uchashchikhsia* [V. A. Degtyarev: A Book for Students], 3 nd ed., revised, Moscow, Russia.
- Degtyaryov, V. A. (1962), *Moia zhizn'* [My Life], Literary record by Nagaev, G., Oblastnoe knizhnoe izdatel'stvo, Tula, Russia.
- Grigoriev, V., Zaitsev, A. and Sinitsyn, Yu. (1978), *Kovrovu — 200 let: istoriko-ekonomicheskii ocherk* [Kovrov at 200: A Historical and Economic Essay], Verkhne-Volzhsкое knizhnoe izdatel'stvo, Yaroslavl, Russia.
- Kalashnikov, M. T. (1992), *Zapiski konstruktora-oruzheinika* [Notes of a Gun Designer], Voennoe izdatel'stvo, Moscow, Russia.
- Lashmanova, T. A. and others (comps) (2020), *Vladimirskii kraj v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. 1941—1945: sbornik arkhivnykh dokumentov k 75-letii Velikoi Pobedy* [The Vladimir Region during the Great Patriotic War, 1941—1945: A Collection of Archival Documents on the 75th Anniversary of the Great Victory], in Maksimova, N. D. (ed.), [Bez izdatel'stva], Vladimir, Russia.
- Monyakova, O. A. (ed.) (2013), *Gorod voinskoi slavy Kovrov: skvoz' veka* [The City of Military Glory of Kovrov: Through the Centuries], Izdatel' Episheva O. V., Ivanovo, Russia.
- Nagaev, G. D. (1960), *Konstruktor SHpagin* [Designer Shpagin]. Voennoe izdatel'stvo, Moscow, Russia.
- Okolotin, V.S. (2019), *Ivanovskaia oblast' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, kniga 2: 1 ianvaria — 31 dekabria 1942 goda* [The Ivanovo Region during the Great Patriotic War, book 2: 1 January — 31 December 1942], A-Grif, Ivanovo, Russia

- Ustinov, D. F. (2016), *Vo imia Pobedy* [In the Name of Victory], TSentropoligraf, Moscow, Russia.
- Vasilii Alekseevich Degtiarev, *K 100-letiiu so dnia rozhdeniia: sbornik statei* [Vasily Alekseevich Degtyarev, On the 100th Anniversary of His Birth: A Collection of Articles], TSentral'nyi nauchno-issledovatel'skii institut informatsii, Moscow, Russia.
- Velikaia Otechestvennaia voina 1941—1945 godov: v 12 tomakh, tom 7: *Ėkonomika i oruzhie voiny* [The Great Patriotic War of 1941—1945 in 12 volumes, vol. 7: The Economy and Weapons of War] (2013), Kuchkovo pole, Moscow, Russia.
- Voznesensky, N. A. (1941), *KHozaistvennye itogi 1940 goda i plan razvitiia narodnogo khoziaistva SSSR na 1941 god: doklad na XVIII Vsesoiuznoi konferentsii VKP(b) 18-go fevralia 1941 g* [Economic Results of 1940 and the Plan for the Development of the USSR's National Economy for 1941: Report at the 18th All-Union Conference of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on 18 February 1941], Gosudarstvennoe politicheskoe izdatel'stvo, [Moscow], Russia.

Статья поступила в редакцию 31.07.2025; одобрена после рецензирования 01.09.2025; принята к публикации 25.09.2025.

The article was submitted 31.07.2025; approved after reviewing 01.09.2025; accepted for publication 25.09.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Э. Ш. Велибеков — аспирант кафедры истории России, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия.

E. Sh. Velibekov — postgraduate student at the Department of Russian History, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

В. С. Околотин — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия.

V. S. Okolotin — Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Department of Russian History, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

Интеллигенция и мир. 2026. № 2. С. 28—57.
Intelligentsia and the World. 2026. No. 2. P. 28—57.

Научная статья
УДК 94(47+57)“1941/1945”-058.237
EDN <https://elibrary.ru/cuifjt>
DOI: 10.46725/IW.2026.2.2

Научная специальность ВАК
5.4.4. Социальная структура,
социальные институты и процессы
5.6.1. Отечественная история

ПРАВОО ДЕЛО УЧЕНЫХ: ВКЛАД НАУЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПОБЕДУ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ*

Ирина Владимировна Воробьева

Российский государственный гуманитарный университет, Москва,
Россия, vorobyova.irina@list.ru, SPIN-код: 6949-5740,
<https://orcid.org/0000-0001-6522-3860>

Аннотация. В представленной работе проведен анализ деятельности советских ученых в предвоенный и военный периоды. Выявлены ключевые научные открытия, а также вклад научных сотрудников в оборонный потенциал СССР и победу над фашистской Германией. Автором представлено фактологическое описание состояния науки этого времени, включая численность ученых, количество научных учреждений и социальное положение данной группы. В статье рассматриваются государственные приоритеты и принципы управления наукой в 30—40-е гг. XX в. Выявляются доминирующие устремления и смысло-жизненные ориентиры научной интеллигенции и их корреляция с государственной стратегией и общенациональными интересами.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, наука, ученые, научная интеллигенция

© Воробьева И. В., 2026

* *Статья выполнена в рамках гранта «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации» Российского научного фонда, грант № 23-18-00093.*

Для цитирования: Воробьева И. В. Правое дело ученых: вклад научной интеллигенции в победу в Великой Отечественной войне // Интеллигенция и мир. 2026. № 2. С. 28—57.

Original article

THE RIGHT CAUSE OF SCIENTISTS: THE CONTRIBUTION OF THE SCIENTIFIC INTELLIGENTSIA TO THE VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR*

Irina V. Vorobyova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
vorobyova.irina@list.ru, SPIN-код: 6949-5740,
<https://orcid.org/0000-0001-6522-3860>

Abstract. The presented work analyzes the activities of scientists in the pre-war and wartime period. Key scientific discoveries have been identified, as well as the contribution of scientists to the defense potential of the USSR and the victory over Nazi Germany. The author presents a factual description of the state of science at that time, including the number of scientists, the number of scientific institutions and the social status of this group. The article examines the state priorities and principles of science management in the 30—40s of the twentieth century. The dominant aspirations and life-meaning orientations of the scientific intelligentsia and their correlation with the state strategy and national interests are revealed.

Keywords: The Great Patriotic War, science, scientists, scientific intelligentsia

For citation: Vorobyova, I. V. (2026), ‘The right cause of scientists: the contribution of the scientific intelligentsia to the victory in the Great Patriotic War’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 28—57. (in Russ.).

* The article was carried out within the framework of the grant “The fate of the social contract in Russia: the evolution of ideas and the lessons of implementation” of the Russian Science Foundation, grant No. 23-18-00093.

Введение

Актуальность. Формирование советской модели науки происходило в сложный межвоенный период — от революционных потрясений и Гражданской войны до мобилизационной активизации всех сил и всего потенциала в годы Великой Отечественной войны. Несмотря на экстремальные условия становления советской науки, во многом благодаря ей СССР удалось одержать победу над фашистской Германией, восстановить разрушенную инфраструктуру страны после войны, выйти на уровень развития науки, экономики и производства наравне, а в чем-то и опережая Соединенные Штаты Америки и западные страны. Все эти достижения стали возможны благодаря не только беспрецедентной мобилизации сил и ресурсов науки и производства, но и позиции научного сообщества, которое в сложный период консолидировало свои интересы с общегосударственными и, можно сказать, реализовало себя как важнейший субъект общественного договора этого периода.

Постановка вопроса. Цель исследования заключается в выявлении и анализе вклада научной интеллигенции СССР в победу в Великой Отечественной войне. Проблема состоит в осмыслении того, как строилась государственная политика в отношении науки и ученых, как стремления, интересы и ценностные ориентации ученых взаимодействовали с общенациональными интересами в предвоенный и военный периоды. Автор акцентирует внимание на следующих аспектах:

1. Роль государственной политики. Рассматривается, какая политика проводилась в отношении науки и ученых и как она влияла на их деятельность в условиях подготовки к войне и в ходе военных действий.

2. Социальные настроения и мотивация ученых. Исследуются стремления, интересы и смысложизненные ориентиры, характерные для научной интеллигенции, а также их корреляция с государственными задачами и интересами народа.

3. Взаимодействие ученых и власти. Проанализировано, как реакция научного сообщества на государственную политику (поддержка или неподдержка) отражалась на вкладе ученых в оборонный потенциал и победу.

4. *Трансформация статуса науки.* Описано, как деятельность ученых в военный период изменила отношение политической элиты к науке, повысила социальный статус ученых и способствовала популяризации науки в общественном сознании.

Таким образом, проблема заключается в комплексном анализе роли научной интеллигенции как субъекта общественного договора, ее вклада в военную победу, а также в изучении взаимосвязей между государственной стратегией, научным сообществом и обществом в условиях экстремальных исторических обстоятельств.

Краткий историографический обзор. Историография темы вклада научной интеллигенции СССР в победу в Великой Отечественной войне представлена рядом исследований, посвященных роли науки и ученых в предвоенный и военный периоды. В своей работе «Наука и консолидация советской системы в предвоенные годы» Э. И. Колчинский рассматривает развитие советской науки в 1930-е гг., подчеркивает ее интеграцию в государственную систему и вклад в укрепление оборонного потенциала, акцентирует внимание на организационных и идеологических аспектах науки в предвоенный период [Колчинский, 2003]. Монография Э. И. Гракиной «Ученые России в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945» посвящена деятельности ученых в условиях войны, их патриотизму и вкладу в военные разработки. Особое внимание автор уделяет потерям научного сообщества и сохранению научного потенциала в экстремальных условиях [Гракина, 2000]. В работе «“Весь мир против нас”: Запад глазами советского общества 1930-х годов» А. В. Голубев анализирует общественные настроения, включая восприятие научной интеллигенцией международной обстановки, что помогает понять идеологический контекст ее деятельности [Голубев, 2000]. Многотомное издание «Великая Отечественная война 1941—1945 годов» охватывает различные аспекты войны, включая роль науки и ученых. Так, в 10-м томе подчеркивается мобилизация научных ресурсов и их влияние на военную экономику и оборону [Великая Отечественная..., 2014]. В своей работе «Изменения в социальной структуре советского общества 1938—1970» С. Л. Сеньявский рассматривает изменения в социальной структуре, включая положение интеллигенции, что позволяет оценить

трансформацию статуса ученых в военный и послевоенный периоды [Сенявский, 1973].

Источниковая база статьи включает разнообразные материалы, которые обеспечивают фактологическую основу исследования. Стенографический отчет XVIII съезда ВКП(б) использован для анализа государственной политики в области науки и промышленности в предвоенный период¹. Постановления Государственного Комитета Обороны (ГКО) и другие архивные материалы отражают организацию научной деятельности в военное время. В статье используются данные периодической печати того периода: публикации в газетах «Правда» и «Известия» (1940—1941 гг.), включая статьи «Глубокий патриотизм советских ученых» (24 июня 1941 г.)² и «К ученым всех стран» (29 июня 1941 г.)³. Эти материалы отражают идеологическую мобилизацию научного сообщества и его патриотические настроения. Статья «Индустрия социализма неуклонно идет в гору» («Правда», 15 января 1940 г.)⁴ иллюстрирует приоритеты государственной политики в области индустриализации.

Обоснование рассматриваемого фактологического материала управления наукой в годы войны представлено в таких документальных сборниках, как «Вклад в Победу научно-исследовательских организаций СССР. 1941—1945» [Вклад в Победу..., 2016] и «В штабах Победы. 1941—1945» [В штабах Победы..., 2020].

Результаты исследования основываются также на данных, опубликованных в мемуарах ученых, например, в работах

¹ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (б): 10—21 марта 1939 г.: стеногр. отчет. М.: Госполитиздат, 1939. 744 с.

² Глубокий патриотизм советских ученых // Правда. 1941. 24 июня. С. 4. URL: https://marxism-leninism.info/paper/pravda_1941_173-23648 (дата обращения: 10.08.2025).

³ К ученым всех стран // Известия. 1941. 29 июня. С. 1. URL: <https://archive.org/details/no0871313191941/Газета%20«Известия»%20№152%20от%2029%20июня%201941%20года/mode/2up> (дата обращения: 10.08.2025).

⁴ Индустрия социализма неуклонно идет в гору! // Правда. 1940. 15 янв. С. 1. URL: https://marxism-leninism.info/paper/pravda_1940_15-24082 (дата обращения: 10.08.2025).

С. И. Вавилова (1956), содержащих размышления о роли науки в военный период и ее влиянии на государственные задачи, а также в научных статьях и воспоминаниях М. В. Келдыша, А. П. Александрова и других ученых, опубликованных в специализированных изданиях (например, «Ученые записки ЦАГИ»).

Кроме того, важное значение для настоящей работы имели научные труды Ж. Т. Тощенко [Тощенко, 2025] и его коллег [Анисимов, Воробьева, Короткова, Милованова, Тощенко, 2025], М. А. Колмыковой и М. С. Коротковой [Колмыкова, Короткова, 2024].

Исследование базируется также на большом объеме статистической информации, где представлены данные о количестве научных учреждений страны в изучаемый период, численности аспирантов и докторантов, об инвестициях в промышленность и их объеме и пр. [Наука в СССР..., 2023].

Методология и методы исследования

Исследование носит междисциплинарный характер. В статье применен комплексный подход, включающий историографический и источниковедческий анализ, статистический метод, сравнительный и нарративный подходы, а также элементы социологического и интерпретационного анализа.

Теоретической основой исследования служит теория «общественного договора», эволюция которой прослеживается от классических идей Т. Гоббса (естественное состояние как «война всех против всех» и «договор для обеспечения порядка и безопасности») [Гоббс, 2001], Дж. Локка («защита естественных прав на жизнь, свободу и собственность через согласие народа») [Локк, 1988] и Ж.-Ж. Руссо («общая воля как основа свободы и равенства») [Руссо, 1998] до современных интерпретаций, включая российский контекст. Ядром «общественного договора» являются «социальное доверие и социальный контракт между властью и народом, взаимоприемлемая общность идей развития, существование механизма взаимодействия между народом и государством; как и каким образом согласуются основные устремления, ценностные ориентации и интересы людей (народа) с политикой государственной власти, на чем базируется их согласие; обеспечивается ли баланс сил и баланс интересов, существует ли

обратная связь, которая свидетельствует, насколько власть не только слушает, но и слышит народ» [Тощенко, 2025: 46].

В кризисах, таких как войны, договор проявляется в консолидации усилий и согласовании интересов для преодоления угроз. В применении к теме исследования, теория используется для анализа научной интеллигенции как ключевого субъекта общественного договора в предвоенный и военный периоды СССР. «Общественный договор» как конструкт становится основанием для изучения общественных настроений научной интеллигенции, оценки влияния жизненных приоритетов и ценностных ориентаций на личную и гражданскую позицию, которая выражалась в том, что в годы войны ученые консолидировали свои устремления с государственной стратегией. Это способствовало мобилизации научного потенциала, победе в Великой Отечественной войне и трансформации роли науки в обществе.

Основная часть

Советская наука в предвоенный период

Уже в 1930-е гг. руководством СССР, наряду с мирным строительством, была осознана неизбежность войны и необходимость решения задач обороноспособности страны. В условиях нарастающего международного напряжения и эскалации военных рисков советское правительство было вынуждено форсировать работу по укреплению оборонного потенциала государства. В общественном сознании, включая среду ученых, постепенно формировалось устойчивое представление о враждебном окружении молодой советской республики. Противостояние СССР и капиталистического лагеря интерпретировалось как фундаментальный конфликт между добром и злом. Эту идеологему четко сформулировал в начале 1937 г. К. Е. Ворошилов: «Весь мир против нас» [Голубев, 2000]. После участия советских военных в Гражданской войне в Испании, пограничных конфликтах с Японией (о. Хасан, р. Халхин-Гол) и вооруженном конфликте СССР и Финляндии выявились недостатки в вооружении, технике и обученности войск, а административная власть осознала необходимость переоснащения армии. Признавая важнейшую роль науки в развитии экономики, промышленности, обороны, большевики интенсивно включились в строительство науки,

управление наукой и ставили перед академическим сообществом задачи скорейшей модернизации всех сфер народного хозяйства.

Строительство научной сферы

Статистика того периода красноречиво иллюстрирует масштабы научного строительства. Сеть организаций, выполнявших исследования и разработки, расширялась на протяжении всего советского периода: если в 1929 г. в СССР насчитывалось 1263 такие организации [Наука в СССР..., 2023: 8], то к 1941 г. в СССР функционировало 1821 научное учреждение: 786 научно-исследовательских институтов и их подразделений; 507 научных станций; 528 прочих исследовательских центров [Колчинский, 2003: 753]. Особенно заметным в предвоенный период стал рост отраслевых институтов, интегрированных в систему военно-промышленного комплекса. Значительно расширилась сеть заводских лабораторий, которые обеспечивали тесную связь научных разработок с производственными процессами. Численность научных кадров в СССР в 1929 г. составила 22,6 тыс. чел., а к 1941 г. — уже 98,3 тыс. чел., то есть увеличилась почти в 4,5 раза [Наука в СССР..., 2023: 13].

То, что советская наука в конце 1930-х гг. достигла высоких результатов, не было пустой пропагандой, а подкреплялось реальными научными достижениями мирового масштаба. Советскую науку того времени украшали блестящие умы, чьи имена прочно закрепились в истории мировой научной мысли. Страна дала миру целую плеяду выдающихся исследователей в самых разных областях знания.

В биологических науках работали настоящие корифеи — генетики, физиологи, специалисты по эволюционной теории и экспериментальной биологии. Среди них Н. К. Кольцов, великий И. П. Павлов, Л. А. Орбели, Н. И. Вавилов, Ю. А. Филипченко и И. И. Шмальгаузен. Физику представляли С. И. Вавилов, А. Ф. Иоффе и Д. С. Рождественский. Математическая школа гордилась такими именами, как П. С. Александров, А. О. Гельфонд, Л. А. Люстерник, Л. С. Понтрягин и О. Ю. Шмидт. Эти ученые создали фундамент, на котором выросли целые научные направления, определившие развитие мировой науки на десятилетия вперед.

Впечатляющим подтверждением высокого научного уровня стало последующее присуждение в 50-е гг. XX в. Нобелевских премий советским физикам (П. Черенков, И. Тамм, И. Франк) за открытие и исследование эффекта «Вавилова–Черенкова» — свечение жидкостей под воздействием гамма-излучения. Эти исследования были осуществлены ими в 1930-х гг. [Там же: 776].

Государство заботилось о молодой смене ученых. Так, например, с 1934 по 1941 гг. количество аспирантов выросло с 268 до 926 чел., а число докторантов к 1936 г. достигло 236 специалистов [Там же: 753].

Модернизация производственной базы

Накануне войны руководство СССР целенаправленно наращивало потенциал державы, делая особый акцент на научно-технический прогресс и модернизацию производственной базы. Масштабная индустриализация, осуществленная в довоенный период, заложила фундамент мощного промышленного комплекса. Интенсивное развитие получили стратегически важные направления: выплавка металлов, химическое производство, выпуск тракторов, автомобилей и летательных аппаратов. Это создало прочную основу для последующего расширения оборонного сектора и существенного наращивания военного производства.

Статистические данные наглядно демонстрируют приоритеты государственной политики того времени. За период с 1938 г. до начала войны в июне 1941 г. общий объем капиталовложений в промышленную сферу достиг внушительной отметки в 81,9 млрд руб. Примечательно, что львиная доля этих средств — 70,3 млрд руб. — была направлена на развитие тяжелой индустрии. Показательна и динамика роста: если в 1938 г. общие инвестиции в народное хозяйство увеличились на 4 % относительно предыдущего года, то финансирование оборонного сектора подскочило на впечатляющие 70 %⁵. К 1940 г. военная промышленность демонстрировала наивысшие темпы развития среди всех отраслей экономики страны⁶.

⁵ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (б)... С. 435.

⁶ Индустрия социализма неуклонно идет в гору! ...

Наращивание военной техники и технологий

Предчувствие неизбежности военного столкновения привело к тому, что в предвоенные годы началась интенсификация развития военной техники и технологий. Отечественными конструкторами разрабатывались новые типы самолетов и танков, оружия. Ударными темпами увеличивалось производство в этих сферах. «К началу 1941 г. производство самолетов и танков увеличилось по сравнению с 1937 г. в 2 раза, а орудий и винтовок — более чем в 2,5 раза» [Жилин, 1966: 209].

Казалось бы, такие внушительные цифры должны были решить проблему обеспечения армии современным оружием. Но количественный рост оказался обманчивым — оборонная промышленность всё равно не справлялась с запросами военных. Главная беда заключалась в огромной пропасти между моментом, когда новое оружие разрабатывалось, и тем временем, когда оно начинало поступать в войска массово [Там же: 210]. Конструкторы создавали чертежи, а до запуска серийного производства могло пройти до двух лет [Там же: 211]. Это обстоятельство серьезно тормозило техническое перевооружение Красной армии. Характерный пример: легендарный штурмовик ИЛ-2, спроектированный в 1939 г., достиг войсковых частей только к 1941 г. Схожая участь постигла истребитель ЯК-1: несмотря на одобрение правительством его серийного выпуска в начале 1940 г., реальные поставки в войска начались лишь годом позже. Танки КВ и Т-34, которые на тот момент представляли собой настоящий прорыв в военной технике, прошли все стадии разработки и получили одобрение еще в конце 1939 года. Однако массовое производство удалось запустить только во второй половине 1940-го.

Страна оказалась в крайне неудобном положении: устаревшую боевую технику уже снимали с вооружения и списывали, а новые образцы никак не могли выйти на требуемые объемы выпуска. Армия фактически повисла между прошлым и будущим — без полноценного технического оснащения ни старым, ни новым.

Просчеты предвоенной политики

Эксперты констатируют, что указанные выше задержки между разработками, производством и внедрением привели к ситуации, при которой даже упорный труд научного сообщества, конструкторов и производственников не смог обеспечить в нужных объемах

своевременные поставки современного вооружения для Вооруженных сил. Ключевой просчет, определивший отставание в перевооружении армии, крылся в неверной оценке международной обстановки высшим руководством страны. Подписание советско-германского соглашения породило иллюзию отсрочки военной угрозы на длительный период. Эта стратегическая ошибка привела к тому, что промышленность не получила должного импульса для своевременной мобилизации на военные нужды. Недостаточные мощности металлургического комплекса — как черной, так и цветной металлургии — сдерживали возможности оборонных предприятий [Там же: 206—208]. Ситуацию усугубляли просчеты в распределении металла между различными отраслями. Оборонные заводы слишком медленно налаживали производство новых образцов вооружения, а скорость переориентации производственных мощностей на выпуск современного вооружения оказалась недостаточной для обеспечения растущей армии. Впоследствии, уже в разгар военных действий, советскому народу и партийному руководству пришлось приложить беспрецедентные усилия для компенсации допущенных просчетов предвоенного времени.

Не только стратегические политические и экономические просчеты были допущены в этот период.

Репрессии предвоенных лет ударили по науке страшным образом. Пострадала не только сама научная интеллигенция — были загублены или заморожены десятки важнейших исследований и разработок. Стоило автору попасть под арест или погибнуть, как его работа повисала в воздухе. Взять хотя бы А. Фирсова, одного из создателей легендарного Т-34. Его объявили «вредителем», арестовали и расстреляли. Поразительно другое: многие ученые даже за колючей проволокой не переставали работать. Их энтузиазм не сломали ни лагерные условия, ни тюремные камеры. Целая плеяда выдающихся конструкторов — А. Туполев, С. Королев, В. Петляков и многие другие — сначала получили обвинения во вредительстве и прочих «преступлениях», а потом продолжили свои разработки в так называемых «шарашках» — закрытых конструкторских бюро для заключенных специалистов.

Тем не менее в предвоенный период советской власти удалось не только реализовать интенсивное развитие науки и производства, но и сформировать высокий уровень общественной поддержки государственного социалистического строя, в том числе среди научной интеллигенции. Для представителей старой академической школы Советская власть представлялась спасительной альтернативой предшествующему периоду социальной нестабильности, вооруженных конфликтов и экономического упадка. Кроме того, сами концепции социального равенства, братства, державности и могущества государства находили живой отклик в среде ученых. Например, тот же В. И. Вернадский отмечает «огромный положительный сдвиг» в образовании, экономике, снабжении населения продовольствием после 1933—1934 гг., когда «люди умирали с голоду и было людоедство» [Колчинский, 2003: 740]. При этом начала формироваться новая советская научная интеллигенция. Для молодого поколения советских ученых идея построения принципиально нового общественного строя выглядела еще более привлекательной. Социалистическая система открывала невиданные ранее карьерные траектории и профессиональные возможности. Глубокая вера в идеалы социализма, преданность научному сообществу и патриотические устремления создавали устойчивый механизм лояльности среди молодой интеллектуальной элиты [Воробьева, 2023]. Вера в социалистический строй была столь высока, что даже те ученые, чьи семьи пострадали от репрессий, сохраняли убежденность в справедливости и в том, что это всего лишь ошибка системы.

Можно сказать, что к моменту непосредственного приближения Великой Отечественной войны советская модель организации научной деятельности была сформирована. Речь идет не только о создании структуры, но и об установлении контроля над всеми аспектами научной жизни: от процедуры включения в научное сообщество до механизмов карьерного роста и тематики исследовательских работ. При этом значительная часть научного сообщества накануне войны не только принимала, но и активно поддерживала базовые идеологические постулаты и стратегические цели советского государства.

Советская наука в 1941—1945 гг.

Первая реакция ученых на начало Великой Отечественной войны: добровольчество и патриотизм

Война с Германией и понимание необходимости защиты страны заставили объединиться практически все социальные группы и слои. На период войны базовыми идеями взаимодействия и сплочения становятся: защита страны и народа от фашистских захватчиков; справедливый характер войны и неизбежность победы; единство фронта и тыла; освобождение братских народов и победа социализма во всем мире.

С первых дней военных действий научное сообщество СССР продемонстрировало высочайший уровень единства и готовности включиться в борьбу с фашизмом. Уже 23 июня 1941 года, на второй день войны, в Академии наук собрались на внеочередное заседание. Вел его вице-президент академик О. Ю. Шмидт. За столом оказались шестьдесят крупнейших ученых страны — цвет советской науки. Совецание завершилось принципиальным решением. Голосовали единогласно: вся научная мощь страны должна быть направлена на борьбу с фашистскими захватчиками. Время разобщенности закончилось — наука объединяется перед лицом смертельной опасности. Резолюция характеризовала начавшуюся войну как «священную битву за человечество и советский народ, прогресс, за сохранение культурного наследия народов СССР и всего мира»⁷.

Немедленной реакцией научного сообщества стала не только полная поддержка идеологического посыла, но и активная добровольческая деятельность. По всей территории Советского Союза прокатилась волна патриотических собраний научных коллективов. Молодые ученые рвались на фронт. Заявления о добровольной отправке в действующую армию сыпались одно за другим. Кто-то записывался в народное ополчение, кто-то уходил в партизанские отряды. Даже те, кого по возрасту или здоровью не брали в армию, находили способ помочь: вступали в ополчение, работали на оборонных объектах в тылу.

⁷ Глубокий патриотизм советских ученых // Правда. 1941. 24 июня. С. 4. URL: https://marxism-leninism.info/paper/pravda_1941_173-23648 (дата обращения: 10.08.2025).

Просилась на передовую не только молодежь. Член-корреспондент АН СССР Я. И. Френкель подал рапорт об отправке на фронт [Гракина, 2000: 97]. То же самое сделал И. В. Курчатов — тот самый, который позже возглавит советский атомный проект. Их прошения отклонили: руководство понимало, что эти люди принесут стране гораздо больше пользы, оставаясь за рабочим столом. Но сам этот порыв — желание именитых, незаменимых специалистов встать в строй наравне с простыми бойцами — стал мощным примером для сотен молодых научных сотрудников. Так, «уже 27 июня 1941 года 30 сотрудников Ленинградского физико-технического института влились в ряды Красной армии, а через месяц их число увеличилось до 130. Аналогичным образом поступили сотрудники различных научно-исследовательских институтов: 39 человек от Института химической физики, 14 — от Радиевого института, 17 — от Главной астрономической обсерватории. На фронт отправились будущие пионеры атомной науки и ракетной техники...» [Там же].

Руководство страны довольно быстро осознало, чем грозит потеря научных кадров. Уже 15 сентября 1941 года Государственный Комитет Обороны принял жесткое решение: преподавателей и научных работников больше не призывать. Более того, началась обратная волна — тех, кто уже успел надеть шинель и оказаться в воинских частях, стали массово возвращать к прежней работе. В качестве примера можно привести письмо № 165с от 9 июня 1942 г. вице-президента АН СССР, академика А. Ф. Иоффе председателю Комитета по делам высшей школы при СНК СССР С. В. Кафтанову о необходимости демобилизации из армии Г. Н. Флерова⁸.

⁸ Письмо № 165с от 9 июня 1942 г. вице-президента АН СССР, академика А. Ф. Иоффе председателю Комитета по делам высшей школы при СНК СССР С. В. Кафтанову о необходимости демобилизации из армии Г. Н. Флерова. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/409787-pismo-a-f-ioffe-predsdateluyu-komiteta-po-delam-vysshey-shkoly-pri-snk-sssr-s-v-kaftanovu-o-neobhodimosti-demobilizatsii-iz-armii-g-n-flerova-locale-nil-165s-9-iyunya-1942-g#mode/inspect/page/1/zoom/4__ (дата обращения: 14.07.2025).

*Организация советской науки
в годы Великой Отечественной войны*

Война изменила всё в один день. Советская наука мгновенно развернулась на сто восемьдесят градусов. То, что еще вчера казалось важным и приоритетным, в одночасье утратило смысл. Научные институты перестраивались буквально на ходу. Фундаментальные исследования отложили в сторону — теперь главным стало решение конкретных военных задач. Счет шел на дни: нужно было срочно дать фронту то, что поможет выжить и победить.

В соответствии с нуждами фронта перестроилась не только тематика исследований, но и вся система организации и управления наукой. Например, почти все физические, химические и технические институты полностью сосредоточились на военной проблематике. Многих ученых и вовсе отправили прямо на заводы. Лаборатории остались позади — теперь их рабочим местом стали цеха и производственные площадки. Появились мобильные научные бригады, которые курсировали между предприятиями. Свежие разработки внедрялись прямо у станков и конвейеров. От идеи до воплощения проходили считанные дни, а не месяцы, как в мирное время.

В годы войны Государственный комитет обороны во главе с И. В. Сталиным стал ключевым органом управления, который координировал все стратегические направления: от военной экономики и технического развития до внешней политики и социальной сферы. В своей деятельности ГКО опирался на структуры Совнаркома СССР и сеть из полусотни специальных уполномоченных представителей. Для научного обеспечения военных усилий при комитете сформировали «особый научно-технический совет — своеобразный мозговой центр. Координацию научной работы поручили С. В. Кафтанову, возглавлявшему Комитет по делам высшей школы при СНК СССР, который стал уполномоченным ГКО по науке. В июле 1941 г. при нем был организован Совет по координации научной работы. В 1943 г. уполномоченным ГКО был назначен академик С. И. Вавилов» [Великая Отечественная..., 2014: 455]. В период Великой Отечественной войны Совет играл важную роль в мобилизации научного потенциала страны. Его деятельность была направлена на преодоление ведомственных барьеров и максимально эффективную интеграцию

научных ресурсов для нужд обороны. Посредством активного взаимодействия с командованием Красной Армии, различными наркоматами, исследовательскими институтами, учебными заведениями Совет существенно оптимизировал процессы научно-технических исследований и внедрения новых разработок, которые во многом определили победу над фашистской Германией.

Вместе с началом военных действий происходила масштабная эвакуация научного сообщества в тыловые регионы страны⁹ [Вклад в Победу..., 2016: 131, 191].

Близость фронтовой линии поставила под угрозу оккупации значительную часть научных учреждений, что привело к необходимости масштабной эвакуации учреждений, расположенных в западных регионах страны. В экстремальных условиях эвакуировали промышленные предприятия, научные организации и объекты, где размещались культурные ценности: «Было перемещено 147 высших учебных заведений, что свидетельствует о масштабной организационной работе и способности научного сообщества действовать в экстремальных военных условиях» [Круглянский, 1976: 83].

Научные институты эвакуировались в восточные регионы. Учреждения физико-математического и химического профиля разместились в Казани, геологические институты — на Урале, биологические — во Фрунзе, гуманитарные — в Ташкенте и Алма-Ате.

Перемещение научных организаций из центральной и западной России в восточные регионы позволило не только сохранить, но и приумножить научный потенциал. Кроме того, это

⁹ Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О создании Совета по эвакуации». 24 июня 1941 г. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/300180-postanovlenie-tsk-vkp-b-i-snk-sssr-locale-nil-o-sozdanii-soveta-po-evakuatsii-locale-nil-24-iyunya-1941-g> (дата обращения: 14.07.2025); Постановление № 1767-770сс ЦК ВКП(б) и СНК СССР о порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества. Москва, 27 июня 1941 г. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/202863-postanovlenie-locale-nil-1767-770ss-tsk-vkp-b-i-snk-sssr-o-poryadke-vyvoza-i-razmescheniya-lyudskih-kontingentov-i-tsennogo-imuschestva-moskva-27-iyunya-1941-g> (дата обращения: 14.07.2025).

способствовало росту производительных сил восточных регионов, формированию новых научных школ и направлений. В частности, в 1941 г. была создана Грузинская академия наук, в 1943 г. — Армянская и Узбекская академии, в 1945 г. — Азербайджанская АН, в 1946 г. — Казахская АН [Наука в СССР..., 2023: 11].

Важным ресурсом приумножения научного потенциала стало объединение эвакуированных научных центров и ученых местными кадрами. Совместная деятельность была сосредоточена на развитии военной промышленности, мобилизации ресурсов для оборонных нужд, подготовке молодых специалистов и повышении уровня исследовательской работы [Тощенко и др., 2025: 52]. Если в 1940 г. в Казахстане насчитывалось 46 научных организаций, то к 1950 г. их число возросло почти втрое [Наука в СССР..., 2023: 34].

Роль ученых в обеспечении страны сырьем

Наряду с перемещением многих научных центров вглубь страны, в СССР развернулась активная деятельность геологоразведочных экспедиций по изучению и разработке природных ресурсов для обеспечения промышленности стратегически важным сырьем. В Средней Азии были обнаружены крупнейшие в СССР залежи вольфрама (исследовательская группа профессора МГУ Н. А. Смольянинова). В Казахстане геологические экспедиции открыли большое месторождение молибденовой руды. В Кузбассе советскими геологами были открыты новые месторождения железной руды. Под руководством профессора Д. В. Наливайкина на Урале было открыто месторождение бокситов. Важнейшим стратегическим направлением стала нефтедобыча в регионе Поволжья [Великая Отечественная..., 2014: 456—460].

Основные открытия и достижения советских ученых в годы войны

Представить полный перечень научных достижений военного времени в рамках данной статьи невозможно, поэтому остановимся на наиболее существенных, с нашей точки зрения.

Значительные успехи отечественных ученых в области радиотехники и радиолокации привели к созданию эффективных систем обнаружения авиации противника, которые стали важнейшим компонентом противовоздушной обороны. Коллективы

академических институтов оптического профиля под руководством академика С. И. Вавилова создали новые приборы для армии: дальномеры, стереотрубы, устройства для аэрофотосъемки. Развитие оптических исследований позволило также решить задачи светомаскировки военных объектов [Новиков, 1988].

Существенный вклад в достижение победы внесли конструкторские разработки ОКБ С. В. Ильюшина предвоенного и военного периодов [Сопова, Копочинский, 2016]. Значительную роль в повышении результативности дальней авиации сыграли специальные навигационные таблицы, разработанные сотрудниками Математического института АН СССР. Эти расчеты заметно повысили точность авиационной навигации, что имело стратегическое значение для успешного осуществления боевых операций дальней авиацией [Великая Отечественная..., 2014: 466].

К числу наиболее важных научных достижений периода Великой Отечественной войны следует отнести исследования М. В. Келдыша, посвященные решению проблемы флаттера — неконтролируемых вибраций крыльев и других несущих поверхностей летательных аппаратов, приводящих к их разрушению. Расчеты М. В. Келдыша использовались всеми конструкторскими бюро, случаев аварий из-за флаттера на отечественных самолетах в годы Великой Отечественной войны не было. Уравнения М. В. Келдыша помогли также справиться с «эффектом шимми» — колебанием шасси самолетов на высоких скоростях [Пархомовский, Попов, 1971].

Большая группа советских математиков внесла значительный вклад в борьбу с противником. А. П. Александров и его коллеги в 1942 году были удостоены Сталинской премии I степени за разработку метода противоминной защиты и технологии размагничивания кораблей¹⁰. Советский математик М. А. Лаврентьев получил Сталинскую премию в 1949 году за создание теории кумулятивных струй. В военные годы М. А. Лаврентьев разработал

¹⁰ Анатолий Петрович Александров // Официальный сайт Межрегиональной Ассоциации «Отечественное Ядерное общество». URL: <http://nsrus.ru/jaor/pochetnye-chleny/anatolii-petrovich-aleksandrov.html> (дата обращения: 27.05.2025).

оружие, сыгравшее решающую роль в сражении на Курской дуге. Его теория дала возможность повысить пробивную способность снаряда при одновременном уменьшении его габаритов¹¹. Н. Г. Четаев решил задачи по определению крутизны нарезки оружейных стволов, что обеспечило кучность стрельбы и устойчивость снаряда в полете. Н. Г. Четаев также впервые решил задачу об устойчивости движения снаряда с полостями, полностью наполненными жидкостью. Деятельность Н. Г. Четаева получила высокую оценку государства: он был избран членом-корреспондентом АН СССР, а в послевоенный период награжден орденом Ленина и Ленинской премией¹².

В военные годы советские ученые разработали и внедрили в производство пистолет-пулемет ППШ-41 (конструктор Г. С. Шпагин), крупнокалиберный пулемет Дегтярёва — Шпагина (ДКШ), противотанковые ружья, самоходную артиллерийскую установку, вошедшую в число лучших образцов ствольной артиллерии, боевую машину реактивной артиллерии БМ-13 «Катюша», системы дальнего обнаружения для войск ПВО и многое другое.

Вклад научного медицинского сообщества в Победу

Значительный вклад в сохранение жизней бойцов Красной армии внесло медицинское научное сообщество, в первую очередь Институт физиологии и сеть специализированных исследовательских центров. С началом войны медицинская наука быстро переориентировалась на решение неотложных фронтовых задач. Естественно, что первыми перестроили свою деятельность хирургические подразделения, затем к ним присоединились остальные специализации.

¹¹ Михаил Лаврентьев: ученый создал оружие, предопределившее победу на Курской дуге // Вести Новосибирск. URL: https://www.nsktv.ru/news/city/mikhail_lavrentev_uchenyu_sozdal_oruzhie_predopredelivshee_pobedu_na_kurskoj_duge/ (дата обращения: 27.05.2025).

¹² Здесь зарождалась наука и ковалась победа. Н. Г. Четаев // Музеи Казанского федерального университета. URL: <https://museums.kpfu.ru/blog/news/zdes-zarozhdalas-nauka-i-kovalas-pobeda-n-g-chetaev/> (дата обращения: 27.05.2025).

На начальном этапе войны приоритетными направлениями медицинских исследовательских задач стали борьба с анаэробными инфекциями, сложными кровотечениями, обморожениями, переломами, распространением тифа и кишечных инфекций. В дальнейшем акцент сместился на лечение огнестрельных ранений, техник ампутации, обезболивания и восстановительной хирургии. Революционный прорыв в военно-полевой хирургии совершил профессор А. В. Вишневский. Он разработал систему местного обезболивания путем новокаиновой блокады нервов, усиленный масляно-бальзамической повязкой. Особенно эффективной оказалась предложенная им вагосимпатическая блокада при лечении проникающих ранений — к третьему году войны она стала обязательной процедурой при огнестрельных ранениях грудной клетки. Благодаря этой методике хирурги получили возможность проводить сложнейшие операции на грудной клетке и внутренних органах, что позволило сохранить тысячи солдатских жизней [Великая Отечественная..., 2014: 466]. Сотрудники Института физиологии разработали эффективную систему защиты военнослужащих от контузий на основе тщательного исследования воздействия взрывной волны на человеческий организм. На основе этого совершенствовались защита и лечение солдат от последствий контузий.

В 1942 году отечественная фармацевтическая наука достигла важного результата: был создан первый советский антибиотик. З. В. Ермольева и Т. И. Балезина синтезировали «крустозин» — аналог пенициллина, а группа ученых в составе П. Г. Сергиева, Г. Ф. Гаузе и М. Г. Бражниковой организовала производство отечественного грамицидина. Эти разработки значительно расширили возможности военных медиков в борьбе с тяжелыми инфекционными осложнениями и сепсисом¹³.

Стратегическое («атомное») направление советской науки

Стратегически важной задачей, которая смогла бы полностью определить победу страны в войне, стало создание ядерного оружия. Несмотря на некоторые меры по развитию атомного проекта еще в предвоенные годы, большого прорыва не получалось

¹³ Здесь зарождалась наука и ковалась победа. Н. Г. Четаев.

[Атомные проект..., 1998]. Переломным моментом становятся доклады об иностранных разработках в сфере атомной энергии¹⁴.

С 1942 г. СССР активно включается в процесс геологоразведки и добычи урановых руд¹⁵. В феврале 1943 г. было принято решение ГКО «О мерах по успешному развитию работы по урану» в котором, в том числе, предписывалось оказывать «систематическую помощь специальной лаборатории атомного ядра Академии наук СССР», а научное руководство работ по урану возложить на профессора И. В. Курчатова. Это стало началом периода активных разработок в сфере атомной энергии¹⁶. курировал эту работу председатель СНК СССР В. М. Молотов [Великая Отечественная..., 2014: 468].

Вклад гуманитарной интеллигенции в Победу над врагом

Свой вклад в оборону страны вносили и ученые гуманитарных направлений. Их деятельность была направлена на патристическую поддержку населения, они писали статьи и брошюры, выступали с лекциями и докладами в тылу и на фронте.

Научная интеллигенция включилась в активную работу по информационно-пропагандистской работе и духовной мобилизации как советского народа, так и мировой общественности. «В этот час решительного боя советские ученые идут со всем народом, отдавая все силы борьбе с фашистскими поджигателями

¹⁴ Письмо НКВД СССР в ГКО И. В. Сталину о работах по использованию атомной энергии в военных целях за рубежом и необходимости организации этой работы в СССР. № 1720/б. 6 октября 1942 г. // Архив Президента РФ. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/409794-pismo-nkvd-sssr-v-gko-i-v-stalinu-o-rabotah-po-ispolzovaniyu-atomnoy-energii-v-voennyh-tselyah-za-rubezhom-i-neobhodimosti-organizatsii-etoy-raboty-v-sssr-locale-nil-1720-b-6-oktyabrya-1942-g> (дата обращения: 14.07.2025).

¹⁵ Постановление ГКО № 2542сс «О добыче урана». 27 ноября 1942 г. // Архив Президента РФ. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/409797> (дата обращения: 14.07.2025).

¹⁶ Постановление ГКО СССР № 2872 «О мерах по успешному развитию работы по урану». 11 февраля 1943 г. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/300586-postanovlenie-gko-sssr-locale-nil-2872-locale-nil-o-merah-po-uspeshnomu-razvitiyu-raboty-po-uranu-locale-nil-11-fevralya-1943-g#mode/inspect/page/1/zoom/7> (дата обращения: 14.07.2025).

войны — во имя защиты своей родины и во имя защиты свободы мировой науки и спасения культуры, служащей всему человечеству... Все, кому дорого культурное наследие тысячелетий, для кого священны высокие идеалы науки и гуманизма, должны положить все силы на то, чтобы безумный и опасный враг был уничтожен»¹⁷.

Большой вклад в информационно-пропагандистскую работу того времени внесла деятельность Советского бюро военно-политической пропаганды, которое было образовано 25 июня 1941 г.¹⁸ Главными функциями бюро стало составление сводок о действиях советских войск, положении на фронте, в тылу для газет, журналов и радио. Благодаря действиям Совинформбюро и подведомственных ему комитетов к 1 мая 1945 г. за границу «было отправлено 134 805 статей и 129 909 фотографий. Этими материалами обеспечивались 32 телеграфных и газетных агентства мира, 1171 газета и 523 журнала различных направлений, а также 18 радиостанций в 23 странах» [Великая Отечественная..., 2014: 539]. Поддержка работы бюро осознавалась государством как важнейшее направление информационной и пропагандистской работы — на эту деятельность государство тратило порядка 50 млн руб. в год [Петрова, 1999: 245]. Объективные данные свидетельствовали о том, что и само бюро, и его составная часть — антифашистские комитеты — успешно выполнили в годы войны стоявшие перед ними задачи по антифашистской пропаганде в СССР и западных странах.

Историки, архивисты, музеологи вели активную деятельность по сохранению научного и культурного наследия. Историческая наука в военные годы превратилась в мощный инструмент

¹⁷ К ученым всех стран // Известия. 1941. 29 июня. С. 1. URL: <https://archive.org/details/no0871313191941/Газета%20«Известия»%20№152%20от%2029%20июня%201941%20года/mode/2up> (дата обращения: 10.08.2025).

¹⁸ Постановление ЦК ВКП(б) «О создании Советского бюро военно-политической пропаганды». 25 июня 1941 г. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/300182-postanovlenie-tsk-vkp-b-locale-nil-o-sozdanii-sovetskogo-byuro-voenno-politicheskoy-propagandy-locale-nil-25-iyunya-1941-g> (дата обращения: 14.07.2025).

идеологической консолидации общества, способствуя объединению народов в их противостоянии фашистской угрозе. Научные изыскания в гуманитарной сфере переориентировались на актуальные военные задачи. Ученые-гуманитарии вели активную идеологическую работу против немецкой пропаганды. Особое внимание исследователи уделяли героическим страницам российского прошлого. Знаковым событием 1944 г. стали научные конференции в стенах МГУ им. М. В. Ломоносова. На них обсуждались такие значимые темы, как семивековой юбилей Ледового побоища и фундаментальный вклад отечественных ученых в сокровищницу мировой науки и культуры. Еще в 1942 г. научный коллектив историков МГУ начал работу над сборником «Против фашистской фальсификации истории».

Научная интеллигенция СССР к окончанию Великой Отечественной войны

В годы Великой Отечественной войны советская наука демонстрировала беспрецедентную мобилизацию всех своих ресурсов. И основными направлениями этой мобилизации стали организация эффективной военной экономики, массовое производство передовой военной техники и вооружения, мобилизация природных ресурсов, идеологическое противостояние фашизму. Советские ученые внесли определяющий вклад в Победу, превратив науку в мощное оружие борьбы с агрессором.

Военный период стал не только величайшей народной трагедией, но и серьезным испытанием для научно-интеллектуального потенциала страны. Масштаб человеческих и научных потерь оказался колоссальным. Оккупация нанесла разрушительный удар по научным центрам крупнейших городов — Киева, Харькова, Одессы, Львова, Минска, Смоленска, Пскова и Новгорода. Множество выдающихся ученых погибли на фронте, умерли от голода и болезней, были замучены, расстреляны или насильственно вывезены в Германию.

Общая численность интеллигенции (специалистов с высшим и средним специальным образованием) сократилась с 2,4 млн человек в 1940 году до 2,2 млн в 1945 году, что составило 91,7 % от довоенного уровня [Сенявский, 1973: 413—415]. Согласно данным ленинградских историков, «численность научных

кадров СССР к началу четвертой пятилетки сократилась на 28 %, по Ленинграду — до 60 %» [Гракина, 2000: 330]. Тем не менее, несмотря на потери в годы войны, советская наука проявила беспрецедентную жизнестойкость. Удалось сохранить значительную часть высококвалифицированных кадров науки, материально-технической базы научных учреждений и уникальное научное оборудование. Продолжалась работа по организации научного образования, которая в ряде случаев требовала от студентов совмещения учебы с работой на оборону. Как вспоминает С. Б. Гуревич, он «одновременно устроился на завод им. Ф. Э. Дзержинского, выпускавший боеприпасы, контролером ОТК (с работой в вечернюю и ночную смены, чтобы днем можно было ходить на лекции)» [Гуревич, 2013: 10]. Такая организация труда позволяла поддерживать научный потенциал страны даже в критические периоды войны. Энтузиазм к работе, самоотдача со стороны ученых были на высочайшем уровне даже в тяжелейших условиях. «Физический институт функционировал не только днем, но и до поздней ночи. В нем постоянно копошились научные сотрудники и студенты — такая была жажда работать» [Там же: 12—13].

В военное время продолжали работать диссертационные советы. «Так, в МГУ имени М. В. Ломоносова за годы войны было защищено 106 докторских и 520 кандидатских работ» [Великая Отечественная..., 2014: 471].

Таким образом, в экстремальных условиях военных действий продолжались подготовка научных кадров и формирование новых научных подразделений, способных оперативно решать оборонные и народнохозяйственные задачи.

Заключение

В период Великой Отечественной войны научная интеллигенция СССР продемонстрировала подлинный патриотизм и гражданскую ответственность. Два субъекта общественного договора — ученые и власть — сумели преодолеть противоречия и полностью мобилизовать свой потенциал на благо обороны страны. Интересы страны, защиты Родины, победы над фашистской Германией стали общими для всех социальных групп и отодвинули на второй план личные амбиции, обиды и противоречия,

а сама наука стала инструментом и одним из главных ресурсов победы в Великой Отечественной войне. Ученые рассматривали свою деятельность исключительно через призму национальных интересов и необходимости защиты Отечества. Академик С. И. Вавилов особо подчеркивал роль военного периода для научного сообщества: «Война стала новой школой для ученых. Она научила еще конкретнее, чем в предшествующее время, отличать важное от второстепенного, государственные задания от так называемой “чистой науки”. Война показала, каким образом научный коллектив в патриотическом порыве способен быстро и уверенно решать большие и трудные задачи. Война показала, какие большие скрытые научные силы имеются на периферии» [Вавилов, 1956: 707].

Вклад советских ученых оказался весьма значительным, что нашло отражение в государственной политике по отношению к научному сообществу. В период с 1941 по 1946 годы было присуждено 1578 Государственных премий, среди получателей которых были 92 академика и 71 член-корреспондент АН СССР [Гракина, 2000: 354]. Это свидетельствует о высоком научном потенциале страны в критический период ее истории.

Победа в войне кардинально изменила внутреннюю атмосферу научного сообщества и его взаимоотношения с государственной властью. Произошла существенная трансформация управленческих подходов: партийная бюрократия утратила былое влияние, а профессионалы получили заслуженное признание. Руководство страны окончательно осознало, что научные достижения являются фундаментальным условием технологического прогресса, промышленного развития и укрепления обороноспособности. Стратегическая цель превращения СССР в мировую державу напрямую связывалась с потенциалом отечественной науки. Ученые превратились в ключевых акторов государственного строительства, от интеллектуальных разработок которых зависело будущее страны.

Война и ее итоги вынудили государственно-партийный аппарат пересмотреть традиционные подходы к научному сообществу. Еще во время войны видные ученые возглавили научно-технические советы наркоматов, главки, некоторые из них были выдвинуты на посты заместителей наркомов. Так, академик

И. П. Бардин стал заместителем наркома черной металлургии, профессор В. А. Флеров — заместителем наркома цветной металлургии, член-корреспондент АН СССР, профессор А. Г. Касаткин — заместителем наркома химической промышленности, автор конструкции тяжелого танка KB Ж. Я. Котин — заместителем наркома танковой промышленности. В руководство госкомитетов и главков в годы войны вошли академики П. Л. Капица, А. А. Григорьев, член-корреспондент АН СССР А. Б. Чернышев и др. После войны действительные члены и члены-корреспонденты АН СССР, крупные специалисты профессора и доктора наук осуществляли научно-техническое руководство в различных отраслях народного хозяйства, занимая руководящие должности в наркоматах, ведомствах и других организациях [Гракина, 2000: 328].

Особое значение приобрела дипломатическая миссия советских ученых — они формировали позитивный образ СССР среди западной интеллектуальной элиты.

Таким образом, вклад советских ученых в победу в Великой Отечественной войне существенно повлиял на положение науки, научного сообщества в стране, усилив статус и политическое влияние научной интеллигенции. Наука стала рассматриваться как важнейший инструмент обеспечения государственной безопасности и экономического роста и потенциала страны. Исход противостояния между СССР и Германией был определен — в том числе — консолидацией интересов и действий государственных управленческих структур и интеллектуальной элиты.

Список источников

- Анисимов Р. И., Воробьева И. В., Короткова М. С., Милованова М. Ю., Тощенко Ж. Т.* «Все для фронта, все для победы»: вклад социальных общностей и групп в Победу в Великой Отечественной войне (круглый стол) // Социологические исследования. 2025. № 5. С. 41—66. DOI 10.7868/S3034601025050042.
- Атомный проект СССР: Док. и материалы: в 3 т. Т. I: в 2 ч. 1938—1945 / отв. сост. Л. И. Кудинова. Ч. 1. М.: Наука, Физматлит, 1998. 432 с.
- В штабах Победы. 1941—1945: Док.: в 5 кн. Кн. 1: 1941. «Вставай страна огромная» / отв. ред. А. К. Сорокин. М.: Науч.-полит. кн., 2020. 576 с.

- Вавилов С. И.* Собр. соч.: в 5 т. Т. 3: Работы по философии и истории естествознания / отв. ред. И. В. Кузнецов. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 870 с.
- Великая Отечественная война 1941—1945 годов: в 12 т. М.: Кучково поле, 2011—2015. Т. 10: Государство, общество, война, 2014. 864 с.
- Вклад в Победу научно-исследовательских организаций СССР. 1941—1945: сб. док. в 3 т. Т. 1: Эвакуация. 1941—1942 / отв. сост. О. Н. Солдатова. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2016. 688 с.
- Воробьева И. В.* Ученые как субъект «общественного договора» в предвоенный период // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2024. № 3. С. 12—23. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-12-23.
- Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 2001. 503 с.
- Голубев А. В.* «Весь мир против нас»: Запад глазами советского общества 1930-х годов // Труды Института российской истории РАН. 1997—1998 гг. / отв. ред. А. Н. Сахаров. Вып. 2. М.: ИРИ РАН, 2000. С. 286—323.
- Гракина Э. И.* Ученые России в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945. М.: ИРИ РАН, 2000. 386 с.
- Гуревич С. Б.* Семь десятилетий в физике / отв. ред. В. Г. Григорьянц. СПб.: Физико-технический институт им. А. Ф. Иоффе, 2013. 192 с.
- Жилин П. А.* Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз. 2-е изд., доп. М.: Мысль, 1966. 296 с.
- Колмыкова М. А.* Инженеры как объект и субъект «общественного договора» в период с 1920 по 1945 гг. // Вестник Самарского муниципального института управления. 2024. № 3. С. 73—81.
- Колчинский Э. И.* Наука и консолидация советской системы в предвоенные годы // Наука и кризисы / отв. ред. Э. И. Колчинский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 728—782.
- Круглянский М. Р.* Высшая школа и подготовка специалистов для фронта и тыла // Советская культура в годы Великой Отечественной войны / отв. ред. В. А. Ким. М.: Наука, 1976. С. 77—89.
- Локк Дж.* Два трактата о правлении // Дж. Локк. Соч.: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 135—405.
- Наука в СССР: о чем говорит статистика? / сост. Е. А. Долгова, Е. А. Стрельцова. М.: ИЦ РГГУ, 2023. 40 с.
- Новиков В. Н.* Накануне и в дни испытаний. М.: Политиздат, 1988. 397 с.

- Пархомовский Я. М., Попов Л. С. Исследования М. В. Келдыша в ЦАГИ по автоколебаниям самолетных конструкций // Ученые записки ЦАГИ. 1971. № 1. С. 3—8.
- Петрова Н. К. Антифашистские комитеты в СССР: 1941—1945 гг. М.: ИРИ РАН, 1999. 338 с.
- Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре: трактаты. М.: Канон-пресс: Кучково поле, 1998. 414 с.
- Сенявский С. Л. Изменения в социальной структуре советского общества 1938—1970. М.: Мысль, 1973. 446 с.
- Сонова А. С., Копочинский А. К. История ОКБ им. С. В. Ильюшина // European science. 2016. № 6 (16). С. 36—39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-okb-im-s-v-ilyushina> (дата обращения: 10.02.2025).
- Тощенко Ж. Т. Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации. М.: ФНИСЦ РАН, 2025. 844 с.

References

- Anisimov, R. I., Vorobyeva, I. V., Korotkova, M. S., Milovanova, M. Yu. and Toshchenko Zh. T. (2025), ‘ ”Everything for the front, everything for victory”: the contribution of social communities and groups to Victory in the Great Patriotic War (round table)’, *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Studies], no. 5: 41—66, doi: 10.7868/S3034601025050042.
- Dolgova, E. A. and Streltsova, E. A. (comps) (2023), *Nauka v SSSR: o chem govorit statistika?* [Science in the USSR: what about does statistics say?], Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, Moscow, Russia.
- Golubev, A. V. (2000), ‘ ”The whole World is against us”: The West through the eyes of Soviet Society in the 1930s’, in Sakharov, A. N. (ed.), *Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN. 1997—1998 gody* [Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences], iss. 2, Institut rossiiskoi istorii RAN, Moscow, Russia: 286—323.
- Grakina, E. I. (2000), *Uchenye Rossii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. 1941—1945* [Scientists of Russia during the Great Patriotic War. 1941—1945], Institut rossiiskoi istorii RAN, Moscow, Russia.
- Gurevich, S. B. (2013), *Sem' desiatiletii v fizike* [Seven decades in physics], in Grigoryants, V. G. (ed.), *Fiziko-tekhnicheskii institut imeni A. F. Ioffe*, Saint Petersburg, Russia.
- Hobbes, T. (2001), *Leviafan, ili Materiia, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan or the matter, forme and power of a common wealth ecclesiasticall and civil], Mysl', Moscow, Russia.

- Kolmykova, M. A. (2024), 'Engineers as an object and subject of the "social contract" in the period from 1920 to 1945', *Vestnik Samarskogo municipal'nogo instituta upravleniia* [Bulletin of the Samara Municipal Institute of Management], no. 3: 73—81.
- Kolchinsky, E. I. (2003), 'Science and the consolidation of the Soviet system in the pre-war years', in Kolchinsky, E. I. (ed.), *Nauka i krizisy* [Science and Crises], Dmitrii Bulanin, Saint Petersburg, Russia: 728—782.
- Kruglyansky, M. R. (1976), 'Higher education and training of specialists for the front and rear', in Kim, V. A. (ed.), *Sovetskaia kul'tura v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Soviet culture during the Great Patriotic War], Nauka, Moscow, Russia: 77—89.
- Kudinova, L. I. (comp.) (1998), *Atomnyi proekt SSSR: Dokumenty i materialy: v 3 tomakh, tom I: v 2 chastiakh: 1938—1945* [The USSR Atomic Project: Documents and materials: in 3 vol., vol. I: in 2 parts: 1938—1945], part 1, Nauka, Fizmatlit, Moscow, Russia.
- Locke, J. (1988), 'Two treatises of government', in Locke, J. *Sochineniia: v 3 tomakh* [Essays in 3 vol.], vol. 3, Mysl', Moscow, Russia: 135—405.
- Novikov, V. N. (1988), *Nakanune i v dni ispytanii* [On the eve and on the days of trials], Politicheskoe izdatel'stvo, Moscow, Russia.
- Parkhomovsky, Ya. M. and Popov, L. S. (1971), 'M. V. Keldysh research at the CAHI on self-oscillation of aircraft structures', *Uchenye zapiski TsAGI* [TsAGI Scientific Notes], no. 1: 3—8.
- Petrova, N. K. (1999), *Antifashistskie komitety v SSSR: 1941—1945 gody* [Anti-fascist Committees in the USSR: 1941—1945], Institut rossiiskoi istorii RAN, Moscow, Russia.
- Rousseau, J.-J. (1998), *Ob obshchestvennom dogovore: traktaty* [On the social contract: treatises], Kanon-press, Kuchkovo pole, Moscow, Russia.
- Senyavsky, S. L. (1973), *Izmeneniia v sotsial'noi strukture sovetskogo obshchestva 1938—1970* [Changes in the social structure of Soviet society 1938—1970], Mysl', Moscow, Russia.
- Sopova, A. S. and Kopochinsky, A. K. (2016), 'The history of the OKB named S. V. Ilyushin', *European science*, no. 6 (16): 36—39, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-okb-im-s-v-ilyushina> (Accessed 10 February 2025).
- Soldatova, O. N. (ed.), *Vklad v Pobedu nauchno-issledovatel'skikh organizatsii SSSR, 1941—1945: sbornik dokumentov: v 3 tomakh, tom 1: Evakuatsiia, 1941—1942* [Contribution to the Victory of scientific research organizations of the USSR. 1941—1945: A Compilation of documents: in 3 vol., vol. 1: Evacuation] (2016), OOO "Nauchno-tekhnicheskii tsentr", Samara, Russia.

- Sorokin, A. K. (ed.) (2020), *V shtabakh Pobedy, 1941—1945: Dokumenty v 5 knigakh Kniga 1. 1941: “Vstavai strana ogromnaia”* [At Victory headquarters, 1941—1945: Documents: in 5 books, book 1: 1941: “Get up, the enormous country”], Nauchno-politicheskaia kniga, Moscow, Russia.
- Toshchenko, Zh. T. (2025), *Sud'by obshchestvennogo dogovora v Rossii: evoliutsiia idei i uroki realizatsii* [The fates of the social contract in Russia: the evolution of ideas and the lessons of implementation], Federal'nyi nauchno-issledovatel'skii sotsiologicheskii tsentr RAN, Moscow, Russia.
- Vavilov S. I. (1956), *Sobranie sochinenii: v 5 tomakh, tom 3: Raboty po filosofii i istorii estestvoznaniia* [Collected works: in 5, vol., vol. 3: Works on philosophy and the history of natural science], Kuznetsov, I. V. (ed.), Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Moscow, Russia.
- Velikaia Otechestvennaia voina 1941—1945 godov: v 12 tomakh, tom 10: Gosudarstvo, obshchestvo, voina*, [The Great Patriotic War of 1941—1945 in 12 volumes, vol. 10: State, society, war] (2014), Kuchkovo pole, Moscow, Russia.
- Vorobyova, I. V. (2024), ‘Scientists as a subject of the “social contract” in the pre-war period’, *Vestnik RGGU, seriia: Filosofii, Sotsiologii, Iskusstvovedenie* [RGGU Bulletin, series: Philosophy, Sociology, Art Studies], no. 3: 12—23, doi: 10.28995/2073-6401-2024-3-12-23.
- Zhilin, P. A. (1966), *Kak fashistskaia Germaniia gotovila napadenie na Sovetskii Soiuz* [How Fascist Germany was preparing an attack on the Soviet Union], 2nd ed., expanded, Mysl', Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 28.08.2025; одобрена после рецензирования 19.11.2025; принята к публикации 27.11.2025.

The article was submitted 26.08.2026; approved after reviewing 19.11.2025; accepted for publication 27.11.2025.

Информация об авторе / Information about the author

И. В. Воробьева — кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

I. V. Vorobyova — Candidate of Sciences (Sociology), associate professor of the Department of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

FROM THE HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA

Интеллигенция и мир. 2026. № 2. С. 58—72.

Intelligentsia and the World. 2026. No. 2. P. 58—72.

Научная статья

УДК 94(430)“1945/195”:329.17

EDN <https://elibrary.ru/jxnsrp>

DOI: 10.46725/IW.2026.2.3

Научная специальность ВАК
5.6.2. Всеобщая история

ПАНГЕРМАНСКИЙ СОЮЗ: КОНЕЦ ИСТОРИИ?

Александр Александрович Турыгин

Костромской государственной университет, Кострома, Россия,

aturigin@mail.ru, SPIN-код: 1670-6249,

<https://orcid.org/0000-0003-0758-6422>

Аннотация. Одним из сложных и слабоизученных в историографии Пангерманского союза до сих пор остается вопрос о том, что стало с его руководством, членами и наследием после 1939 года, когда организация официально была ликвидирована. В условиях современной политической реальности этот вопрос приобрел особую актуальность, так как затронул проблему преемственности элит довоенного и послевоенного времени, так называемого периода ранней ФРГ (вторая половина 1940-х — 1950-е гг.). Учитывая «склонность ФРГ к скорейшей политической амнезии» (Ю. Хабермас), идеологическое наследие пангерманцев не было должным образом изучено и проанализировано, что, в какой-то мере, позволило ему пережить саму организацию, ее знаменитых руководителей и сохраниться вплоть до наших дней. В статье сделана попытка анализа того, как пангерманская элита, пережившая Нюрнбергский процесс и денацификацию, смогла адаптироваться к условиям демократической Западной Германии, а также насколько актуальным оказалось наследие пангерманцев для консервативных кругов ФРГ.

© Турыгин А. А., 2026

Ключевые слова: Пангерманский союз, денацификация, ФРГ, элита, преемственность, идеология, консерватизм, «канцлерская демократия», надпартийность, национальное единство

Для цитирования: Турыгин А. А. Пангерманский союз: конец истории? // Интеллигенция и мир. 2026. № 2. С. 58—72.

Original article

PAN-GERMAN LEAGUE: THE END OF HISTORY?

Alexander A. Turygin

Kostroma State University, Kostroma, Russia,

aturigin@mail.ru, SPIN-код: 1670-6249,

<https://orcid.org/0000-0003-0758-6422>

Abstract. One of the most complex and understudied issues in the historiography of the Pan-German league remains the question of what became of its leadership, members, and legacy after 1939, when the organization was officially dissolved. In the current political climate, this question has acquired particular relevance, as it touches on the issue of the succession of the pre- and post-war elites, the so-called early period of the Federal Republic of Germany (the second half of the 1940s to the 1950s). Given the “propensity of the Federal Republic of Germany for rapid political amnesia” (Habermas), the ideological legacy of the Pan-Germans has not been properly studied and analysed, which, to some extent, has allowed it to outlive the organization itself and its famous leaders and persist to this day. The article attempts to analyse how the Pan-German elite, having survived the Nuremberg Trials and denazification, was able to adapt to the conditions of democratic West Germany, as well as how relevant the legacy of the pan-Germans turned out to be for conservative circles in the Federal Republic of Germany.

Keywords: Pan-German league, denazification, Federal Republic of Germany, elite, continuity, ideology, conservatism, “chancellor democracy”, non-partisanship, national unity

For citation: Turygin, A. A. (2026), ‘The Pan-German league: The End of History?’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 58—72 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Вопрос о судьбе Пангерманского союза после 1939 года по-прежнему остается открытым. Обычно исследователи ставят точку в истории организации именно на 1939 году, когда, согласно указанию рейхсфюрера СС и шефа немецкой полиции Генриха Гиммлера, 8 марта Пангерманский союз был официально распущен. В своем распоряжении Гиммлер отметил, что основные цели, которые ставил перед собой Пангерманский союз, были достигнуты с аннексией Австрии. Однако, если учитывать ту роль, которую Пангерманский союз играл на протяжении трех ключевых эпох германской истории (Вильгельминистская империя, Веймарская республика, Третий рейх), его значение как медиатора общественных настроений и лидера мнений, его богатое интеллектуальное наследие и его связи с консервативными элитами государства, — вопрос о ликвидации организации просто не может стать финальным аккордом ее истории. Этот вопрос требует более глубокого анализа, поскольку он связан с проблемой преемственности довоенных и послевоенных немецких элит.

Важно также отметить, что пангерманские идеи, как и любые другие идеи, жизненный цикл которых не зависит от хода истории, не исчезли бесследно, а изменились и трансформировались, найдя новые формы выражения в различных движениях и идеологиях, которые проявились в послевоенной Германии. Таким образом, исследование судьбы Пангерманского союза после 1939 года не только освещает исторические процессы новейшей истории Германии, но и помогает понять, как старые идеологии могут влиять на новые идеологии, как менялись механизмы адаптации и трансформации элиты, их создававшей. Если в условиях политической стабильности элита способна к непрерывному воспроизводству, а старое руководство естественным образом замещается новым, более молодым (при том, что целевые установки принципиально не меняются), то в условиях острых потрясений, характеризующих Германию первой половины XX века, вопрос о том, приводит ли резкая смена режима в экстраординарные, кризисные моменты к существенным изменениям внутри политических элит, остается дискуссионным [Хоффманн-Ланге, 2017: 56]. Подытожим: вопрос о разрывах и преемственности элит предоставляет новые возможности для анализа политической и социальной динамики

в послевоенной Германии, а также подчеркивает важность глубокого и всестороннего изучения исторического наследия пангерманцев для понимания ее современной истории.

Постановка вопроса. В данной статье сделана попытка систематизировать основные вехи послевоенной истории пангерманцев и проанализировать значение их идеологического наследия для ранней ФРГ. При этом мы опираемся не столько на воспоминания элиты Пангерманского союза, личную переписку и упоминания об отношениях с официальной властью после завершения Второй мировой войны, сколько на материалы судебных и следственных дел имущественного характера, а также на мнения отечественных и зарубежных историков.

В связи с такой постановкой проблемы мы выделяем следующие исследовательские задачи:

— выявить и сформулировать принципиальные идеи и суждения пангерманцев, которые оказались актуальными для послевоенной Германии;

— проанализировать воспоминания пангерманцев о том, как им пришлось восстанавливать связи с единомышленниками после войны, решать имущественные вопросы, адаптироваться к условиям новой политической реальности;

— оценить роль пангерманских идей в контексте развития немецкого консерватизма 1950—60-х годов.

Методология и методы исследования

Методологическую основу исследования составили историзм, системность и объективность, позволившие охарактеризовать политическое и общественно-историческое развитие послевоенной Германии с точки зрения востребованности опыта прежних элит, которые, подвергнувшись процедурам денацификации, восполнили потребность в кадрах молодой ФРГ.

Термин «элита» появился на рубеже XIX и XX веков, когда социологи и политологи Г. Моска, В. Парето и Р. Михельс попытались научно классифицировать и объяснить кризис классического европейского либерализма в связи с ростом массовых, преимущественно социал-демократических организаций, а также феномен политического католицизма, который не вписывался в традиционную партийно-политическую парадигму, имел

многочисленных последователей и не был связан с электоратом какой-либо партии. Для классиков теории элит одной из основополагающих черт современной им элиты являлось господство меньшинства, возникающего в процессе социального отбора, над большинством. Более того, по их мнению, именно конфликты между элитами, стремящимися к власти, а не классовая борьба, были движущей силой исторического процесса. Таким образом, классическая концепция элиты отражала типичное для того времени массовое презрение к буржуазии и массам, демонстрируя свой антидемократический характер. Однако после 1945 года теоретическая дискуссия в социальных науках быстро развила новую концепцию, в соответствии с которой элиты вовсе не следовало считать несовместимыми с нормами и практикой представительной демократии (см.: [Zapf, 1965]). В духе функционалистских теорий элит и демократического элитизма элиты даже стали считаться необходимым условием функционирования демократических систем. Именно тогда было расширено традиционное представление об элитах — не как замкнутых кастах, а как субъектах, способных влиять на сферу публичной политики. В этом случае речь шла об интеллектуальных элитах, способных воздействовать на дискурс власти с помощью подконтрольных им медиатехнологий [Eliten und Elitenkritik..., 2021: 9—10].

Помимо биографического метода, который связан с анализом воспоминаний и личных документов пангерманской элиты, в статье использован диалектический метод. С его помощью были выявлены компоненты и структуры элиты как политического субъекта не одномоментно, а в развитии. Бихевиористский метод позволил обнаружить и обобщить элементы однообразия в политическом поведении довоенных и послевоенных элит. Сравнительно-историческая перспектива позволила соотнести и проанализировать идеи сильного, суверенного государства, претендовавшего на роль субъекта международных отношений у германских элит до и после войны.

Основная часть

На протяжении всех ключевых периодов истории Германии (конец XIX — первая треть XX века) Пангерманский союз являлся националистической организацией, идеология которой основывалась на принципах экспансионизма, шовинизма, расизма

и антисемитизма, а также сильного государства во главе с элитой. Своим возникновением Пангерманский союз был обязан широкомасштабному колониальному движению 80-х гг. XIX в. В качестве одной из важнейших задач он провозгласил защиту немецких национальных интересов по всему миру через достижение практических целей немецкого колониализма [Hartwig, 1966: 242]. Не являясь политической партией, Пангерманский союз быстро обрел поддержку среди представителей высокообразованного и состоятельного среднего класса. Этот класс, состоящий преимущественно из банкиров, промышленников, университетских ученых и дворянской интеллигенции, стремился использовать организацию как средство политической борьбы за власть, сначала с высшей аристократией эпохи канцлера Отто фон Бисмарка и императора Вильгельма II, а позже с социал-демократией Веймара. В разное время членами Пангерманского союза были Макс Вебер, Карл Лампрехт, Густав Штреземан, Фридрих Ратцель, Эмиль Кирдорф и даже Отто фон Бисмарк, ставший на склоне лет «почетным членом» организации. За счет богатых субсидий и членских взносов Пангерманский союз очень быстро стал лидером мнений в системе массовой коммуникации. Имея широкую сеть филиалов в стране и за ее пределами, а также используя авторитетные медиаресурсы (выходившие массовым тиражом газеты «Rheinisch-Westfälischen Zeitung» («Рейнско-Вестфальская газета»), «Berliner Tageblatt» («Берлинский ежедневник»), «Alldutsche Blätter» («Пангерманские листки»); издательства Ю. Ф. Лемана, О. Дидерихса и А. Шерля), пангерманцы довольно смело критиковали правительство, кайзера, а после 1918 года — Веймарскую республику, пытаясь организовать государственный переворот и учредить диктатуру элиты. Всё это пангерманцы объясняли борьбой с узкими сословными, партийными, конфессиональными или частными интересами во имя интересов национальных. Суперцелью пангерманцев было создание этнического, гомогенного сообщества (Volksgemeinschaft) и отвоение для него «жизненного пространства». В этой связи историография рисует нам Пангерманский союз как идеологических предшественников национал-социализма, а пангерманцев — их учителями [Асадулина, 1978; Kuczinski, 1950; Frech, 2009; Jackisch, 2017]. Однако в Третьем рейхе из-за личных конфликтов

с А. Гитлером, разного понимания вопроса о власти в таком однородном национальном государстве и методов борьбы Пангерманский союз был ликвидирован, хотя и сравнительно позже других партий или общественных организаций.

На мысль об идеологической преемственности пангерманизма в условиях послевоенной ФРГ наводят размышления о главных врагах пангерманцев, начиная с первых лет Веймарской республики, — социал-демократах и коммунистах. Именно по этой причине в условиях холодной войны для политической элиты ФРГ риторика пангерманизма оказалась востребованной, хотя данную связь публично никто не подчеркивал. Пангерманский союз официально был связан с национал-социализмом, и поэтому любые разговоры о нем в пространстве публичной политики были табуированы. Одним из немногих, кто обратил на это внимание, был философ Г.-К. Кальтенбруннер. В 70—80-е годы XX века, когда лидерами общественного мнения были так называемые «новые левые», он начал писать о современных ему элитах с консервативной точки зрения. Его работы сейчас активно переводят на русский язык [Кальтенбруннер, 2020; Его же: 2025].

Герд-Клаус Кальтенбруннер (1939—2011) — одна из самых значительных фигур среди консервативных публицистов Германии второй половины XX века. Он принадлежал к числу тех мыслителей своего времени, которые активно противостояли культурной революции 1968 года и ее последствиям. Г.-К. Кальтенбруннер, удостоенный множества престижных литературных наград, обладал обширными знаниями и высокой духовной дисциплиной. Его идеи и взгляды оказывали значительное влияние на общественные дискуссии в ФРГ в 1970—1980-х годах, задавая направление многим важным темам и вопросам [Фомичев, 2025: 137—186].

Следуя логике рассуждений Кальтенбруннера, элиты понимаются не просто как сообщества персон, занимающих руководящие посты в государстве, а как интеллектуальные группы, формирующие (и если хотите, то продуцирующие) дискурс власти. С этой точки зрения руководство Пангерманского союза вполне соответствовало понятию «элита». Оно состояло из представителей так называемого класса интеллектуалов, выходцев из средних обеспеченных слоев, которые после Ноябрьской революции

1918 года продвигали идею сильного государства во главе с новой элитой (ими самими же). Под элитой понималась воспитанная на имперском прошлом, связанная с ним группа консерваторов, которых объединяла не просто интеллектуальная близость, а мышление и действие в категории национальных интересов. Именно на этой почве пангерманцы в конечном счете сблизились с национал-социализмом; более того, сами пангерманцы считали себя предшественниками и учителями Гитлера. Как раз такой взгляд на Пангерманский союз стал господствовать в послевоенной историографии.

Вопрос о преемственности германских элит периода диктатуры и демократического государства является актуальным, но, к сожалению, не всегда востребованным в историографии. Причины этого кроются большей частью в политико-идеологической сфере, но и с научной точки зрения существует немало проблем, прежде всего, в вопросах методологии. Попытку решить эти вопросы как раз и предпринял Кальтенбруннер, доказавший возможность такой преемственности, даже учитывая демократический характер нового немецкого государства. С его точки зрения, элита демократического государства была возможна, и она фактически отстаивала те же самые идеи сильного, суверенного и способного к активной роли субъекта международных отношений государства, что и предшествующая элита. А в силу объективного характера, наиболее способной к политической деятельности в ФРГ оказалась и та элита, которая существовала при национал-социалистической диктатуре. Разумеется, прежде всего, она должна была быть подвергнута наказанию за все злодеяния, публично признать вину и покаяться, а дальше приступить к профессиональной деятельности в условиях нового государства.

Следуя такой логике о преемственности пангерманских элит, заметно сократившихся в силу разных, прежде всего, естественных причин, современные исследователи утверждают, что пангерманские круги сохранили контроль над судебной и административной властью в основном в федеральных землях ФРГ (отчасти и ГДР), а наиболее незаурядные личности — университетскую кафедру и возможность влиять на подрастающее поколение [Hofmeister, 2024: 745—748].

Примером адаптации пангерманца к условиям послевоенной ФРГ является биография Генриха Класса, который был руководителем и публичным лидером Пангерманского союза вплоть до его роспуска. После ликвидации организации Г. Класс прожил еще целых 14 лет. Он умер в Йене (в ГДР) в 1953 году, получив разрешение вернуться туда из Майнца уже на склоне лет.

В связи с тем, что Класс как бывший член рейхстага не попал под действие закона о замораживании активов и счетов лиц, связанных с нацистами (адвокат Класса вовремя представил заверенную копию протокола слушания от 21 ноября 1946 года, согласно которому «г-н Класс под присягой подтвердил, что никогда не был членом НСДАП»), тяжбы послевоенного времени для него были связаны с попытками восстановления финансовой состоятельности. Кроме того, Класс, как и другие пангерманцы, избежал процедуры денацификации. Сама процедура тоже оказалась неэффективной, более того, как пишут немецкие исследователи, в 1950-х годах в западногерманском общественном мнении распространилось суждение, приписывающее расизм, террор и военные преступления незначительному меньшинству, что намеренно «подвело черту под денацификацией» [Hofmeister, 2024: 21].

Чтобы ускорить возвращение активов Класса, сын его друга, пангерманца Пауля Месмана, судья из Майнца Отто Месман [Claß, 2022: 255, 270, 396] в марте 1949 года подготовил трактат о Пангерманском союзе, оправдывающий его лидеров — Генриха Класса и Альфреда Гугенберга, изобразив их как тайных противников Гитлера [Hering, 2003: 500]. В нем, например, утверждалось, что руководство союза предупреждало о надвигающейся войне еще в апреле 1914 года. Причины захвата власти нацистами также были четко сформулированы: они кроются в крахе Веймарской республики, не сумевшей удовлетворить насущные потребности немецкого народа. Пангерманский союз был объявлен «самой прочной оппозицией национал-социализму» [Hering, 2003: 501]. Класс изображался как пророк, предрекший Гитлера как разрушителя Германского рейха еще в 1930 году. Поэтому НСДАП назвала пангерманцев своими естественными врагами и распустила союз. Само собой разумеется, что такое изображение полностью искажало реальные отношения между Пангерманским союзом и НСДАП.

Самое живое участие в возвращении активов Класса приняли молодые пангерманцы, вступившие в организацию за несколько лет до ее роспуска, или их последователи. В условиях ФРГ многие из них заняли государственные должности. Например, доктор Йоханнес Рейнхард, ставший в июне 1946 г. членом гамбургского парламента от ХДС, а с 1953 г. — судьей Конституционного суда [Hering, 1994: 537—542]. Другой пример — Франц Зонтаг, бургомистр Бергиш-Нойкирхена из Северного Рейна-Вестфалии или Эрих Ульзен, ставший председателем регионального отделения Немецкой имперской партии, существовавшей в 1950—1964 гг. Благодаря им, как отмечает современный исследователь Хофмайстер, в ФРГ стала распространяться пангерманская идея надпартийности [Hofmeister, 2024: 746]. Эта идея оказалась востребованной теми, кто сопротивлялся господству христианских демократов.

Другая пангерманская идея, которая ожила в ФРГ, была связана с взглядом на новую элиту, которая должна сформироваться не на основе демократического избирательного права или борьбы политических партий. В 1950-е и начале 1960-х годов распространялось мнение о том, что Германия должна стать форпостом на защите западных ценностей от большевизма. Ей мешала только бесконечная партийная борьба и раздутое народное представительство. Концентрация власти при канцлере Конраде Аденауэре воспринималась сторонниками таких мер весьма положительно, т. к. они призывали превратить ФРГ во что-то среднее, напоминающее квазимонархию или канцлерскую диктатуру. Но при такой власти канцлер должен был опираться не на интересы парламента, а на группу доверенных лиц. Об этом писал поклонник пангерманизма и главный редактор консервативного журнала «Neues Abendland» («Новый Запад») Герхард Крол. Похожие суждения встречались и на страницах других печатных изданий: «Abendländische Aktion» («Западное действие») (1951—1953) и «Abendländische Akademie» («Западная академия») (1952—1965) — среди авторов, докладчиков, участников дискуссий и спонсоров которых были многие влиятельные политики, особенно из консервативных кругов правящих партий.

Термин «Abendland», который с немецкого языка переводится буквально как «вечерняя земля», обычно используется для

обозначения «Запада» или «западного мира». Он является антонимом «Morgenland» («утренняя земля»), который относится к «Востоку». Термин часто используется для обозначения «христианского Запада» и отражает культурную общность и особенность латинского Запада, а не просто географическое положение. В Германии он был популярен еще с XVI века, с Библии Лютера, как противопоставление византийскому «Востоку», а позднее приобрел политическое значение, особенно в послевоенной Германии, когда стал использоваться для обозначения общих культурных и духовных традиций стран Западной Европы и Северной Америки. Политическую окраску термин приобрел не без участия Освальда Шпенглера и его «Заката Европы» (от первоначального названия «Падение христианского Запада» («Der Untergang des Abendlandes»)) и в зависимости от перевода). Шпенглер дал новую интерпретацию «Abendland», антикатолическую, и не обязательно охватывающую только Европу. Это привело к яростной контратаке на него со стороны католиков, которая привела к возникновению основательной дискуссии католических и протестантских теологов, продолжавшейся до 1960-х годов [Dawson, 1961; Köhler, 1993; Jost, 1994].

Со времени окончания Первой мировой войны Европа оказалась между двумя полюсами: Соединенными Штатами, символизировавшими сущность модернизма, индивидуализма и капиталистического материализма, и Советской Россией, с ее марксистским материализмом и религиозным секуляризмом. Предлагаемым решением было возвращение к средневековой Европе, к духовным, а не материалистическим основам самобытной европейской цивилизации. Например, те, кто хотел жить в «Abendland», отвергли панъевропейские планы популярного после Второй мировой войны австрийского теоретика европейской интеграции Р. Куденхове-Калерги (1894—1972), поскольку в них экономические интересы были провозглашены объединяющей силой. Короче говоря, результатом дискуссий, который с изменениями был перенесен в плоскость послевоенной консервативной, общественно-политической мысли, стала концепция «Abendland», предложенная христианскими демократами. В ее основе лежал не интернационализм и универсализм, а интеграция и наднационализм.

Заключение

На фоне наметившейся со второй половины 1980-х — начала 1990-х годов в ФРГ тенденции к национальному единству немцев консервативные круги предложили вариант хрупкого консенсуса не на основе политической идеологии или формы государства (имея в виду уже сравнительно долгий опыт раздельного существования двух немецких государств), а на основании хрупкой национальной идентичности, в основе которой лежали общегерманские историко-культурные ценности.

Последняя фаза дискуссий о национальных интересах, выступающих в качестве интегративной основы для западных и восточных немцев, пришлось на 2000-е годы. Именно тогда в поле зрения специалистов оказались проблемы «конструирования» национального посредством культурных паттернов, коммуникации или исторической ментальности. Именно в это время были сделаны попытки переосмыслить наследие пангерманизма, которое до этого времени в историографии было представлено крайне однообразно: пангерманцы изображались исключительно как предвестники национал-социализма и почти всегда осуждались. Исследование гамбургского историка Р. Херинга о Пангерманском союзе «Сконструированная нация», опубликованное в 2003 году, показало, насколько может быть переосмыслено наследие пангерманцев в условиях современности [Hering, 2003].

Список источников

- Асадулина И. Г.* Экспансионистская программа Пангерманского союза, 1891—1914 гг.: опыт исследования идеологических основ экспансии: дис. ... канд. ист. наук. М., 1978. 190 с.
- Кальтенбруннер Г.-К.* Трудный консерватизм / пер. с нем. А. Иванова. М.: Тотенбург, 2020. 302 с.
- Кальтенбруннер Г.-К.* Элита: Воспитание на случай чрезвычайной ситуации / пер. с нем. А. В. Чёрного. М.: Silene Noctiflora, 2025. 192 с.
- Фомичев Ф. М.* Герд-Клаус Кальтенбруннер: аскеза и проблема элит в условиях современности // Г.-К. Кальтенбруннер: Элита. Воспитание на случай чрезвычайной ситуации / пер. с нем. А. В. Чёрного. М.: Silene Noctiflora, 2025. С. 137—186.

- Хоффманн-Ланге У.* Элиты в Германии: исторические изменения и актуальные вызовы // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 2. С. 55—83.
- Claß H.* Politische Erinnerungen des Vorsitzenden des Alldeutschen Verbandes 1915—1933/36 // Deutsche Geschichtsquellen des 19. und 20. Jahrhunderts (DGQ). Bd. 79. B.: Duncker und Humblot, 2022. 1062 S.
- Dawson C.* Die Gestaltung des Abendlandes. Frankfurt a./M.: Fischer Bücherei, 1961. 10 S.
- Eliten und Elitenkritik vom 19. bis zum 21. Jahrhundert // Archiv für Sozialgeschichte / hrsg. K. Heinsohn, T. Krol, A. Kruke. Bd. 61. Bonn: Verlag J. H. W. Dietz Nachf. GmbH, 2021. 646 S.
- Frech S.* Wegbereiter Hitlers? Theodor Reismann-Grone. Ein Völkischer Nationalist (1863—1949). Paderborn: Ferdinand Schöningh Verlag, 2009. 463 S.
- Hartwig E.* Zur Politik und Entwicklung des Alldeutschen Verbandes von seiner Gründung bis zum Beginn der ersten Weltkriege (1891—1914). Diss. zur Erlangung des Doktorgrades. Jena, 1966. 266 S.
- Hering R.* Reinhard, Johannes // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon / Hrsg. von Friedrich Wilhelm Bautz. Bd. 7 Herzberg: Verlag Traugott Bautz GmbH, 1994. S. 537—542.
- Hering R.* Konstruierte Nation. Der Alldeutsche Verband 1890 bis 1939. Hamburg: Hans Christians Verlag, 2003. 600 S.
- Hofmeister B.* Anwalt für die Diktatur. Heinrich Claß (1868—1953): Sozialisation—Weltanschauung—Alldeutsche Politik. B.: De Greyter, 2024. 847 S.
- Jackisch B.* The Pan-German league and radical nationalist politics in interwar Germany, 1918—1939. Burlington: Routledge, 2017. 220 p.
- Jost J.* Der Abendland-Gedanke in Westdeutschland nach 1945: Versuch und Scheitern eines Paradigmenwechsels in der deutschen Geschichte nach 1945. Diss. zur Erlangung des Doktorgrades. Hannover: Universität Hannover, 1994. 266 S.
- Köhler O.* Abendland (Occident, Europa) // Theologische Real-Enzyklopädie. Bd. 1. B.: De Gruyter, 1993. S. 17—42.
- Kuczinski J.* Studien zur Geschichte des deutschen Imperialismus. Bd. 2: Propagandaorganisationen des Monopolkapitals. Berlin: Dietz Verlag, 1950. 339 S.
- Zapf W.* Wandlungen der deutschen Elite. Ein Zirkulationsmodell deutscher Führungsgruppen 1919—1961. München: Piper, 1965. 260 S.

References

- Asadulina, I. G. (1978), *Ekspansionistskaia programma Pangermanskogo soiuzna, 1891—1914 gg. opyt issledovaniia ideologicheskikh osnov ekspansii* [The expansionist program of the Pan-German league, 1891—1914: an attempt to study the ideological foundations of expansion], Ph. D. (History), Thesis, Moskovskii oblastnoi pedagogicheskii institut imeni N. K. Krupskoi, Moscow, Russia.
- Claß, H. (2022), Politische Erinnerungen des Vorsitzenden des Alldeutschen Verbandes 1915—1933/36, in *Deutsche Geschichtsquellen des 19. und 20. Jahrhunderts* (DGQ), Bd. 79, Duncker und Humblot, Berlin, Germany.
- Dawson, C. (1961), *Die Gestaltung des Abendlandes*, Fischer Bücherei, Frankfurt-am-Main, Germany.
- Fomichev, F. M. (2025), ‘Gerd-Klaus Kaltenbrunner: Asceticism and the Problem of Elites in Modern Times’, in Kaltenbrunner, G.-K., *Elita: Vospitanie na sluchai chrezvychainoi situatsii* [Elite: Educating for Emergencies], Translated from German by Cherny, A. V., Silene Noctiflora, Moscow, Russia: 137—186.
- Frech, S. (2009), *Wegbereiter Hitlers? Theodor Reismann-Grone, Ein Völkischer Nationalist (1863—1949)*, Ferdinand Schöningh Verlag, Paderborn, Germany.
- Hartwig, E. (1966), *Zur Politik und Entwicklung des Alldeutschen Verbandes von seiner Gründung bis zum Beginn der ersten Weltkrieges (1891—1914)*, D. Sc. (History) Thesis, Universität Jena, Jena, (East) Germany.
- Heinsohn, K., Krol, T. and Kruke, A. (2021) (eds), *Eliten und Elitenkritik vom 19. bis zum 21. Jahrhundert*, in *Archiv für Sozialgeschichte*, Bd. 61, Verlag J. H. W. Dietz Nachf. GmbH, Bonn, Germany.
- Hering R. (1994), *Reinhard, Johannes* // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon / Hrsg. von Friedrich Wilhelm Bautz. Bd. 7, Verlag Traugott Bautz GmbH, Herzberg, Germany: 537—542.
- Hering, R. (2003), *Konstruierte Nation, Der Alldeutsche Verband 1890 bis 1939*, Hans Christians Verlag, Hamburg, Germany.
- Hoffmann-Lange, U. (2017), ‘Elites in Germany: Historical Changes and Current Challenges’, *Aktual'nye problemy Evropy* [Current problems of Europe], no. 2: 55—83.
- Hofmeister, B. (2024), *Anwalt für die Diktatur, Heinrich Claß (1868—1953): Sozialisation—Weltanschauung—Alldeutsche Politik*, De Greyter, Berlin, Germany.
- Jackisch, B. (2017), *The Pan-German league and radical nationalist politics in interwar Germany, 1918—1939*, Routledge, Burlington, UK.

- Jost, J. (1994), *Der Abendland-Gedanke in Westdeutschland nach 1945: Versuch und Scheitern eines Paradigmenwechsels in der deutschen Geschichte nach 1945*, D. Sc. (History) Thesis, Universität Hannover, Hannover, Germany.
- Kal'tenbrunner, G.-K. (2020), *Trudnyi konservatizm* [Difficult conservatism], Translated from German by Ivanov, A., Totenburg, Moscow, Russia.
- Kal'tenbrunner, G.-K. (2025), *Elita: Vospitanie na sluchai chrezvychainoi situatsii* [Elite: Educating for Emergencies], Translated from German by Cherny, A. V., Silene Noctiflora, Moscow, Russia.
- Köhler, O. (1993), 'Abendland', *Theologische Real-Enzyklopädie*, Bd. 1, De Gruyter, Berlin, Germany: 17—42.
- Kuczinski, J. (1950), *Studien zur Geschichte des deutschen Imperialismus, Bd. 2: Propagandaorganisationen des Monopolkapitals*, Dietz Verlag, Berlin, (East) Germany.
- Zapf, W. (1965), *Wandlungen der deutschen Elite, Ein Zirkulationsmodell deutscher Führungsgruppen 1919—1961*, Piper, München, Germany.

Статья поступила в редакцию 21.05.2025; одобрена после рецензирования 17.06.2025; принята к публикации 26.06.2025.

The article was submitted 21.05.2025; approved after reviewing 17.06.2025; accepted for publication 26.06.2025.

Информация об авторе / Information about the author

А. А. Турыгин — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Костромской государственной университет, Кострома, Россия.

A. A. Turygin — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History, Kostroma State University, Kostroma, Russia.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ

INTELLIGENCE IN THE DEVELOPMENT OF REGIONS

Интеллигенция и мир. 2026. № 2. С. 73—91.

Intelligentsia and the World. 2026. No. 2. P. 73—91.

Научная статья

УДК 7:008(571.53/.54)

EDN <https://elibrary.ru/hmkzvs>

DOI: 10.46725/IW.2026.2.4

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

5.10.1. Теория и история культуры, искусства

ОЗЕРО БАЙКАЛ В МИРЕ ИСКУССТВА И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ СИБИРИ

Виталий Викторович Ткачев

ГАУ ДО ИО «Региональный центр всестороннего развития ребенка «Вектор», Научно-исследовательский центр «Иркутская историческая школа интеллигентоведения», Иркутск, Россия,
vitaliy.tkachev.96@mail.ru, SPIN-код: 8838-6656,
<https://orcid.org/0000-0002-1057-3270>

Аннотация. В статье рассматриваются современные выставочные проекты, где представители художественной интеллигенции занимаются сохранением видов Байкала, памятников природы, которыми на протяжении долгого времени интересовались как творческое, так и научное общества. Отмечается, что художники понимают значимость своей деятельности в области изучения байкальских вод и населенных пунктов вблизи озера.

В работе показано, что в настоящее время, благодаря сотрудничеству художников, деятелей искусства, ученых и других представителей интеллигенции на Байкале формируются творческие центры, которые

постепенно превращаются в уникальные общественные художественные пространства, в важную составляющую культурной жизни Иркутского региона. Здесь художники знакомятся с новыми направлениями в живописи, обмениваются знаниями и приобретают опыт. Эти просветительские и творческие площадки на Байкале посещают не только местные жители, но и гости из центральной части России и зарубежных стран. В рамках взаимодействия с другими художниками, которые впервые оказывались на Байкале, и влияния музеев и картинных галерей Иркутского региона многие деятели искусства начинают искать новые способы передачи видов озера, его неповторимого природного и животного мира. Особенно ярко это проявляется у молодых художников Сибири. Некоторые из них начинают писать картины под водой, другие — используют искусственный интеллект и природные материалы при реконструкции исторических легенд о Байкале или создания представлений о будущей жизни на берегах острова. Причем эти новации оказываются востребованными, особенно у горожан, стремящихся выбраться из повседневной урбанистической суеты.

Ключевые слова: Сибирь, озеро Байкал, Иркутская область, художественная интеллигенция, культура, современное искусство, музеи, картинные галереи, творческие объединения

Для цитирования: Ткачев В. В. Озеро Байкал в мире искусства и культурной жизни современной художественной интеллигенции Сибири // Интеллигенция и мир. 2026. № 2. С. 73—91.

Original article

LAKE BAIKAL IN THE WORLD OF ART AND CULTURAL LIFE OF THE CONTEMPORARY ARTISTIC INTELLIGENTSIA OF SIBERIA

Vitaliy V. Tkachev

Regional Center for Comprehensive Child Development "Vector",
Research Center «Irkutsk Historical School of Intellectual Studies», Irkutsk,
Russia, vitaliy.tkachev.96@mail.ru, SPIN-код: 8838-6656,
<https://orcid.org/0000-0002-1057-3270>

Abstract. This article examines contemporary exhibition projects where members of the artistic intelligentsia are engaged in preserving Lake Baikal's natural landscapes, which have long fascinated both the creative and scientific communities. It notes that artists understand the significance of their work in studying Lake Baikal's waters and the settlements around the lake.

The paper demonstrates that, thanks to the collaboration of artists, art workers, scientists, and other intellectuals, creative centers are currently being formed on Lake Baikal, gradually transforming into unique public art spaces and an important component of the cultural life of the Irkutsk region. Here, artists are introduced to new artistic trends, exchange knowledge, and gain experience. These educational and creative spaces on Lake Baikal are visited not only by local residents but also by guests from central Russia and abroad. Through interactions with other artists visiting Lake Baikal for the first time and the influence of museums and art galleries in the Irkutsk region, many artists are beginning to explore new ways to convey the lake's views and its unique natural and animal worlds. This is especially evident among young artists from Siberia. Some are beginning to paint underwater, while others are using artificial intelligence and natural materials to reconstruct historical legends about Lake Baikal or imagine future life on the island's shores. These innovations are proving to be popular, especially among city residents seeking an escape from the daily bustle of urban life.

Keywords: Siberia, Lake Baikal, Irkutsk Region, artistic intelligentsia, culture, contemporary art, museums, art galleries, creative associations

For citation: Tkachev, V. V. (2026), 'Lake Baikal in the world of art and cultural life of the contemporary artistic intelligentsia of Siberia', *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 73—91 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Природа Байкала была и остается востребованным местом притяжения многих представителей художественной интеллигенции, местом вдохновения и восхищения, отражением чего являются выставки с красноречивыми названиями «Байкальская жемчужина» или «Байкальская сокровищница». Однако значима не только сама по себе природная красота озера, его берегов, животного и растительного мира. Байкал — это площадка для творческого роста и поиска художниками единомышленников и сподвижников. Байкал вдохновлял и вдохновляет многих деятелей искусства на творческие подвиги и нестандартные решения, на создание уникальных творений.

Деятели искусства, оказавшиеся на Байкале, погружаясь в состояние гармонии с сибирской природой, стремятся понять тайные знаки, возникающие при слиянии внутренне-душевных и физически видимых процессов. Одновременно происходят новые

явления в жизни художников и всего историко-культурного пространства, связанного с озером. На его берегах появляются творческие центры и новые деятели искусства. В этом отношении встает вопрос — насколько весом их вклад в развитие культуры Байкальской Сибири и, шире, России, и продолжают ли современные художники две взаимосвязанные линии своих предшественников: углубленное внимание к создаваемым образам природы Байкала и тревожность за сохранение его узнаваемых, уникальных видов и состояние природы озера. Ответ на данные вопросы, как и вопросы духовного и интеллектуального осмысления озера как особого художественного феномена, актуален, в первую очередь, по отношению к современным художникам и, шире, интеллигенции.

Историографический обзор. Особенности формирования художественной интеллигенции, ее деятельность и взаимоотношения с государством давно привлекают внимание отечественных исследователей (см., напр.: [Бортников, 1997; Брежнева, 2019; Зябликов, 2004; Купцова, 1996; Лукина, 2023; Мешкова, 2008]). Обращались ученые также к вкладу интеллигенции в просвещение городских жителей Байкальского края, приобщению их к историческому наследию Сибирской земли и роли в культурном развитии региона [Грязнухина, 2002: 366—373; Колотило, 2004: 23—26; Покацкий, 2020; Фатьянов, 1995: 18—24; Ткачев, 2024].

Отдельное направление современных научных изысканий — изучение музейных и выставочных проектов, их влияния на художественную интеллигенцию и городскую среду, а также исследование взаимодействия государства и общества в развитии музейного пространства [Кошман, 2008; Ларёва, 2015: 18—25; Левина, 2012; Рыженко, 2021; Шелегина, 2011; Ее же, 2021; Фатьянов, 1990].

Немало внимания историки, искусствоведы и сотрудники музеев уделяли вкладу отдельных представителей сибирской интеллигенции в создание творческих площадок в Иркутской области и на Байкале. В этом плане характерна фигура Б. И. Лебединского, стремившегося приобщить художников к проблемам, с которыми общество сталкивается ежедневно [90 лет традиций..., 2022: 8—12; Дубовцева, 1978: 10—16; Тихонова, 1983: 18—23].

В настоящее время сложилась историография, посвященная творчеству и творческому наследию художников, вдохновленных Байкалом и иными сибирскими пейзажами [Священное море Сибири..., 2018: 19—27; Художники-педагоги..., 2023: 11—14]. Обращавшийся к этой проблеме известный специалист по истории Байкальского края и его культуры А. Д. Фатьянов отмечал, что посещение озера и окрестностей подвигало многих мастеров к созданию новых произведений, которые затем получали на выставках высокие оценки искусствоведов [Фатьянов, 1967: 10—14; Его же, 1995: 19—24]. Некоторые из картин включались в музейные собрания и размещались в экспозиционных залах Москвы и Санкт-Петербурга [Его же, 1990: 18—23].

Отмечая значительное внимание исследователей к творчеству художников, связанных с Байкалом, к развитию музейных проектов и их влиянию на городскую социокультурную среду, подчеркнем: некоторые темы находятся еще в начале изучения. Среди таковых — влияние природы озера и его окрестностей на современную художественную интеллигенцию и, прежде всего, на молодежное искусство. Выявленная нами историография, посвященная новым явлениям в искусстве и художественном сообществе, особенно молодежном, оказалась небольшой [Ларева, 2015; Москалюк, 2021; Чирков, 2014; Его же, 2018; Его же, 2021]. Настоящая работа продолжает изыскания в этом направлении.

Постановка вопроса. Цель статьи — показать место и роль озера Байкал в мире искусства и жизни современной художественной интеллигенции.

Для достижения заявленной цели предполагается решить следующие исследовательские задачи:

— изучить материалы, которые дают возможность понять влияние озера Байкал на создание творческой среды, значимой для деятельности сибирских художников;

— выделить в музейном пространстве выставки и другие мероприятия, где художественное сообщество и горожане знакомятся с байкальскими видами, особенностями передачи запоминающихся образов озера и его окрестностей;

— представить сюжеты, которые объясняют появление новых выставочных пространств на Байкале, составляющих основу для передачи знаний, творческого развития молодых художников.

Источниковедческий обзор. Источниковую базу работы составили материалы архива Иркутского областного художественного музея имени В. П. Сукачёва. Это разного рода пояснения и отчеты о выставочной деятельности, письма и иные личные бумаги художников. Среди этих источников выделим документы о деятельности Бориса Ивановича Лебединского (1891—1972), который не только сам создавал масштабные живописные полотна, посвященные байкальским видам (некоторые из этих картин находятся в Третьяковской галерее), но и стремился реализовать научные подходы в изучении древнейших природных ландшафтов и памятников западносибирского региона¹. Кроме того, этот художник и мыслитель указывал на необходимость поддерживать молодых художников, а для познания ими значения Байкала организовывать поездки к озеру, проводить выездные школы на берегах, устраивать для местных жителей выставки и встречи с деятелями искусства. Причем Лебединский не только призывал, но сам активно занимался такой работой по воспитанию молодых художников.

При разборе хранящихся в архиве Иркутского областного художественного выставочных проектов нами были выявлены и изучены документы о создании современного художественного пространства, о том, как Байкал влиял и влияет на творчество мастеров, которые долгое время занимаются пейзажами, изучают озеро и рассказывают другим о своем отношении к этому природному феномену и современным проблемам сохранения его уникальной природы.

Не менее значимым при подготовке настоящей статьи стали материалы сибирских средств массовой информации.

Методология и методы исследования

Настоящее исследование основано на принципах историзма и объективности. Художественная интеллигенция в настоящее время рассматривается как часть общества, занимающаяся творчеством, имеющая богатый опыт в создании произведений и проведении мероприятий. Ее отличает высокое духовное и интеллектуальное развитие, а также понимание значимости сохранения байкальских видов для следующих поколений.

¹ Архив Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачёва. Личное дело Б. И. Лебединского (далее: Архив ИОХМ).

При изучении творчества маститых сибирских художников-профессионалов и начинающих мастеров были применены историко-генетический и историко-сравнительный методы, которые позволяют понять, как разные поколения художников взаимодействуют друг с другом на выставках, как создаются на Байкале творческие мастерские и дома искусства.

Основная часть

В художественной среде важно присутствие источников для вдохновения, которые являются основанием для творческого и интеллектуального развития. Музеи, библиотеки и другие культурные учреждения не всегда могут играть эту роль, поскольку часто тесно связаны с общественной средой и современным урбанизированным обществом. Поэтому многие художники стремятся покинуть городские многолюдные улицы и площади, чтобы прикоснуться к природе, которая дает возможность отвлечься, «посмотреть со стороны» и понять общественные процессы и самого человека.

Известный в прошлом иркутский живописец, мастер пейзажа, общественный деятель Б. И. Лебединский такое место «отвлечения» и самопознания нашел на Байкале, точнее, пожалуй, — в самом озере. Художника привлекала чистота его воды, постоянная погодная изменчивость и одновременно многовековая статичность. Сам Лебединский так говорил о значении уникального озера в своей жизни и творчестве: «Я люблю Байкал, как самого близкого, родного человека. ... Тоскую, когда расстаюсь с ним. Слышу плеск его волн, вижу утренние зори над его просторами. Байкал — это потрясающая симфония! Он каждую минуту меняется и почти неуловим для художника в своем вечном волнении. Напрасно его представляют только хмурым, суровым, нелюдимым. Он бывает и ласковым и светлым, как юношеская улыбка. И небо над ним часто такой изумительной глубины, как в Италии. У меня одна цель: чтобы все увидели, как прекрасен Байкал!»².

² Цит. по: Михайлов В. Певец Байкала // Смена. 1958. № 752 (сентябрь). URL: <https://smena-online.ru/stories/pevets-baikala> (дата обращения: 16.04.2024).

Следует отметить, что Лебединский не ограничивался только созданием пейзажей и поиском новых художественных приемов при создании своих работ. Он одновременно поднимал актуальные темы сохранения рельефа и водоема, стремился сбегать Байкал от губительных и разрушительных посещений, настаивал на формировании культурного отношения к природе как источнику для вдохновения, интеллектуального и творческого развития³.

Призывы Лебединского были услышаны — в том числе благодаря его картинам. У него появилось немало последователей, которые также увлеклись видами Байкала и окрестностей. Картины, рисунки, графика многих мастеров, изображавших озеро, его флору и фауну, исторические объекты, быт жителей Байкала, оказались востребованы. Их приобретали, и сегодня с ними можно познакомиться на выставках, проводимых в Иркутске художественным музеем, частными картинными галереями и городскими выставочными центрами. На этих площадках выставляются работы как ушедших из жизни мастеров, так и молодых художников, которые начинают совершенствовать свою технику.

В настоящее время одним из ярких последователей Лебединского в живописи можно считать Юрия Анатольевича Алексеева — художника из Байкальска, не имеющего профессионального образования. Его дед был потомственным мастером художественнойковки. Отец Ю. Алексеева достаточно хорошо рисовал и являлся специалистом в области радиоэлектроники. С детства Юрий Анатольевич увлекался искусством, стремился познать загадки создания живописных полотен русских художников. Наконец, сам приступил к созданию своих работ — рисунков и живописных полотен. Ю. А. Алексеев начал участвовать в региональных конкурсах и выставках, экспериментировал, использовал разные приемы и подходы в изображении сибирских видов и байкальских вод. В итоге к нему пришло признание. В 2011 г. Алексеев был внесен в книгу рекордов Иркутской области как первый художник, написавший Байкал под водой в акваланге. Он представил иркутскому творческому сообществу серию уникальных работ о Байкальском дне, которые были написаны на глубине 10 метров.

³ Архив ИОХМ. Личное дело Б. И. Лебединского. Л. 9.

В 2015 г. для иркутского научного сообщества Алексеевым была подготовлена персональная выставка о Байкале. Она открылась в Лимнологическом институте Сибирского отделения Российской Академии наук. Экспозиция привлекла большое внимание — в том числе и потому, что сибирская общественность хотела увидеть отношение мастера к проблемам озера и попытаться найти решение возникающих при изучении водоема вопросов.

Ю. А. Алексеев так объяснял выбор «художественного курса» для изучения и сохранения подводных видов Байкала: «Когда я погрузился под воду Байкала, увидел огромный простор для творчества — потрясающую глубину красок, жуткие подводные разломы. Я висел над пропастью в 760 метров по эхолоту на глубине 27 метров в районе Ольхона, всего в паре сотен метров от берега. Это что-то завораживающее — бездна, уходящая в чернильную глубину, отвесные стены, местами с отрицательным уклоном, словно обрезанные ножом. Тишина, и слышна только работа регулятора дыхания. Эти образы я старался передать на холсте»⁴.

В последующие годы Алексеев много путешествовал, изучал разные места на Байкале, выделял значимые, по его мнению, объекты и явления, которые было необходимо изобразить.

Юрий Анатольевич, увлекшись Байкалом, в чем-то уподобился Лебединскому. Озеро стало оказывать сильное влияние на его эмоциональную сферу. Оно погружало художника в разные состояния, которое он передает следующими словами: «Мой мир в ярких красках; в радужных брызгах Байкальских волн; в предрассветных серебряных лучах, робко крадущихся сквозь туманную пелену июльского утра, и в улыбках, взглядах добрых людей, живущих вместе со мной на планете Земля. И я не скрываю, я раздаю его полными пригоршнями всем, кто ощущает полноцветие мира. Эй! Налетай! Мне не жалко. Вот он: мазок за мазком ложится на холст и являет образ»⁵.

⁴ Иркутский художник рисует Байкал под водой. 24.11.2011. URL: <https://www.irk.ru/tourism/news/20111124/paint/> (дата обращения: 20.06.2024).

⁵ Мастерская художника. Юрий Алексеев. 2021. URL: <https://gdk-baikalsk.ru/masterskaya-hudozhnika/2021/11/1286/> (дата обращения: 20.06.2024).

Художник, погрузившись на дно озера, собирал материал и создавал образы, которые многие не могут увидеть в городской жизни. Причем создание Алексеевым своих картин — это не только духовно-отвлеченный творческий, но тяжелый физический и почти инженерный труд. Сам Алексей об это говорил так: «Со всем, с чем художнику надо опускаться на дно, пришлось долго повозиться. Берешь холст, погружаешься с ним, а он не тонет, потому что натянута на деревянную основу. Начинаешь утяжелять, еще и еще, до момента, когда легко уходит под воду и не делает попыток подняться. А потом приходит другая идея: сварить тяжелый подрамник. Придуманно — сделано, одна проблема решена. Следующая — как не допустить, чтобы в ткань впитывалась вода. Тоже помозговал и додумался»⁶. «С красками тоже была беда: полный тюбик тонет, полупустой поднимается. Вроде всё отбалансируешь, оказывается, что краски не хотят на холст ложиться. Вроде всё предусмотреть, опустишься — а у тебя кисточки и мастихины все всплыли. Приходится наматывать проволоку на них, а это процесс достаточно трудоемкий. Снова за краску — а она из тюбика не вылезает, весь вымазываешься»⁷.

В итоге Алексей разработал собственный уникальный метод работы на глубине. Еще одной проблемой стало сохранение цветовой гаммы. Художник так описал эту проблему: «...как тебе кажется, уже всё отрегулируешь, опустишься, картину напишешь, поднимешься и только вытащишь холст — как краски моментально меняют цвет: раз — и желтого нет, два — и зеленый цвет почернел. Это тоже пришлось учитывать и продумывать, какие краски брать»⁸.

Отмеченные выше сложности в итоге были все-таки преодолены, отражением чего стала активная выставочная деятельность Алексева. Причем на выставках его работ, как, впрочем, и других художников, изображавших Байкал, была замечена

⁶ Юрий Алексеев: «Рисовать на дне Байкала — это как очутиться в космосе». 2017 // Информационный портал «Глагол. Иркутское обозрение». URL: https://glagol38.ru/text/26-07-2017/jyrii_alekseev (дата обращения: 20.06.2024).

⁷ Там же.

⁸ Там же.

следующая закономерность: в Иркутске и других местах региона посетители обращали больше внимания на картины или рисунки, в которых много ярких красок или узнаваемые виды (остров Ольхон, устье реки Ангары, Никола, Листвянка, Слюдянка, Байкальск). Т. е. людей привлекала, с одной стороны, броскость, с другой — знаковые места, которые либо видели лично, либо о них слышали.

Изучение выставочной деятельности современных творческих объединений, в которые входят как начинающие художники, так и известные в регионе мастера, привело специалистов к мысли о создании новых выставочных пространств на Байкале, в которых можно было бы не только знакомиться с искусством, но приобщаться к творчеству, знакомиться с окружающим миром и познавать его. Результатом размышлений на эту тему стало появление на берегу озера мастерских и творческих домов, ставших площадками для проведения общедоступных и объединяющих мероприятий. Здесь началась совместная работа художников с деятелями науки и образования из разных городов, которые интересуются состоянием озера, участвуют в творческих экспедициях и сезонных выставках сибирских художественных центров. Благодаря творческому, неформальному и свободному обмену опытом, знаниями и мнениями у художников в этих творческих центрах на Байкале стали рождаться новые живописные произведения. Их особенностью является, помимо традиционного изображения неповторимой природы озера, внимание к жизни людей на его берегах. Показателем успеха данного проекта стало то, что многие картины, рожденные от такого неформального взаимодействия, активно приобретаются музеями и картинными галереями Иркутска. Некоторые из работ быстро оказываются в художественных залах вместе с произведениями предшествующих поколений.

Сегодня можно утверждать, что, благодаря сотрудничеству художников, деятелей искусства, ученых и других представителей интеллигенции, творческие центры на Байкале постепенно превращаются в уникальные общественно-художественные пространства и важную составляющую культурной жизни Иркутского

региона⁹. При взаимодействии со старыми музеями и картинными галереями Иркутска у молодых художников укрепляется интерес к творческим новациям, что находит отражение в использовании искусственного интеллекта и природных материалов в процессе реконструкции исторических легенд о Байкале или создании представлений о будущей жизни на берегах озера¹⁰.

Заключение

Байкальские воды, которые встречают каждого посетителя озера, открывают новую перспективу взаимоотношений человека с природой. Они оказывают сильное воздействие на тех, кто только начинает знакомиться с тайнами, сохранившимися в памяти многих поколений сибиряков.

Действующие музеи и картинные галереи в Иркутске стремятся передать историю, которая погружает зрителей в особое состояние. Оно демонстрирует то, что было важно для авторов произведений, отличало их других деятелей искусства. Художники погружались в действительные события, которые они наблюдают каждый день, когда подходят к берегу. Картины размещаются не только в музеях Иркутска, их можно увидеть на Байкале: в Байкальском музее Сибирского отделения Российской академии наук, который находится в Листвянке; образовательных организациях, домах культуры и творчества Байкальска, Слюдянки и других культурных и научных учреждений. На площадках можно увидеть не только картины, рисунки художников с видами озера, но и исторические материалы о том, как ученые и деятели искусства изучали природу в разных местах региона.

В выставочных проектах сегодняшнего дня значимы важные моменты, которые необходимы для развития сибирской художественной интеллигенции. Прежде всего, на Байкале необходимо и далее развивать художественные центры, которые одновременно решают целый комплекс вопросов: сохраняют байкальские виды разного временного периода; служат источником сосредоточения творческих и интеллектуальных сил

⁹ Архив ИОХМ. Дело о выставочной деятельности в Иркутской области. Л. 9.

¹⁰ Там же. Л. 13.

художественной интеллигенции; содействуют обмену опытом и знаниями между представителями живописных школ; выстраивают новое пространство взаимодействия художника и зрителя; знакомят с Байкалом и его уникальным природным миром общественность не только Иркутска, Западной Сибири, но и всей России и даже мира.

Список источников

- 90 лет традиций и новаторства в рамках проекта «Содружество школ и поколений»: к 90-летию Иркутского регионального отделения Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России», к 85-летию Иркутской области: альбом-каталог / сост. Н. С. Сысоева. Иркутск: ИРО ВТОО «Союз художников России», ГБУК ИОХМ им. В. П. Сукачёва, 2022. 308 с.
- Бортников С. Д.* Художественная интеллигенция Сибири (1961—1980). Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ин-та искусств и культуры, 1997. 136 с.
- Брежнева Л. Б.* К вопросу о роли художественной интеллигенции в демократизации современного российского общества // Актуальные направления фундаментальных и прикладных исследований: материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф., North Charleston, 11—12 февр. 2019 г. North Charleston: LuluPress, 2019. Т. 2. 2019. С. 11—15.
- Грязнухина Т. В.* Особенности формирования и просветительская деятельность сибирской интеллигенции на рубеже XIX—XX веков // Духовно-исторические чтения: тез. докл. межвуз. науч.-практ. конф. Вып. VII. Красноярск, 2002. С. 366—373.
- Дубовцева И. А.* Свидание с Сибирью: альбомы. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1978. 96 с.
- Зябликов А. В.* Художественная интеллигенция как объект исторического дискурса // Интеллигенция и мир. 2004. № 1—2. С. 97—109.
- Колотило Л. Г.* Военные моряки Байкала: проблемы исторической реконструкции деятельности военных моряков российского флота по физико-географическому изучению и освоению озера Байкал в XVIII—XX вв. СПб.: Наука, 2004. 559 с.
- Кошман Л. В.* Город и городская жизнь XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. 446 с.
- Купцова И. В.* Художественная интеллигенция России: (Размежевание и исход). СПб.: Изд.-во координационная группа «Нестор», 1996. 133 с.
- Ларёва Т. Г.* История изобразительного искусства Прибайкалья XX — начала XXI века. Иркутск: Принт Лайн, 2015. 616 с.

- Левина Ж. Е.* Художественные выставки как форма гражданской инициативы сибирской интеллигенции (20—30-е гг. XX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 7—2 (21). С. 96—100.
- Лукина П. А.* Формирование художественной интеллигенции в творческом ВУЗе // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2023. № 1 (7). С. 65—69. DOI: 10.17072/sgn-2023-1-65-69.
- Москалюк М. В.* Что такое искусство: современные смыслы и вызовы // ARTE: Электронный научно-исследовательский журнал Сибирского государственного института искусств имени Дмитрия Хворостовского. 2021. № 2. С. 5—11.
- Мешкова А. В.* Власть и художественная интеллигенция в современной России. М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2008. 195 с.
- Покацкий В. А.* Польские художники в художественной жизни Байкальского региона в XIX в. // Современное искусствоведение: теоретические концепции и практики: материалы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф., Улан-Удэ, 10 июня 2020 г. / отв. ред. Е. Ю. Перова. Улан-Удэ: Вост.-Сиб. гос. ин-т культуры, 2020. С. 157—161.
- Рыженко В. Г.* Локальные трансформации музейных «мест памяти» в постсоветских условиях: историографические заметки и непосредственные наблюдения // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 1. С. 23—31. DOI: 10.18287/2542-0445-2021-27-1-23-31/
- Священное море Сибири: альбом-каталог / сост. Н. С. Сысоева, И. Г. Федчина. Иркутск: ИРО ВТОО «Союз художников России», ГБУК ИОХМ им. В. П. Сукачёва, 2018. 244 с.
- Тихонова Л. В.* Резцом и кистью. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. 112 с.
- Ткачев В. В.* Из истории просветительской деятельности представителей художественной и других групп интеллигенции Байкальской Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Интеллигенция и мир. 2024. № 3. С. 9—29. DOI: 10.46725/IW.2024.3.1.
- Фатьянов А. Д.* Судьба сокровищ. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1967. 112 с.
- Фатьянов А. Д.* Владимир Сукачев. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. 352 с.
- Фатьянов А. Д.* Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1995. 192 с.
- Художники-педагоги: в рамках проекта ИРО ВТОО «Союз художников России» «И мастерство, и вдохновение. Ученики и наставники»:

- альбом-каталог / сост. Н. С. Сысоева. Иркутск: ИРО ВТОО «Союз художников России», ГБУК ИОХМ им. В. П. Сукачёва, 2023. 204 с.
- Чирков В. Ф. Изобразительное искусство Сибири XVII — начала XXI в.: словарь-указатель: в 2 т. Тобольск: Обществ. благотворит. фонд «Возрождение Тобольска», 2014. 815 с.
- Чирков В. Ф. Сибирский пейзаж: от топа к типу. Теоретические подходы к пониманию и изучению жанра // XI Сибирские искусствоведческие чтения «Сибирский пейзаж: от топа к типу, от мотива к художественному образу»: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. в рамках межрегион. худож. выставки пейзажа «Родина — Сибирь», Красноярск, 3—21 октября 2018 г. Красноярск: Поликор, 2018. С. 73—78.
- Чирков В. Ф. Выставка-конкурс «Аз. Арт. Сибирь» в контексте проблем молодежного искусства Сибири новейшего времени // Художественная культура Сибири и сопредельных территорий: страницы прошлого и современность: сб. материалов IV Межрегион. с междунар. участием науч.-практ. конф. в рамках X Межрегион. молодежной худож. выставки «Аз. Арт. Сибирь — 2021», Барнаул, 8—9 июля 2021 г. Барнаул: АКО ВТОО «Союз художников России», 2021. С. 14—16.
- Шелегина О. Н. Музейный мир Сибири в исторической динамике: проблемы и перспективы изучения // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 4. С. 15—18.
- Шелегина О. Н. Взаимодействие государства и общества в процессе развития музейного пространства Сибири // Гуманитарные науки в Сибири 2021. Т. 28. № 4. С. 31—36. DOI: 10.15372/HSS 20210404/.

References

- Bortnikov, S. D. (1997), *Khudozhestvennaia intelligentsiia Sibiri (1961—1980)* [Artistic intelligence of Siberia (1961—1980)], Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo instituta iskusstv i kul'tury, Barnaul, Russia.
- Brezhneva, L. B. (2019), 'On the issue of the origins of artistic intelligence in the democratization of modern Russian society', *Aktual'nye napravleniia fundamental'nykh i prikladnykh issledovaniï: materialy XVIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Current trends in fundamental and applied research: Proceedings of the XVIII International Scientific and Practical Conference], North Charleston, USA, 11—12 February 2019, vol. 2, LuluPress, North Charleston: 11—15.

- Chirkov, V. F. (2014), *Izobrazitel'noe iskusstvo Sibiri XVII — nachala XXI vekov. Slovar'-ukazatel' v 2-kh tomakh* [Fine art of Siberia of the XVII — early XXI centuries. Index dictionary in 2 volumes], Obshchestvennyi blagotvoritel'nyi fond “Vozrozhdenie Tobol'ska”, Tobolsk, Russia.
- Chirkov, V. F. (2018), ‘Siberian landscape: from top to type. Theoretical approaches to understanding and studying the genre’, *XI Sibirskie iskusstvedcheskie chteniia “Sibirskii peizazh: ot topa k tipu, ot motiva k khudozhestvennomu obrazu”*: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii v ramkakh Mezhhregional'noi khudozhestvennoi vystavki peizazha “Rodina—Sibir” [XI Siberian Art History Readings “Siberian landscape: from top to type, from motif to artistic image”]: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference within the framework of the Interregional Landscape Art Exhibition “Homeland—Siberia”, Krasnoyarsk, Russia, 03—21 October 2018, Polikor, Krasnoyarsk: 73—78.
- Chirkov, V. F. (2021), ‘The exhibition-competition “Az. Art. Siberia” in the context of the problems of youth art in Siberia of modern times’, *Khudozhestvennaia kul'tura Sibiri i sopredel'nykh territorii: stranitsy proshlogo i sovremennost'*: sbornik materialov IV mezhhregional'noi s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoi konferentsii v ramkakh X mezhhregional'noi molodezhnoi khudozhestvennoi vystavki “Az. Art. Sibir' — 2021” [Artistic culture of Siberia and adjacent territories: pages of the past and the present: a collection of materials from the IV interregional scientific and practical conference with international participation within the framework of the X Interregional youth art exhibition “Az. Art. Siberia — 2021”], Barnaul, Russia, 8—9 July 2021, Altaiskaia kraevaia organizatsiia Vserossiiskoi tvorcheskoï obshchestvennoi organizatsii “Soiuz khudozhnikov Rossii”, Barnaul: 14—16.
- Dubovtseva, I. A. (1978), *Svidanie s Sibir'iu: al'bomy* [Rendezvous with Siberia: albums], Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, Irkutsk, Russia.
- Fatyanov, A. D. (1967), *Sud'ba sokrovishch* [The fate of the treasure], Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, Irkutsk, Russia.
- Fatyanov, A. D. (1990), Vladimir Sukachev [Vladimir Sukachev], Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, Irkutsk, Russia.
- Fatyanov, A. D. (1995), *Khudozhniki, vystavki, kolleksiionery Irkutskoi gubernii* [Artists, exhibitions, collectors of Irkutsk province], Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, Irkutsk, Russia.
- Gryaznukhina, T. V. (2002), ‘Features of the formation and educational activities of the Siberian intelligentsia at the turn of the 19th — 20th

- centuries', *Dukhovno-istoricheskie chteniia: tezisy dokladov mezhdvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Spiritual and historical readings: Abstracts of reports of the interuniversity scientific and practical conference], iss. VII, Krasnoyarsk, Russia: 366—373.
- Kolotilo, L. G. (2004), *Voennye moriaki Baikala: problemy istoricheskoi rekonstruktsii deiatel'nosti voennykh moriakov rossiiskogo flota po fiziko-geograficheskomu izucheniiu i osvoeniiu ozera Baikal v XVIII—XX vekov* [Military sailors of Baikal: problems of historical reconstruction of the activities of military sailors of the Russian fleet in the physical-geographical study and development of the lake. Baikal in the 18th—20th centuries], Nauka, Saint Petersburg, Russia.
- Koshman, L. V. (2008), *Gorod i gorodskaia zhizn' XIX stoletii: sotsial'nye i kul'turnye aspekty* [The city and urban life in the 19th century: social and cultural aspects], Rossiiskaia politicheskaiia éntsiklopediia, Moscow, Russia.
- Kuptsova, I. V. (1996), *Khudozhestvennaia intelligentsiia Rossii: (Razmezhevanie i iskhod)* [The artistic intelligence of Russia: (Demarcation and development)], Izdatel'stvo koordinatsionnaia gruppy "Nestor", Saint Petersburg, Russia.
- Lareva, T. G. (2015), *Istoriia izobrazitel'nogo iskusstva Pribaikal'ia XX nachala XXI veka* [The history of the fine arts of the Baikal region of the XX beginning of the XXI century], Print Lain, Irkutsk, Russia.
- Levina, Zh. E. (2012), 'Art exhibitions as a form of civil initiative of the Siberian intelligentsia (20—30s of the XX century)', *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], no. 7—2 (21): 96—100.
- Lukina, P. A. (2023), 'Formation of artistic intelligentsia in a creative university', *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki: teorii i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], no. 1 (7): 65—69, doi: 10.17072/sgn-2023-1-65-69.
- Moskalyuk, M. V. (2021), 'What is Art: Contemporary Meanings and Challenges', *ARTE: Elektronnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal Sibirskogo gosudarstvennogo instituta iskusstv imeni Dmitriia Khvorostovskogo* [The Electronic Research Journal of Dmitry Hvorostovsky Siberian State Academy of Arts "ARTE"], no. 2: 5—11.
- Meshkova, A. V. (2008), *Vlast' i khudozhestvennaia intelligentsiia v sovremennoi Rossii* [Power and the artistic intelligentsia in modern Russia], Izdatel'stvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta, Moscow, Russia.

- Pokatsky, V. A. (2020), ‘Polish artists in the artistic life of the Baikal region in the 19th century’, in Perova, E. Yu. (ed.), *Sovremennoe iskusstvovedenie: teoreticheskie kontseptsii i praktiki: materialy vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Contemporary Art Criticism: Theoretical Concepts and Practices: Proceedings of the All-Russian (with International Participation) Scientific and Practical Conference], Ulan-Ude, Russia, 10 June 2020, Vostochno-Sibirskii gosudarstvennyi institut kul'tury, Ulan-Ude: 157—161.
- Ryzhenko, V. G. (2021), ‘Local transformations of Museum “places of memory” in post-Soviet conditions: historiographical notes and direct observations’, *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], vol. 27, no. 1: 23—31, doi: 10.18287/2542-0445-2021-27-1-23-31.
- Shelegina, O. N. (2021), ‘Interaction between the State and society in the development of the Siberian Museum space’, *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], vol. 28, no. 4: 31—36, doi: 10.15372/HSS20210404.
- Shelegina, O. N. (2011), ‘The Museum World of Siberia in historical dynamics: problems and prospects of study’, *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], no. 4: 15—18.
- Sysoeva, N. S. (comp.) (2022), *90 let traditsii i novatorstva v ramkakh proekta «Sodruzhestvo shkol i pokolenii»: k 90-letiiu Irkutskogo regional'nogo otdeleniia Vserossiiskoi tvorcheskoi obshchestvennoi organizatsii «Soiuz khudozhnikov Rossii», k 85-letiiu Irkutskoi oblasti: al'bom-katalog* [90 years of tradition and innovation within the framework of the project “Friendship of schools and generations”: to the 90th anniversary of the Irkutsk regional department of the All-Russian creative community organization “Union of Artists of Russia”, to the 85th anniversary of the Irkutsk region: catalog album], Irkutskoe regional'noe otdelenie Vserossiiskoi tvorcheskoi obshchestvennoi organizatsii “Soiuz khudozhnikov Rossii”: Gosudarstvennoe biudzhethnoe uchrezhdenie kul'tury Irkutskii oblasti no khudozhestvennyi muzei im. V. P. Sukacheva, Irkutsk, Russia.
- Sysoeva, N. S. (comp.) (2023), : al'bom-katalog [Artists-teachers: within the framework of the project of the NGO VTE “Union of Artists of Russia” “Both mastery and inspiration. Students and mentors”: album catalog], Irkutskoe regional'noe otdelenie Vserossiiskoi tvorcheskoi obshchestvennoi organizatsii “Soiuz khudozhnikov Rossii”: Gosudarstvennoe biudzhethnoe

- uchrezhdenie kul'tury Irkutskii oblastnoi khudozhestvennyi muzei im. V. P. Sukacheva, Irkutsk, Russia.
- Sysoeva, N. S. and Fedchina, I. G. (comps) (2018), *Sviashchennoe more Sibiri: al'bom-katalog* [The Sacred Sea of Siberia: album catalog], Irkutskoe regional'noe otdelenie Vserossiiskoi tvorcheskoi obshchestvennoi organizatsii "Soiuz khudozhnikov Rossii": Gosudarstvennoe biudzhetnoe uchrezhdenie kul'tury Irkutskii oblastnoi khudozhestvennyi muzei im. V. P. Sukacheva, Irkutsk, Russia.
- Tikhonova, L. V. (1983), *Reztsov i kist'iu* [Chisel and brush], Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, Irkutsk, Russia.
- Tkachev, V. V. (2024), 'From the history of educational activities of representatives of the artistic and other intelligentsia groups of Baikal Siberia in the second half of the XIX — early XX', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 9—29, doi: 10.46725/IW.2024.3.1.
- Zyablikov, A. V. (2004), 'Artistic intelligence as an object of historical research', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1—2: 97—109.

Статья поступила в редакцию 17.04.2025; одобрена после рецензирования 12.05.2025; принята к публикации 29.05.2025.

The article was submitted 17.04.2025; approved after reviewing 12.05.2025; accepted for publication 29.05.2025.

Информация об авторе / Information about the author

V. V. Tkachev — исследователь, преподаватель-исследователь, историк, музеолог; педагог-организатор отдела краеведения и музейной работы ГАУ ДО ИО «Региональный центр всестороннего развития ребенка «Вектор»; руководитель, Научно-исследовательский центр «Иркутская историческая школа интеллигентоведения», Иркутск, Россия.

V. V. Tkachev — Researcher. Teacher-researcher, historian, museologist; teacher-organizer of the Department of Local History and Museum Work of the State Autonomous Institution of Additional Education of the Irkutsk Region "Regional Center for Comprehensive Child Development "Vector"; director, Research Center "Irkutsk Historical School of Intellectual Studies", Irkutsk, Russia.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

INTELLIGENTSIA, RELIGION, CHURCH

Интеллигенция и мир. 2026. № 2. С. 92—109.

Intelligentsia and the World. 2026. No. 2. P. 92—109.

Научная статья

УДК 929.52(470.34)-058.237

EDN <https://elibrary.ru/ivjoir>

DOI: 10.46725/IW.2026.2.5

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

ШКЛЯЕВЫ — ПОТОМСТВЕННЫЕ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ И УЧИТЕЛЯ НА ВЯТСКОЙ ЗЕМЛЕ

Ольга Владимировна Попкова

Владимирский государственный университет

им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия, ovaks@yandex.ru,

SPIN-код: 2003-7087, <https://orcid.org/0009-0004-8728-9034>

Екатерина Ивановна Попкова

Владимирский государственный университет

им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия, t5popkova@yandex.ru,

<https://orcid.org/0009-0007-2562-6631>

Аннотация. В статье рассматриваются биографии одной из ветвей рода Шкляевых, распространенной на Вятской земле фамилии, представители которой из поколения в поколение, с XVIII по начало XX века, служили священниками и работали учителями. В работе принята попытка на примере Шкляевых изучить вопрос о том, какое влияние оказывала интеллигенция на духовно-нравственное развитие общества. Исследование проводилось по большей части на основании архивных документальных источников, которые впервые были введены в научный оборот. Применение историко-биографического, просопографического и сравнительно-исторического методов предоставило возможность проанализировать жизненные пути одной из ветвей

Шкляевых по прямой линии и определить, какие характеристики являлись для них связующим звеном на протяжении двух столетий.

Изучение биографий десяти представителей этой фамилии позволило прийти к следующим выводам. Начиная с конца XVIII века все они получали образование в духовных учебных заведениях. Православные нравственные ценности прививались им с детства также и в семье. Эти обстоятельства, несомненно, оказывали влияние на дальнейший выбор профессии. Большинство Шкляевых делало его в пользу церковной службы, чаще всего совмещая ее с преподавательской деятельностью. Лишь двое из них, окончив духовную семинарию, предпочли исключительно учительствовать. Некоторые Шкляевы участвовали в благотворительности, связанной с просветительской работой. Семь поколений представителей интеллигенции этой фамилии вносили вклад в развитие образования, содействовали воспитанию жителей Вятки в русле православной культуры и присущих ей нравственных устоев, при этом сами являя пример добросовестности и порядочности.

Ключевые слова: Шкляевы, Вятка, биография, священнослужители, церковь, епархия, награды, учителя, школа, семинария

Для цитирования: Попкова О. В., Попкова Е. И. Шкляевы — потомственные священнослужители и учителя на Вятской земле // Интеллигенция и мир. 2026. № 2. С. 92—109.

Original article

THE SHKLIJEVS — HEREDITARY CHURCHMEN AND TEACHERS ON THE VIATKA LAND

Olga V. Popkova

Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, Vladimir, Russia, ovaks@yandex.ru, SPIN-код: 2003-7087, <https://orcid.org/0009-0004-8728-9034>

Ekaterina I. Popkova

Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, Vladimir, Russia, t5popkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2562-6631>

Abstract. The article considers biographies of one of the family filiations of the Shklyajevs, the surname spread on the Viatka land, which representatives served as churchmen and worked as teachers from generation to generation, from the 18th to the beginning of the 20th centuries. The work makes an effort to study the issue how intelligentsia influenced moral and

spiritual development of the society by means of an example of the Shkلياevs. The research was generally conducted on the basis of archival documental sources which were introduced into scholarly discourse for the first time. The use of historical biographical, prosopographical and comparative historical methods gave an opportunity to analyze life journeys of one of the filiations of the Shkلياevs in the direct line and determine what characteristics linked them through two centuries.

The study of the biographies of ten representatives of this surname allowed to make the following conclusions. Since late 18th century all of them got education in religious educational establishments. Orthodox moral values were also implanted to them since childhood. These circumstances surely had impact on the further profession choice. Most of the Shkلياevs made it in favour of church service, most often combining it with teaching activities. Only two of them after graduating from theological seminary preferred only to teach. Some of the Shkلياevs took part in charity connected with enlightenment work. Seven generations of the intelligentsia representatives of this surname contributed to the development of education, promoted the upbringing of the Viatka residents within the framework of Orthodox culture and moral principles inherent in it, moreover being an example of conscientiousness and decency.

Keywords: the Shkلياevs, Viatka, biography, churchmen, church, eparchy, awards, teachers, school, seminary

For citation: Popkova, O. V. and Popkova, E. I. (2026), ‘The Shkلياevs — hereditary churchmen and teachers on the Viatka land’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the world], no. 2: 92—109 (in Russ.).

Введение

Шкляевы — известная на Вятской земле фамилия, представленная несколькими поколениями интеллигенции, которые вносили заметный вклад в развитие культуры родного края. *Цель данного исследования* заключается в создании коллективной биографии одной из ветвей рода священников и учителей Шкляевых, проживавших на Вятке в период с первой половины XVIII до начала XX века. В работе рассмотрены жизненные пути десяти из них. Задачи: 1) выявить, что связывало представителей нескольких поколений этого рода; 2) на уровне микроистории понять, как отдельные люди оказывали влияние на развитие общества.

Исследование проведено на основании архивных материалов, часть которых ранее не публиковалась. В число использованных источников входят такие документы, как метрические

книги, исповедные росписи, ревизские сказки, сельскохозяйственные и поземельные переписи, клировые ведомости. Штрихи к портрету одного из Шкляевых добавляет повествовательный источник: воспоминания священномученика Николая Агафоникова.

Актуальность исследованию придает отсутствие специальных работ, посвященных составлению коллективной биографии вятских представителей духовного сословия Шкляевых, охватывающей почти два столетия.

Что касается *степени изученности проблемы*, то в одной из глав монографии Е. З. Абрамович и Е. Н. Щербаковой рассказывается о другой ветви рода священников и учителей этой фамилии, проживавшей в Вятской губернии в XIX — начале XX в. [Абрамович, Щербакова, 2019: 43—47]. Д. С. Лыткин описывает биографию репрессированного протоиерея А. Н. Шкляева, служившего в соседней Пермской губернии [Лыткин, 2018]. И. В. Завойчинская проследила жизненные пути потомков вятского священника Н. Шкляева, находившихся на государственной службе и занимавшихся общественной деятельностью в последней трети XIX—XX вв. [Завойчинская, 2009]. Других работ, затрагивающих биографию рода Шкляевых на Вятской земле, обнаружить не удалось.

Методология и методы исследования

В ходе исследования использовался историко-биографический метод, основанный на описании и анализе жизни Шкляевых, относившихся к нескольким поколениям. Их принадлежность к единому роду, проживание на одной территории и занятие одинаковым видом деятельности позволили применить просопографический метод, чтобы создать коллективную биографию одной из ветвей Шкляевых. Сравнительно-исторический метод предоставил возможность рассмотреть обстоятельства жизни представителей рода Шкляевых на протяжении двух столетий, выявить в них общее и особенное.

Основная часть

Самые ранние сведения, которые удалось обнаружить о священнослужителях данной ветви Шкляевых из Вятской губернии, относятся к началу XVIII века. Исходя из архивных данных, родоначальником этой династии стал *Шкляев Ефим Григорьевич*

примерно 1708 года рождения¹. Он был рукоположен в сан иерея в мае 1744 года. Много лет служил в Успенской церкви села Вохминского. Из исповедной росписи за 1750 год следует, что на тот момент отец Ефим Шкляев числился в штате данного храма. В этом же документе упомянута его жена Ирина Евдокимовна. Записан иерей Ефим (Григорьевич) в числе служителей Успенской церкви в ревизиях 1764 г. (ему 56 лет) и 1782 г. (ему 74 года). В документах удалось найти имена пятерых детей Ефима и Ирины: Алексей, Иван, Ипат, Татьяна, Федосья².

В 1786 году отец Ефим Шкляев, у которого уже сильно испортилось зрение, из-за неспособности проводить службы был уволен с должности священника по решению членов Вятской духовной консистории. Дальнейшая его судьба остается неясной: ему было предложено либо остаться на содержании сына Алексея (дьячка), либо стать иеромонахом в одном из монастырей Вятской епархии³.

Шкляев Ипатий Ефимович, сын Ефима Григорьевича (примерно 1743 года рождения) стал первым священником из этой ветви рода Шкляевых, определенным к Вознесенской церкви села Хмелёвка (в 1770 г.). До этого он занимал должность дьякона в Покровской церкви села Кругловского.

В ревизии о священнослужителях Вятской епархии за 1782 г. Ипатий Ефимович Шкляев записан как поп, определенный к Вознесенской церкви после 1764 г. (времени проведения предыдущей переписи), ему на тот момент было 39 лет. Данная перепись является единственным источником, где удалось найти упоминание о жене отца Ипатия Неониле Дорофеевне, дочери церковнослужителя (пономаря). Неонила и Ипатий воспитывали троих детей: Дарью, Фоку, Льва. На документе есть несколько подписей, в том числе и самого священника Ипатия Шкляева.

Удалось установить, что упомянутая ревизия 1782 г. сохранилась в двух экземплярах: один находится в архиве Кировской области (ЦГАКО), а другой — в архиве республики Татарстан

¹ Центральный государственный архив Удмуртской республики. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1158. Л. 46 (далее: ЦГАУР).

² Центральный государственный архив Кировской области. Ф. 237. Оп. 71. Д. 595. Л. 103 (далее: ЦГАКО).

³ Там же. Оп. 89. Д. 496. Л. 1—4.

(ГАРТ). Данные о семьях Ипатия Шкляева и его отца Ефима Шкляева там полностью совпадают⁴.

После назначения, по указу Консистории, отец Ипатий (Ефимович) Шкляев исполнял должность благочинного больше 25 лет (с 1781 по 1808 г.), т. е. надзирал за храмами и духовенством в округе. Знал пение и катехизис, используя их в богослужениях. У отца Ипатия имелась грамота со сведениями о его верном рукоположении. В 1797 г. он совершил 63 обряда крещения из всех 145 проведенных в церкви, в 1798 г. — 43 из 140, в 1799 г. — 57 из 158⁵. К 1809 г. отец Ипатий уже овдовел. В том же году в клировой ведомости получил характеристику, что он не худого поведения и исправен в своей должности. Однако Вознесенская церковь, где служил этот священник, тогда находилась не в лучшем состоянии: были разбиты два ее колокола, требовали перестройки церковные рундуки (крыльцо)⁶. Отец Ипатий Шкляев осуществлял контроль за строительными работами. Из клировой ведомости можно узнать и о его имущественном состоянии. У отца Ипатия был собственный дом, оцененный на 1815 г. в двести пятьдесят рублей⁷.

Следующим представителем рассматриваемой ветви рода стал *Шкляев Фока Ипатьевич*, сын Ипатия Ефимовича, примерно 1770 года рождения. В переписи 1782 года указано, что ему на тот момент было 12 лет, и он получал образование в славяно-латинской школе⁸ (предположительно, в г. Вятке). Вероятно, впоследствии он закончил это учебное заведение, в котором обучались дети духовенства. К 1797 г. стал диаконом в той же Вознесенской церкви села Хмелёвка, где служил его отец. В июне 1797 г. у отца Фоки Шкляева родилась дочь Кириакия. На осень 1799 г. он по-прежнему состоял в диаконском чине — именно так он указан в записи о рождении сына Гервасия. Предположительно, в 1799 г. диакон Фока был рукоположен в священнический сан: по данным на 1809 г., он значился как исполняющий должность

⁴ Там же. Ф. 243. Оп. 1. Д. 176. Л. 222, 242; Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 3. Оп. 2. Д. 445. Л. 346, 370 (далее: ГАРТ).

⁵ ЦГАКО. Ф. 243. Оп. 2. Д. 2. Л. 169—174.

⁶ ЦГАУР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1053. Л. 305.

⁷ Там же. Д. 479 А. Л. 1015.

⁸ ГАРТ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 445. Л. 346.

священника в течение 10 лет⁹. Отец Фока Шкляев совершал обряды крещения в Вознесенской церкви. В частности, в 1800 г. осуществил 55 таких таинств из 165 проведенных в ней¹⁰.

Имел иерей Фока Шкляев и семью, которая жила с ним в селе Хмелёвка: жену Анну Федосиевну и детей Аверкия, Наталью, Гервасия, Татьяну (двух мальчиков и двух девочек)¹¹. В июне 1809 г. Фока Ипатьевич, в возрасте 38 лет, скончался от чахотки, возможно, заразился ею на службе. Перед смертью исповедован и приобщен иереем с. Мудровского. Иерей Фока Шкляев был погребен при церкви села Хмелёвка.

Подробности биографии *Шкляева Гервасия Фокича*, сына Фоки Ипатьевича, удалось установить по клировой ведомости церкви, где он служил. В ней представлены данные на 1855 год. Гервасий Фокич родился в 1799 г. В 1824 г. окончил Вятскую семинарию с аттестатом второго разряда, после этого Преосвященнейшим Павлом, епископом Вятским и Слободским, был рукоположен в сан священника к Вознесенской церкви села Хмелёвка, туда же, где служил его отец¹². А через год, по указу консистории, судя по всему, был назначен на должность настоятеля. В 1839 году благочинный священник села Хмелёвка Гервасий Шкляев освятил престол во имя пророка Ильи Богоявленной церкви в селе Полынка [Виноградов, 2003].

С 1837 г. по 1854 г. отец Гервасий занимал почетную должность благочинного, а значит, как ранее и его дед, следил за порядком в нескольких соседних приходских церквях. Получил ряд наград: скуфью (1832 г.), медаль «За спасение погибавших» (1832 г.), набедренник (1839 г.), бархатную фиолетовую камилавку (1847 г.). Последние два предмета одежды он получил за ревностное служение церкви. А скуфью и медаль отцу Гервасию Шкляеву вручили за проявленную храбрость при спасении утопавших. Он был представлен к награде обер-прокурором Синода, награждение

⁹ Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. Т. 1. С. 341.

¹⁰ ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 75. Д. 1487. Л. 176 — 182 об.

¹¹ ЦГАУР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1053. Л. 309.

¹² ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 1292. Л. 299 об.

утвердил император Николай I¹³. Обстоятельства совершения подвига установить не удалось. Тот факт, что священник Гервасий Шкляев не побоялся прийти на помощь утопавшим, характеризует его как человека, который не только заботился о духовном наставлении прихожан, но и был готов оказать им физическую помощь.

За годы службы отец Гервасий получил несколько благодарностей: за то, что умножил свечную сумму (1835 г.), за хорошее обучение детей (1839 г.), за пожертвование сумм на Антиохийский престол в г. Дамаске (1846 г.), за доставление денег на содержание учеников (1851 г.)¹⁴. С 1841 г., после нового назначения, выполнял обязанности цензора проповедей по своему благочинию.

Женат отец Гервасий Шкляев был на Анне Неофитовне, дочери священника. По данным на 1855 г., у них было пятеро детей: Димитрий, священник в селе Русановском (Орловской округи); Алексей, дьякон в селе Тойкинском (Сарапульской округи); Мавра, жена священника А. Спасского в селе Спасомоломском (Котельнической округи); проживавшие в родительском доме дочь Вера (1837 г. р.) и сын Федор (1845 г. р.).

В 1855 г. в характеристике отца Гервасия Шкляева было указано, что поведение у него хорошее, судим и штрафован никогда не был. В том же году, в возрасте 56 лет, его уволили за штат¹⁵. Скорее всего, отец Гервасий доживал свой век в селе Хмельёвка.

На основании изученных сведений можно заключить, что отец Гервасий (Фокич) Шкляев ответственно подходил к служению, за что получил заслуженные награды.

Шкляев Дмитрий (Димитрий) Гервасиевич, сын Гервасия Фокича, родился в 1829 г. В 1849 г. был уволен из среднего отделения семинарии. В 1850 г. рукоположен в диакона Успенской церкви села Поджерновского Слободского уезда. С 1856 г. по 1870 г. исполнял обязанности учителя в Русановском образцовом приходском училище, отдал этой службе 14 лет, в 1864 г. получил благодарность¹⁶. В мае 1871 г. отец Димитрий был рукоположен в сан священника к Вознесенской церкви села Хмельёвка. Там же ранее, до 1855 г., служил его отец. Занимался иерей Димитрий благотвори-

¹³ Санкт-Петербургские Сенатские ведомости. 1832. № 7. С. 312.

¹⁴ ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 1292. Л. 300 об.

¹⁵ Там же. Л. 299 об. — 300 об.

¹⁶ Там же. Д. 1313. Л. 261 об.

тельной деятельностью: с 1877 г. содержал на собственные средства школу, в ней же и преподавал¹⁷. С 1879 по 1882 гг. исполнял обязанности депутата по благочинническому округу; в числе его обязанностей было, например, межевание земель. За ревностное и благочестное служение получил несколько наград: сначала набедренник (в 1878 г.), а затем скуфью (в 1881 г.). В 1888 г. в его характеристике было отмечено хорошее поведение и то, что он никогда не был судим¹⁸.

Удалось найти и некоторые данные о его семье. Женат иерей Димитрий был на Ольге Игнатьевне (1831 г. р.), дочери дьякона. Было у них двое детей: Василий и Людмила. На 1878 г. в селе Хмелёвка также продолжала жить мать Дмитрия Анна Неофитовна, вдова. Было ей уже 72 года. Она отличалась примерным поведением, никогда не состояла под судом¹⁹.

В феврале 1893 года из-за болезни отец Димитрий был уволен за штат²⁰. После этого, вероятно, продолжал жить в Хмелёвке. Скончался через шесть лет после увольнения, 27 июля 1899 г., перед смертью был исповедан и приобщен священником Алексеем Васнецовым, погребен через несколько дней, 31 июля, силами членов причта Вознесенской церкви села Хмелёвка.

Шкляев Василий Дмитриевич, сын Дмитрия Гервасиевича, родился в 1851 году. Подробности его биографии удалось установить по клировой ведомости церкви, где он служил (данные представлены на 1915 год). В 1873 г. Василий Дмитриевич окончил Вятскую духовную семинарию. Сразу после этого начал работать учителем в Роговском народном училище Слободского уезда. Через несколько лет, в ноябре 1876 года, в возрасте 22 лет, был рукоположен в сан иерея Троицкой церкви села Лекмы Слободского уезда, исполнял должности помощника настоятеля и одновременно законоучителя народного училища²¹. В 1879 г. был перемещен по прошению на место священника Алексея Лебедева

¹⁷ Там же. 1323. Л. 212 об.

¹⁸ Там же. Л. 213.

¹⁹ Там же. Л. 212 об. — 214.

²⁰ Перемены по службе // Вятские епархиальные ведомости. 1893. № 6. С. 138.

²¹ ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 1350. Л. 450 об. — 451.

в Богородицкую церковь села Просницкого. Там отец Василий также работал законоучителем в народном училище. Судя по всему, он старался вести активную работу с прихожанами. В 1893 г. получил архипастырское благословение за руководство сельским певческим хором²². В феврале того же года был перемещен по прошению на новое место службы, в Вознесенскую церковь села Хмелёвка, вероятно, на место своего отца-священника. В Хмелёвке священник Василий Шкляев совмещал выполнение обязанностей священнослужителя и учителя. С 1897 до 1912 гг. был заведующим школой. С 1895 по 1906 гг., более десяти лет, занимал ответственную должность следователя по делам духовенства, т. е. рассматривал дела о проступках членов клира церковей епархии.

С 1906 г. отец Василий Шкляев состоял членом Миссионерского общества братства Святого Николая²³. Перед этим объединением стояло несколько целей: поддерживать нуждающихся, распространять христианство, открывать библиотеки, издавать журналы — и т. д. Таким образом, братство, в котором состоял отец Василий, способствовало просвещению населения и вело благотворительную деятельность; вероятно, и он сам вносил в это дело посильный вклад.

За долгую и добросовестную службу священник Василий Шкляев получил различные награды: набедренник (1882 г.), скуфью (1889 г.), камилавку (1899 г.), благословение Синода с грамотой (1904 г.), Орден Святой Анны 3-й степени (1911 г.). По прошествии 39 лет его службы при церквях, в марте 1916 г., был награжден почетным саном протоиерея²⁴.

Дважды священника Василия Шкляева избирали депутатом на Епархиальный съезд (1888 г. и 1908 г.). В 1908 г. он мог баллотироваться на должность кандидата в председатели съезда духовенства, но, по всей видимости, не решился²⁵. В 1915 г. отец

²² Архипастырское благословение // Вятские епархиальные ведомости. 1893. № 4. С. 75.

²³ ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 1350. Л. 451 об.

²⁴ Там же. Л. 450 об.

²⁵ Журнал N 1 Вятского Епархиального Съезда духовенства 1908 г. июня 6 дня // Вятские епархиальные ведомости. 1908. № 30. С. 7.

Василий получил положительную характеристику, где указано, что он не был под судом и не получал штрафов²⁶.

Протоиерей Василий Шкляев женат на Августе Васильевне, дочери священника. У них были дети, которые расселились по Вятской губернии. По данным на 1915 год, были живы дети: Александр (1878 г. р.) — учитель духовного училища (г. Яранск); Владимир (1800 г. р.) — священник Преображенского собора (г. Глазов); Ольга (1888 г. р.) — жена священника Семина, жила в селении при Климковском заводе; Надежда (1885 г. р.) — жена дьякона села Чепецко-Ильинского Александра Наумова; Аркадий (1890 г. р.) — бывший учитель Ежевской школы, мобилизованный на военную службу, прапорщик в действующей армии (согласно Своду законов 1910 г., после присвоения этого чина он, вероятно, получил личное дворянство); Зинаида (1898 г. р.) — ученица Епархиального училища. Всего детей тогда оставалось шестеро²⁷.

Исследование биографии отца Василия (Дмитриевича) Шкляева позволяет сделать вывод, что он добросовестно служил церкви, вел просветительскую деятельность, а его труд неоднократно был оценен Епархиальным начальством. В 1917 г. протоиерей Василий Шкляев в возрасте 66 лет продолжал управлять своим двором в Хмельёвке; его домохозяйство, согласно материалам сельскохозяйственной и поземельной переписи, числится в селении под номером 1. В карточке есть данные о его семье, имена не указаны: жена 63 лет (скорее всего, это та же, упомянутая ранее, Августа Васильевна), сын 27 лет (предположительно, Аркадий), дочь 17 лет (вероятно, Зинаида). Там же записаны 4 внучки: 16, 15, 12 и 8 лет (три младших из них тогда учились грамоте). Была у отца Василия одна наемная работница, 40 лет. Указаны данные о количестве скота: 1 лошадь, 2 коровы, 2 теленка, 2 свиньи. А также земли: 12 десятин пашни, 0,8 десятины сада и огорода, сенокос — 6 десятин²⁸. Можно заметить, что это небольшое хозяйство.

По воспоминаниям священника Николая (Агафоникова), одним из сыновей протоиерея Василия (Дмитриевича) Шкляева

²⁶ ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 1350. Л. 451.

²⁷ Там же. Л. 266 об., 267.

²⁸ Там же. Ф. 574. Оп. 15. Д. 1778. Л. 1 — 1 об.

был *Николай Васильевич Шкляев* (1875 г. р.), с которым они примерно в одно время учились в Вятской духовной семинарии [О. Николай (Агафонилов)..., 2005: 319]. Также в клировой ведомости, с послужным списком самого Николая, указано, что он был сыном учителя народной школы села Роговского Слободского уезда²⁹, а, как видно из ранее упомянутых фактов биографии протоиерея Василия Шкляева, в 1875 г. именно он был учителем в этом селе. Данный факт — дополнительное подтверждение того, что Николай был его сыном.

Николай Шкляев запомнился Агафонилову как «добрейший и симпатичнейший человек» [О. Николай (Агафонилов)..., 2005: 319], который на протяжении всех лет обучения в духовном училище и семинарии был лучшим учеником. В июне 1896 г. Николай с аттестатом первого разряда окончил семинарию. Видимо, примерно в это же время был рукоположен. Во всяком случае, через несколько месяцев, в январе 1897 г., в возрасте 21 года, он был определен священником в Богородицкую церковь села Просницкого, где несколькими годами ранее служил его отец. С 1897 г. отец Николай исполнял должность заведующего и законоучителя местной церковно-приходской школы, совмещая эту работу с выполнением обязанностей священника. С 1898 по 1905 гг. был заведующим Росихинской школы грамоты. В 1907—1908 гг. состоял членом ревизионной комиссии, участвовал в проведении проверок на свечном заводе и в епархиальной богадельне. В 1907 г. отец Николай Шкляев был избран депутатом на Епархиальный съезд. Решениями Вятского епископа за прилежную службу получил несколько наград: набедренник (1899 г.), скуфью (1906 г.). За 1908 г. произнес пять проповедей для прихожан. Судим и штрафован не был. Отец Николай Шкляев был женат на Агнии Петровне, дочери священника. У Агнии и Николая были дочери: Вера (1899 г. р.), Елена (1903 г. р.), Ольга (1905 г. р.)³⁰.

Факты биографии отца Николая (Васильевича) Шкляева свидетельствуют о том, что он пользовался доверием Епархиального начальства, добросовестно исполнял обязанности священнослужителя.

²⁹ Там же. Ф. 237. Оп. 70. Д. 375 а. Л. 317 об. — 318.

³⁰ Там же. Л. 317 об., 318.

Второй сын протоиерея Василия (Дмитриевича) Шкляева — *Александр Васильевич Шкляев* (1878 г. р.) в июле 1903 года, в возрасте 25 лет, окончил Казанскую духовную академию с ученой степенью кандидата богословия³¹. После получения такого образования он имел право преподавать в семинарии, учебном заведении среднего уровня духовного образования. Однако через несколько месяцев, в октябре, как видно из формулярного списка, был назначен на должность учителя географии и арифметики в Яранское духовное училище, учебное заведение начального уровня духовного образования. В декабре 1903 г., после вступления в должность, Александр получил т. н. третное не в зачет жалованья. Осенью 1905 г. временно преподавал арифметику в подготовительном классе. В октябре 1906 г. начал вести природоведение в училище. Известно, что в том же 1906 г. он проводил вечерние дополнительные занятия с неуспевающими учениками и получил за это вознаграждение в 50 рублей³².

В 1908 г. Александр Васильевич Шкляев был утвержден в чине коллежского асессора, тогда же вступил в члены правления училища. Летом 1908 г. его временно назначили на почетную должность помощника смотрителя училища. В 1908 г. направили на курсы повышения квалификации по природоведению в столицу, Санкт-Петербург. В августе 1909 г. Александр Шкляев вновь получил назначение на должность временно исполняющего обязанности помощника смотрителя училища, осуществлял помощь в организации работы учебного заведения. На этой же должности оставался и в 1913 г.³³

Удалось найти данные и по его семье: жене Елене Александровне, дочери Нине.

Возвращаясь к службе Александра Васильевича, можно упомянуть еще один факт. В ноябре 1909 г. он на съезде духовенства Яранского духовно-училищного округа запросил сумму

³¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 438. Д. 5076. Л. 1 об. (далее: РГИА).

³² Протоколы Съезда духовенства Яранского духовно-училищного округа, бывшего ноября 29-го — декабря 1-го 1905 г. // Вятские епархиальные ведомости. 1906. № 11. С. 153.

³³ РГИА. Ф. 796. Оп. 438. Д. 5076. Л. 3 об.

в 207 рублей на приобретение учебных материалов (атласов, приборов и т. д.) для преподавания природоведения, но ему одобрили лишь 150 рублей, поэтому удалось закупить лишь часть предметов³⁴. Можно отметить, что учитель Шкляев старался улучшить качество образования в Яранском духовном училище.

В 1910 г. в характеристике ему указали, что он никогда не подвергался наказаниям или взысканиям³⁵.

А. В. Шкляев постепенно продвигался по службе и в 1916 г., в возрасте 38 лет, получил чин статского советника³⁶. Согласно Своду законов 1910 г. он, вероятно, также получил личное дворянство. За долгую и добросовестную работу ему вручили несколько наград: орден Святого Станислава 3 степени (1911 г.), орден Святой Анны 3 степени (1916 г.)³⁷.

За годы своей службы Александр Васильевич Шкляев проявил себя как человек ответственный, неравнодушный к развитию образования на Вятке.

Третий сын протоиерея Василия Шкляева — **Владимир Васильевич Шкляев** (1880 г. р.) в июне 1900 г. окончил семинарию. Принял ли он тогда сан, выяснить не удалось, но на это предположение наводит следующий факт. В декабре того же 1900 г. он в возрасте 20 лет получил должность надзирателя в Глазовском духовном училище (т. е. следил за поведением учеников). Обычно такие должности в духовных учебных заведениях получают священники. Но, возможно, рукоположение имело место позже. С января 1901 г. в том же Глазовском училище Владимир Васильевич Шкляев преподавал русский и церковнославянский языки. В сентябре 1902 г. уже точно отец Владимир Шкляев был определен иереем в село Сырьяно-Всесвятское Слободского уезда.

Служение в церкви не поставило крест на преподавательской деятельности отца Владимира. В 1903 г. он поочередно

³⁴ Журналы съезда духовенства Яранского духовно-училищного округа, бывшего 24—27 ноября 1909 года // Вятские епархиальные ведомости. 1910. № 5. С. 62.

³⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 438. Д. 5076. Л. 1—5.

³⁶ Высочайший приказ // Вятские епархиальные ведомости. 1916. № 24. С. 1.

³⁷ Высочайшие награды // Там же. 1911. № 19. С. 350; Высочайшие награды // Там же. 1916. № 14. С. 1.

работал во Всесвятском и Юдинском училищах. Прослужив в указанном селе меньше года, в июле 1903 г. был перемещен Преосвященным Никоном в Преображенский собор г. Глазов. Служение отец Владимир сочетал с работой законоучителем сначала в Лудошурском, затем в Потапьевском училищах³⁸. Кроме того, принимал участие в заседаниях окружного суда г. Глазова. В его обязанности входило приведение к присяге свидетелей и экспертов (1903—1910 гг.).

Очевидно, отец Владимир пользовался авторитетом у местной общественности. С 1908 г. он регулярно избирался от духовенства депутатом на окружных училищных съездах³⁹. С 1911 по 1913 гг. состоял в правлении Глазовского духовного училища. В 1913 г. в его характеристике было указано, что он никогда не состоял под судом и следствием. За отличную службу отца Владимира неоднократно награждали: набедренником (1906 г.), скуфьей (1911 г.), а также серебряной медалью за проведение сбора пожертвований для Красного Креста во время войны с Японией (1904—1905 гг.)⁴⁰.

В Глазове у отца Владимира Шкляева было два собственных дома. Вероятно, в одном из них жила его семья: жена Мария Николаевна, дочь Татьяна, сын Алексей.

Анализ исследованных документов показывает, что Владимир Васильевич не только ревностно служил церкви, но и занимался просвещением жителей Вятской губернии. Его заслуги по достоинству оценили в духовном правлении епархии.

Младший сын протоиерея Василия (Дмитриевича) Шкляева — **Аркадий Васильевич Шкляев** родился в 1890 году. Он окончил два класса Вятской духовной семинарии, но путь священства его не привлек. Аркадий Шкляев выбрал только педагогическую стезю. С 1909 года трудился учителем земских школ в Глазовском уезде Вятской губернии. С 1914 по 1917 годы участвовал в Первой мировой войне, служил в звании поручика в 15-м гренадерском полку⁴¹. После возвращения с фронта вернулся к своей профессиональной деятельности: с 1918 по 1928 гг. работал учителем

³⁸ ЦГАУР. Ф. 63. Оп. 1. Д. 28. Л. 11 об.

³⁹ Там же. Л. 12 об.

⁴⁰ Там же. Л. 11 об. — 13.

⁴¹ ЦГАКО. Ф. Р—6799. Оп. 2. Д. СУ—2960. Т. 1. Л. 31—32 об.

в Хмелёвской школе. Аркадий Васильевич принимал участие в работе новых, советских, органов власти: агитировал укреплять крестьянские хозяйства, состоял в революционной комиссии волостного исполкома, а также занимался общественной работой. С августа по декабрь 1929 г. А. В. Шкляев работал учителем в Ново-Покровской школе в Партизанском районе Красноярского округа Сибирского края, ответственно подходил к воспитанию детей, благодаря чему вошел в число лучших учителей школы⁴². Однако это не помогло ему миновать политических репрессий 1930-х годов. Социальное происхождение А. Шкляева не могло не вызывать у большевиков сомнений в его благонадежности.

В марте 1930 года Аркадию Васильевичу предъявили обвинение в распространении клеветы о Советской власти, по статье 58 Уголовного кодекса. Никаких прямых улик о его вине не было найдено. Несмотря на это, его приговорили к пяти годам заключения в концлагере⁴³. Он провел в заключении чуть больше года и в декабре 1931 года по решению коллегии ОГПУ от наказания был досрочно освобожден⁴⁴. Но, как показала история, не навсегда. В 1939 году А. В. Шкляеву, работавшему тогда уже завучем в Поджерновской школе Зуевского района Кировской области, предъявили обвинение в контрреволюционной деятельности и антисоветской агитации и приговорили к десяти годам лишения свободы⁴⁵. Из заключения он не вышел: умер в тюрьме в 1943 году.

Антирелигиозная политика Советской власти положила конец и священнической, и педагогической династии Шкляевых.

Заключение

В ходе исследования была создана коллективная биография одной из ветвей рода Шкляевых, проживавших в Вятской губернии в XVIII — начале XX в. Для этой ветви была характерна преемственность в выборе профессии: почти все мужчины становились священниками и учителями. Почти все закончили духовные учебные заведения.

⁴² Там же. Л. 63, 81 — 81 об.

⁴³ Там же. Л. 100.

⁴⁴ Там же. Л. 43.

⁴⁵ Там же. Т. 2. Л. 5—8 об., 64.

Шкляевы были людьми семейными, воспитывали по несколько детей, придерживаясь патриархальных моральных устоев.

Представители рода Шкляевых на протяжении семи поколений вносили посильный вклад в духовное развитие общества, способствовали распространению православной культуры и нравственных ценностей, радели о поддержании церковей в надлежащем состоянии. Благодаря их стараниям повышался уровень грамотности и образованности жителей Вятки. Некоторые из Шкляевых занимались не только просветительской, но и благотворительной деятельностью, направляя собственные деньги на финансирование школ, издание литературы. Они посвятили свою жизнь служению на благо общества, свои обязанности выполняли со всей ответственностью и добросовестностью. Все представители рассмотренной ветви рода отличались трудолюбием, высокой нравственностью и исключительной порядочностью.

Список источников

- Абрамович Е. З., Щербакова Е. Н.* Род Васнецовых-Шкляевых: культурологический анализ. Краснодар: изд-во Магарин О. Г., 2019. 80 с.
- Виноградов О. Н.* Село Полынка. URL: <https://www.falinki.ru/blog/vinogradov-selo-polynka> (дата обращения: 15.10.2025).
- Завойчинская И. Г.* Шкляевы на Вятской земле // Герценка: Вятские записки. Вып. 14. / сост. Н. П. Гурьянов. Киров: Киров. гос. универс. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена, 2009. URL: https://herzenlib.ru/almanac/number/detail.php?NUMBER=number14&ELEMENT=gerzenka14_3_6 (дата обращения: 15.10.2025).
- Лыткин Д. С.* Протоиерей Александр Николаевич Шкляев. URL: <https://skm.solkam.ru/o-uzee/%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8/solikamsk-pravoslavnyi/protoierey-aleksandr-nikolaevich-shklyayev/> (дата обращения: 15.10.2025).
- О. Николай (Агафоников).* Семейная хроника: мемуары // Династия Агафониковых: статьи, воспоминания, дневники / сост. Н. Ржевская. М.; Подольск: Глобус, 2005. С. 215—345.

References

- Abramovich, E. Z. and Shcherbakova, E. N. (2019), *Rod Vasnetsovykh-Shklyayevykh: kul'turologicheskii analiz* [A line of the Vasnetsovs-Shklyayevs: culturological analysis], izdatel'stvo Magarin O. G., Krasnodar, Russia.

- Lytkin, D. S. *Protoierei Aleksandr Nikolaevich Shklyiev*, available at: <https://skm.solkam.ru/o-muzee/%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8/solika-msk-pravoslavnyi/protoierey-aleksandr-nikolaevich-shklyiev/> (Accessed 15 October 2025).
- Nikolai (Agafonikov), Father (2005), 'Family chronicle: memoirs', in Rzhetskaya, N. (comp.), *Dinastiia Agafonikovykh: stat'i, vospominaniia, dnevniki* [The Agafonikovs dynasty: articles, memoirs, diaries], Globus, Moscow—Podol'sk, Russia: 215—345.
- Vinogradov, O. N. *Selo Polynka*, available at: <https://www.falenki.ru/blog/vinogradov-selo-polynka> (Accessed 15 October 2025).
- Zavoichinskaya, I. G. (2009), 'The Shklyievs on the Viatka land', in Guryanov, N. P. (comp.), *Gertsenka: Viatskie zapiski* [Gertsenka: Viatka Notes], iss. 14, Kirovskaia gosudarstvennaia universitetskaia oblastnaia nauchnaia biblioteka imeni A. I. Gertsena, Kirov, Russia, available at: https://herzenlib.ru/almanac/number/detail.php?NUMBER=number14&ELEMENT=gerzenka14_3_6 (Accessed 15 October 2025).

Статья поступила в редакцию 25.10.2025; одобрена после рецензирования 21.11.2025; принята к публикации 27.11.2025.

The article was submitted 25.10.2025; approved after reviewing 21.11.2025; accepted for publication 27.11.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

О. В. Попкова — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации, Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия.

О. V. Popkova — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of Professional Communication, Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, Vladimir, Russia.

Е. И. Попкова — студент, Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия.

E. I. Popkova — student, Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, Vladimir, Russia.

Интеллигенция и мир. 2026. № 2. С. 110—137.
Intelligentsia and the World. 2026. No. 2. P. 110—137.

Научная статья
УДК 94(47):373.1(430)"1946/1949"
EDN <https://elibrary.ru/pnawqc>
DOI: 10.46725/IW.2026.2.6

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история

СПОРЫ И СУДЬБЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОЙ ГИМНАЗИИ ШТУТГАРТА (1946—1949 ГГ.)

Александр Алексеевич Корнилов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия,
kornilov@imomi.unn.ru, SPIN-код: 6338-0282,
<http://orcid.org/0000-0001-9139-3740>

Аннотация. В статье, основанной на анализе различных архивных материалов, изучаются вопросы деятельности педагогической интеллигенции в Русской гимназии города Штутгарт. Подчеркивается, что директор и преподаватели гимназии в послевоенной Германии, в условиях ограниченного финансирования, смогли организовать учебный процесс и выпуск нескольких классов. Большую роль в развитии учебного заведения играли церковные структуры, прежде всего, управляющий Германской епархией митрополит Серафим (Ляде) и Учебно-педагогический комитет при Синоде Русской Зарубежной Церкви. Преподаватели спорили о том, как лучше вести занятия и воспитывать учеников. Однако дискуссии периодически перерастали в острые конфликты между группами педагогов и родительским комитетом. Отмечается позитивная роль искусных управленцев делами гимназии: митрополита Серафима, директора А. И. Фильшина и директора П. Н. Изюмова.

Ключевые слова: директор гимназии, преподаватели, законоучитель, митрополит Серафим, Штутгарт

Для цитирования: Корнилов А. А. Споры и судьбы преподавателей русской гимназии Штутгарта (1946—1949 гг.) // Интеллигенция и мир. 2026. № 2. С. 110—137.

© Корнилов А. А., 2026

DISPUTES AND FATES OF TEACHERS OF THE RUSSIAN GYMNASIUM OF STUTTGART, 1946—1949

Alexander A. Kornilov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia, kornilov@imomi.unn.ru,
SPIN-код: 6338-0282, <http://orcid.org/0000-0001-9139-3740>

Abstract. The article, based on the analysis of various archival materials, studies activities of the pedagogical intelligentsia in the Russian Gymnasium of the city of Stuttgart. It is emphasized that the director and teachers of the gymnasium in the post-war Germany, under conditions of limited funding, were able to organize the educational process and graduation of several classes. A significant role in the development of the educational institution was played by Church structures, first of all, by administrator of the German Diocese, Metropolitan Seraphim (Lyade), and the Educational and Pedagogical Committee under the Synod of the Russian Church Outside Russia. The teachers argued about how best to conduct classes and educate students. However, the discussions periodically escalated into sharp conflicts between groups of teachers and the parents' committee. The positive role of skillful managers of the gymnasium's affairs is noted: Metropolitan Seraphim, rector Afanasiy I. Filshin and rector Peter N. Izyumov.

Keywords: Rector of the gymnasium, teachers, religious teacher, Metropolitan Seraphim, Stuttgart

For citation: Kornilov, A. A. (2026), 'Disputes and fates of teachers of the Russian gymnasium of Stuttgart, 1946—1949', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 110—137 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Вопросы деятельности педагогической интеллигенции в русском зарубежье продолжают привлекать внимание историков, специалистов в области педагогики, исследователей духовного воспитания и просвещения. Одной из самых интересных и в то же время слабо изученных тем остается создание и развитие русских гимназий второй половины 1940-х годов. В западных зонах оккупации Германии проживали десятки тысяч русских перемещенных лиц (ДиПи — от Displaced Persons). Они жили в лагерях ДиПи, а также в городах и поселениях, создавали православные храмы и учебные заведения.

Степень изученности темы. В отечественной историографии деятельность русских учебных заведений, церковных школ, культурных объединений и работа педагогической интеллигенции за рубежом изучалась в жанре тезисов и статей [Базанов, 2010; Удалова, 2017; Корнилов, Кинстлер, 2016; Медведева, Бушуева, 2016; Попов, 1994; Родионова, 2010], монографий [Близнюк, 2017; Жердев, 2020; Кострюков, 2015; Корнилов, 2011] и диссертаций [Гуревич, 2005; Котова, 2018]. Тем не менее малоизученные вопросы остаются. Среди таковых — деятельность педагогической интеллигенции в русской гимназии Штутгарта. Частично закрыть имеющиеся лакуны призвана настоящая статья.

Цель статьи — изучить основные направления деятельности педагогической интеллигенции в Русской гимназии г. Штутгарт в 1946—1949 гг.

Задачи исследования — выявление приоритетных вопросов развития гимназии, которые вызвали острые дискуссии внутри педагогического коллектива и в родительском комитете, анализ преподавательского состава гимназии, определение роли дирекции и наблюдающих церковных структур в решении задач учебного и воспитательного процессов.

Источниковедческий обзор. Статья основана на оригинальных документах работы Русской реальной гимназии имени преподобного Сергия Радонежского в г. Штутгарте, отложившихся в Архиве Германской епархии Русской Зарубежной Церкви (далее: АГЕ) и никогда прежде не публиковавшихся в российской научной печати. В процессе написания статьи автор использовал материалы германского Архива Арользена — Центра документации о преследованиях национал-социалистическим режимом. Значительная часть документального фонда размещена в открытом доступе, и автор использовал личные карточки и другие материалы дел перемещенных лиц, чтобы уточнить биографии учителей и священнослужителей, преподававших в гимназии Штутгарта.

Методология и методы исследования

Автор использовал *методы* исторического исследования, в первую очередь метод исторической индукции. Принципы историзма было необходимо применить для изучения сложной конкретно-исторической ситуации послевоенной Германии.

Штутгартская гимназия с самого начала развивалась с дисперсным сообществом учеников: в городе не было русского лагеря перемещенных лиц, учащиеся проживали в самых разных местах города и окрестностей, и данное обстоятельство существенным образом повлияло на работу гимназии.

Основная часть

Штутгартская гимназия в составе русских школ под попечением Синода РПЦЗ

Выпускница Русской реальной гимназии г. Регенсбурга Аста Александровна Аристова (Терских) при составлении воспоминаний [Аристова (Терских), 2004] задавалась вопросом: «Как именно возникли русские школы? Кто их создал? В какое учреждение обратились, в какую дверь постучали и кто, наконец-то, дал согласие на создание их? А потом уже, получив полномочия, надо было приобрести помещение, мебель, набрать учителей и учащихся. Как это произошло?.. Мы, беженцы, были разбросаны по всей Германии. Простите за варваризм — одни жили у бауэра (у крестьян), другие на приватке (на частной квартире), третьи в лагерях, а были и ютившиеся в разбомбленных зданиях. Какая была связь между ними? Кто думал о школе?» Ответ самой выпускницы гимназии был таков: «Вышло, как и во время монгольского нашествия, что Православная Церковь сохранила русскую культуру, и не только культуру, но и многих людей, и не только русских» [Ее же, б. г.].

Речь идет здесь о Русской Зарубежной Церкви (иное название «Русская Православная Церковь за границей — РПЦЗ), которая решением своего Архиерейского Синода взяла под опеку перед оккупационными властями и на свое попечение — молитвенное, юридическое и прочее — многочисленные русские школы, появившиеся в различных уголках послевоенной Западной Германии.

Какое количество школ находилось на попечении Синода РПЦЗ? В Архиве Германской епархии РПЦЗ отложился интересный документ «Список русских школ, находящихся в ведении Учебно-педагогического комитета»¹. Напечатанный на пишущей

¹ Архив Германской епархии Русской Зарубежной Церкви. Ф. 4. Д. Православные гимназии. Переписка. 1947—1950. Б/л. (далее: АГЕ).

машинке, список имеет внизу текст: «С подлинным верно: секретарь епархиального управления, игумен Георгий»². Подписи о. Георгия на документе нет, так что это, вероятно, копия оригинала.

В списке указаны 22 школы, работавшие в лагерях ДиПи и городах: Шляйсгайм, Регенсбург, Пассау, Штутгарт, Мюнхен (гимназия «Милосердный Самарянин»), Гамбург (лагерь Фишбек), Ганновер (лагерь «Колорадо»), Менхегоф (начальная школа) и другие. Полагаем, что документ составлен не ранее 1947 года, так как на строке «Шляйсгайм» стоит приписка «Влита [то есть, вошла] гимназия СС-казарм». Гимназия тех самых казарм (другое название Мюнхен-Фрайманн), о которой журнал «Интеллигенция и мир» опубликовал статью [Корнилов, 2023], была расформирована и вошла в состав гимназии лагеря Шляйсгайм в 1947 году. Таким образом, гимназия Штутгарта также находилась в ведении Синодального комитета.

Дискуссии в педагогическом коллективе при директоре А. И. Фильшине

Создание Русской гимназии в Штутгарте относится, скорее всего, к концу 1945 — началу 1946 года. Сохранившиеся документы о гимназии не дают на этот счет точного ответа. Законоучитель гимназии (иными словами, преподаватель Закона Божьего) протоиерей Павел Савицкий в прошении на имя митрополита Берлинского и Германского Серафима (Ляде) в июне 1950 г. сообщил: «В 1946 году я положил начало и русской гимназии, которая только теперь сошла на “нет” из-за отсутствия молодежи учебного возраста»³. В то же время некрологи о первом директоре гимназии А. И. Фильшине указывают, что гимназия появилась в конце 1945 г. Афанасий Иванович Фильшин⁴, кандидат богословия, работал директором гимназии в 1946—1947 гг.

² Игумен Георгий (Соколов) в 1947—1950 гг. служил секретарем Германской епархии, один из ближайших сотрудников правящего Германского архиепископа, митрополита Серафима [Нивьер А., 2007: 148].

³ Личное дело протоиерея Павла Савицкого // АГЕ. Ф. 2. Оп. 1. Коробка 11. Д. 11/1. Л. 16 об.

⁴ Родился 31 янв. 1884, Курская губ. Окончил гимназию в Обояни и в 1910 г. Киевскую духовную академию. После революции 1917 г.

Имея за плечами богатый педагогический опыт, А. И. Фильшин был глубоко верующим человеком. В одном из писем митрополиту Серафиму он так выразил свое религиозное мироощущение: «Я сын псаломщика. И, к счастью, у меня сохранилась психология старинного деревенского псаломщика в отношении к святительскому сану и к актам святительской власти»⁵. Такое отношение к работе в гимназии, подчинявшейся синодальному комитету, имело большое значение в свете постоянных трений, которые возникали внутри педагогического коллектива. Смирение и надежда на то, что решение митрополита Серафима, опекавшего учебные заведения Германской епархии, окажет поддержку учебному делу, часто помогало и ограждало, мы полагаем, директора от, возможно, опрометчивых решений.

Преподавательская группа включала опытных педагогов и специалистов-предметников. Законоучителем старших классов гимназии был опытный священнослужитель, протоиерей Павел Савицкий⁶. Химию преподавал Владимир Павлович Скип-

преподавал. В 1930—1943 гг. был директором школы в Таганроге. Оказавшись в эмиграции, в конце 1945 г. основал в Штутгарте русскую православную гимназию, был ее первым директором. Преподавал Закон Божий и латинский язык [Религиозные деятели Русского зарубежья. URL: https://zarubezhje.narod.ru/tya/F_233.htm (дата обращения: 30.06.2025)].

⁵ АГЕ. Ф. 4. Д. Православные гимназии. Переписка. 1947—1950. Б/л.

⁶ Родился в 1882 г. Окончил Академию художеств в Санкт-Петербурге, Казанскую духовную академию. Кандидат богословия. С 1911 — преподаватель Литовской духовной семинарии. Епархиальный миссионер в Белостокской епархии. В 1913 г. Павел Савицкий назначен в Виленский Николаевский кафедральный собор. В соборе прослужил до 1916 г. и преподавал в Литовской духовной семинарии. В 1916 г. был направлен в Германию для священнослужения в лагерях русских военнопленных. В 1920-х гг. служил в Берлине, в церкви на ул. Находштрассе. В годы 2-й мировой войны служил в г. Гамбурге (Германия), а с 1943 г. — настоятель храма в г. Штутгарте (Германия). В 1954 г. о. Павел перешел в юрисдикцию Западноевропейского экзархата Константинопольской Церкви. Скончался 3 марта 1956 г. в Марселе после тяжелой операции [Религиозные деятели Русского зарубежья. URL: https://zarubezhje.narod.ru/rs/s_158.htm (дата обращения: 30.06.2025)].

ский⁷, ставший впоследствии ученым с мировым именем. Занятия по математике вел Петр Николаевич Изюмов⁸, который в 1948 году сменил А. И. Фильшина на должности директора гимназии. Географию и историю преподавал В. П. Ващенко, пение и латинский язык — П. Ф. Андрейчук, русскую историю —

⁷ Скипский В. П. (18.10.1913, Угроеды, Харьковская губерния, Россия — 01.10.1984, Рай, штат Нью-Йорк, США), автор более 150 работ по проблемам биохимии и исследованию рака. Окончил Киевский университет и аспирантуру Института экспериментальной биологии и патологии (1941). Старший научный сотрудник института с 1941 года. Летом 1941 года мобилизован в Красную армию, попал в плен. Освобожден по ходатайству профессора А. А. Савостьянова. Продолжил работу в институте до сентября 1943 года, когда немецкие оккупанты приказали населению покинуть город, стал беженцем. После войны находился во французской зоне оккупации Германии, откуда переехал в американскую зону, в Штутгарт. Переселился в США. Работал на апельсиновых плантациях, пока не нашел работу по специальности в биохимической лаборатории. В 1956 году защитил докторскую диссертацию при Университете Южной Калифорнии в Лос-Анджелесе. В 1956 году был принят на работу в Институт раковых заболеваний Слоан Кеттеринг в городе Рай (Rye, штат Нью-Йорк), в нем проработал 25 лет. Занимался исследованием липопротеинов в мембранах раковых клеток. Состоял членом 10 научных обществ. Похоронен на кладбище Ново-Дивеевского Успенского православного женского монастыря (штат Нью-Йорк, США) [105 лет со дня рождения В. П. Скипского. 18.10.2018. Дом русского зарубежья имени А. Солженицына. URL: https://www.domrz.ru/press/memo_dates/18_oktyabrya_2018_goda_105_let_so_dnya_rozhdeniya_v_p_skipskogo/ (дата обращения: 29.06.2025); Русские в Северной Америке..., 2005: 464—465].

⁸ Изюмов П. Н. (24.12.1897, Елизаветполь, Российская империя, (в советские годы Кировабад, после распада СССР — Гянджа в Азербайджане, — 08.07.1957, Лондон, провинция Онтарио, Канада). Преподавал в Нежинском университете на Украине, после Великой Отечественной войны оказался в Германии, проживал с семьей в общине протоиерея Адриана Рымаренко, Вендлинген-на-Некаре, близ Штутгарта. Активно участвовал в приходской жизни Вендлингена и преподавал в Штутгартской гимназии [Isjumow Peter DP Registration Card. Arolsen-Archives. URL: <https://collections.arolsen-archives.org/en/search/person/67516176?s=Isjumow%20Peter&t=2738537&p=0> (дата обращения: 29.06.2025); Незабываемые могилы, 2001: 66].

Б. Т. Кирюшин, английский язык — Мария Кирилловна Лейман⁹. В составе педагогического совета гимназии мы находим П. Я. Портнова¹⁰, имевшего большой учительский стаж.

Документы Архива Германской епархии РПЦЗ сообщают об остром конфликте, разраставшемся на протяжении 1947 года. Мы здесь ссылаемся главным образом на два документа — письмо директора гимназии А. И. Фильшина митрополиту Серафиму (без даты, но написанное, скорее всего, не ранее 23 сентября 1947 года)¹¹ и выписку из протокола заседания педагогического совета гимназии от 1 октября 1947 года¹².

Согласно этим документам, с апреля по август 1947 г. группа преподавателей (учитель пения и латинского языка П. Ф. Андрейчук, историк Б. Т. Кирюшин, физик Миронов, математик Николаев, зав. интернатом Ю. А. Лапковский, примкнувшие к ним химик В. П. Скипский, о. Иоанн Молоток и некоторые другие) выступила с обвинениями в адрес руководства гимназии. «Оппозиционные» преподаватели ходили к родителям с подписными листами против директора. Педагогический совет констатировал, что вместо конкретного указания недостатков в работе учебного заведения группа «встала на путь развала гимназии, внося смуту в ряды

⁹ Биографических сведений об этих преподавателях не обнаружено. Фамилии преподавателей упоминаются в письме директора гимназии А. И. Фильшина митрополиту Серафиму [АГЕ. Ф. 4. Д. «Православные гимназии. Переписка. 1947—1950». Б/л.]. Известно, однако, что Б. Т. Кирюшин и П. Ф. Андрейчук до Штутгарта преподавали в гимназии лагеря Менхегоф [Гимназия им. М. В. Ломоносова..., 2000: 9].

¹⁰ Платон Яковлевич Портнов (1879 — ок. 1960). Родился в дер. Подлюбово Уфимской губернии в семье крестьянина. Школьный учитель в Киеве. После Второй мировой войны попал в г. Штуттгарт (Германия). Работал в немецком исследовательском институте животноводства. Член приходского совета Свято-Николаевского храма в Штуттгарте. Одновременно пел в приходском хоре. Преподавал в Штуттгартской православной гимназии им. преп. Сергия Радонежского. Похоронен в г. Деттинген близ Штуттгарта [Православная Русь. 1960. № 3. С. 15].

¹¹ АГЕ. Ф. 4. Д. Православные гимназии. Переписка. 1947—1950. Б/л.

¹² Выписка из протокола заседания педагогического совета Православной гимназии имени преподобного Сергия Радонежского от 1 октября 1947 года, город Штуттгарт // Там же. Б/л.

учеников, в результате чего упала дисциплина и посещаемость учащимися занятий».

Изучение протокола заседания педсовета показывает, что в группу «оппозиции» вошли так называемые «кассельские педагоги», то есть учителя, ранее преподававшие в гимназии Менхегоф под Касселем. Директор Штутгартской гимназии А. И. Фильшин и его сторонники решили, что смута была посеяна не ради исправления недостатков в работе, которые, конечно, всегда имеются, а во имя банального прихода к власти, к руководству гимназией. Педагогический совет на заседании 1 октября выразил сожаление, что ревизоры от Учебно-педагогического комитета Синода РПЦЗ приезжают в Штутгарт, но вместо урегулирования конфликта «способствуют групповщине», отказываются предоставить директору Фильшину Акт о ревизии, составленный в мае 1947 г., встречаются лишь с представителями «группы», но не с членами педсовета и дирекции. Педсовет решил довести до сведения митрополита Серафима сложившуюся ситуацию и просил владыку принять срочные меры по исправлению. Решение педсовета было единогласным (11 голосов «за»), хотя под выпиской из протокола не стоит подпись председателя совета, протоиерея Павла Савицкого.

Так называемая «группа из Касселя» прибыла в Штутгарт в первой половине 1947 года. В марте—мае 1947 г. американские оккупационные власти расформировали несколько лагерей ДиПи под Касселем, под эту «чистку» попала и гимназия Менхегофа [Болдырев, 1998: 140].

Одна из причин закрытия лагерей была чисто экономическая — американцам стало тяжелее содержать большое число перемещенных лиц. Переселение учителей Менхегофской гимназии произошло не сразу, а постепенно. Так или иначе, к педагогическому коллективу Штутгарта присоединились новые преподаватели. Возникли трения и получили развитие конфликты между преподавателями, директором и новыми преподавателями. Среди причин конфликта назовем также предписание американской военной администрации провести проверку («скрининг») политической надежности учителей прежде найма их на работу в гимназии. Кассельские учителя были обязаны пройти такую проверку как новые штатные преподаватели. К тому же они потеряли статус ДиПи (перемещенного лица), значит, не могли рассчитывать на

получение пакетов продовольственной помощи, на поддержку в устройстве на работу. А чем же кормить семью педагога, если на новом месте еще не выплачивают зарплату, как получить днесь «хлеб насущный»? А почему учителям не дают вести занятия по дисциплинам, которые они могут преподавать? П. Ф. Андрейчук получил назначение вести пение, но занимался только хором, и высокий уровень хоровых занятий директор Фильшин признавал, но почему же Андрейчук не вел пение с классами, а только с хором? Химик Скипский имел 6 уроков в неделю, но требовал от директора записать 42 часа в неделю. Что делать в этих случаях директору? Всё это рождало претензии. «Сплав» различных обстоятельств, к сожалению, обострял конфликты и плодил новые интриги.

При изучении Штутгартской гимназии следует учитывать еще одно обстоятельство. Город Штутгарт не имел русского лагеря перемещенных лиц. Например, в Штутгарте был армянский лагерь ДиПи и жил своей жизнью. Русские же гимназисты Штутгарта и их родители проживали в городе или за пределами города, так что многим учащимся приходилось добираться до города на транспорте, это занимало время и отнимало силы. Благополучие родителей находилось на разных уровнях, они получали разное жалование в зависимости от места работы. Часто родители не знали друг друга, а знакомились в стенах гимназии. Напротив, в городах, где сохранились лагеря ДиПи, ситуация с получением образования была иной. Регенсбург — там был лагерь ДиПи, гимназисты были и среди тех, кто «жил в городе», за пределами лагеря, однако все учились в пределах одной территории. Гимназия Шляйсгайма — там учились дети насельников лагеря Шляйсгайм. Подобная же ситуация — с гимназией Мюнхен-Фрайманн, с гимназией лагеря «Колорадо» (Ганновер), гимназией лагеря Фишбек (Гамбург), гимназией «Милосердный Самарянин» (Мюнхен).

В Штутгарте было сложнее обеспечить единый режим занятий, постоянную связь с родителями. Укажем в качестве примера на семью учителя математики, позднее директора гимназии П. Н. Изюмова. Каждый будний день со старшими детьми учитель добирался на поезде из Вендлингена до Штутгарта —

преподавать. Вечером возвращался обратно¹³. Полагаем, «ядро» родительского комитета включало тех, кто жил в Штутгарте, но все-таки этого было недостаточно для организации комплексной учебной и внеучебной работы.

Для поиска путей урегулирования конфликта директор А. И. Фильшин и педсовет решили командировать двух преподавателей в Мюнхен для доклада и правящему архиерею, и Председателю Архиерейского Синода. Командировочное удостоверение сообщало:

«St. Serge of Radonezh Highschool. Гимназия им. Св. Сергия Радонежского. Stuttgart, Olgastrasse 3, den 13 октября 1947.

На основании постановления педсовета православной гимназии от 1 и 10 октября с. г. преподаватели гимназии П. Н. Изюмов и М. К. Лейман командированы по делам гимназии в г. Мюнхен к Высокопреосвященнейшему Серафиму, митрополиту Берлинскому и Германскому и к Высокопреосвященнейшему Анастасию, митрополиту, Председателю Архиерейского Синода Зарубежной Православной Церкви.

Директор гимназии А. Фильшин»¹⁴.

Митрополит Серафим (Ляде) принял кадровые решения, которые на время утихомирили страсти конфликта в гимназии. Указом митрополита от 28 сентября 1947 г. протоиерей Павел Савицкий был освобожден от должности законоучителя старших классов и переведен на должность второго священника Свято-Николаевской церкви г. Штутгарта. Настоятелем Штутгартского прихода и преподавателем Закона Божьего в старших классах был назначен профессор богословия, протопресвитер Василий Виноградов¹⁵. Директором был назначен П. Н. Изюмов, а председателем педагогического совета — протопресвитер Василий Виноградов¹⁶.

¹³ Письмо Н. П. Изюмова А. А. Корнилову. 02.07.2025 (Архив автора).

¹⁴ АГЕ. Ф. 4. Д. Православные гимназии. Переписка. 1947—1950. Б/л.

¹⁵ Личное дело протоиерея Павла Савицкого // Там же. Ф. 2. Оп. 1. Коробка 11. Д. 11/1. Л. 1.

¹⁶ Протопресвитер Василий Виноградов (1885—1968). Родился в г. Можайск в семье священника. Окончил Вифанскую духовную семинарию и Московскую духовную академию. Кандидат богословия.

***Развитие гимназии в 1948—1949 годах:
новый конфликт и новые решения***

Директор гимназии и председатель педсовета в священном сане поначалу, казалось, управляли гимназией в мирном русле. Был объявлен прием в гимназию на 1948/49 учебный год, в типографии напечатали соответствующее объявление¹⁷. Приглашение на обучение содержало важную информацию о самой гимназии: «Православная реальная гимназия в г. Штутгарте (при православном Штутгартском приходе) на 1948 / 49 учебный год объявляет прием учащихся во все классы гимназии (приготовительный, 1—8-й классы). Гимназия является средним учебным заведением, дающим законченное среднее образование по программе реальной гимназии, и состоит под архипастырским покровительством и руководством владыки Митрополита Серафима — Попечителя гимназии».

Объявление сообщало, что гимназия находится в системе школ министерства культа и просвещения области Вюртемберг и дает учащимся те же права, что и немецкие гимназии, в том числе право поступать в вузы. Учащиеся получают такой же завтрак, как и в немецких гимназиях.

Преподавание велось на русском языке. Учащимся преподавались немецкий язык (с подготовительного — в современном русском языке используется прилагательное «подготовительного» — класса), английский язык (с 1-го класса) и латинский язык (с 4-го класса). Иными словами, в реальной гимназии, как и положено, мы видим преобладание «живых» иностранных языков над

Преподавал в МДА пастырское богословие (1910—1928). Занимал ряд должностей при патриархе Тихоне. Находился в заключении (1921—1922, 1930—1935(?)). Ректор пастырских курсов Свято-Духовского монастыря в г. Вильно (1942—1944). Протопресвитер в РПЦЗ (1944). После 2-й мировой войны служил настоятелем храмов в Бад-Наугайме, Штутгарте и других. Редактор епархиальных «Церковных ведомостей» (с 1951 г.). Руководитель пастырских курсов в Германии (с 1954 г.) [Религиозные деятели Русского зарубежья. URL: https://zarubezhje.narod.ru/av/v_012.htm (дата обращения: 24.06.2025)].

¹⁷ Православная реальная гимназия в г. Штутгарте (при православном Штутгартском приходе // АГЕ. Ф. 4. Д. Православные гимназии. Переписка. 1947—1950. Б/л.

«мертвыми», которые были бы главными в классической гимназии. При гимназии имелось общежитие-интернат с постоянным педагогическим присмотром. В интернате предполагалась организация ежедневного питания (по карточкам).

Учебные занятия начинались 21 сентября (день Рождества Пресвятой Богородицы). Перед началом занятий служился молебен с сугубой молитвой преподобному Сергию Радонежскому, в честь которого была названа гимназия. Приемные и переходные испытания во все классы гимназии проходили с 13 сентября. Прошения о приеме направлялись по адресу: Stuttgart, Archivstr. 16. Orthodoxes Pfarramt (für Orthodoxes Gymnasium).

В самом конце документа рукой директора П. Н. Изюмова была сделана чернилами приписка очень важного характера: «Плата за обучение одного учащегося 20 ДМ (дойче марок. — А. К.) в месяц, за двух [из] одной семьи 30 ДМ». Мы попытались поискать аналог этой суммы в чем-то вещественном. Указания на валютный курс ДМ во второй половине 1940-х годов оставили эмигранты в своих мемуарах. Например, живописец и эссеист С. Л. Голлербах вспоминал: пачка американских сигарет на черном рынке в Мюнхене стоила 100—120 марок. Столько же, и это важно отметить, стоил семестр обучения в художественной академии. На одну пачку сигарет можно было учиться семестр [Летопись русского Мюнхена..., 2022: 196]. Следовательно, за одну пачку американских сигарет, если ее удавалось достать, можно было выручить сумму для оплаты 5 месяцев учебы в Штутгартской гимназии.

Перед началом 1948 / 49 учебного года в гимназии наступило относительное спокойствие, о чем директор П. Н. Изюмов сообщал митрополиту Серафиму: «В настоящее время царит почти полное единомыслие и самая дружественная деловая атмосфера и между собой и с протопресвитером о. Василием как председателем педагогического совета и со мной как директором и с инспектором Ващенко»¹⁸.

¹⁸ Директор Штутгартской православной гимназии П. Н. Изюмов Высокопреосвященнейшему митрополиту Серафиму. 5 августа 1948 г. // Там же. Б/л.

Интриги поутихли, но финансовая ситуация оставалась сложной — как в гимназии, так и на Штутгартском приходе святителя Николая, развитие которых было взаимосвязанным. Настоятель прихода и председатель педсовета о. Василий Виноградов трудноразборчивым почерком писал доклад митрополиту:

«К великому прискорбию ни я, ни о. Павел Савицкий не имеем возможности прибыть на епархиальный съезд ввиду полной невозможности достать необходимую (40 марок) сумму на проезд. Лично у каждого из нас такой суммы, как 40 марок, со дня девальвации (речь идет о денежной реформе 1948 года в западных зонах оккупации Германии. — *А. К.*) еще ни разу не было на руках. Церковь же находится в таком критическом положении, что не в состоянии сейчас за последний месяц уплатить нам, священникам, свыше 30 марок. А у нас еще на руках гимназия... по гимназии мы перестраиваемся на более упрощенный, дешевый порядок»¹⁹.

В ноябре 1948 года обозначился новый конфликт, повлиявший на жизнь гимназии. Так, 5 ноября 1948 г. директор П. Н. Изюмов доложил митрополиту о конфликте с председателем педсовета, протопресвитером Василием: «Ввиду тяжелого положения, в котором находится Штутгартская православная гимназия, а также серьезных принципиальных разногласий, возникших за последнее время между о. Василием Виноградовым и мною, благодаря его постоянному вмешательству в мои административные функции, я вынужден покорнейше просить назначить мне срок для приезда в Мюнхен и личного доклада Вашему Высокопреосвященству о создавшемся положении, грозящем существованию в дальнейшем самой гимназии»²⁰. Митрополит Серафим написал на письме П. Н. Изюмова: «8.11.48. К делам. Ответ дан. М. С.».

Тем не менее, конфликт разрастался. 11 ноября директор обратился с новым докладом к митрополиту, в эти же дни родители

¹⁹ Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнейшему митрополиту Серафиму настоятеля Штутгартской церкви, протопресвитера Василия Виноградова доклад. 25.08.1948 // Там же. Б/л.

²⁰ Директор Штутгартской православной гимназии П. Н. Изюмов Высокопреосвященнейшему митрополиту Серафиму. 05.11.1948. Штутгарт. № 115 // Там же. Б/л.

учеников написали обращение правящему архиерею. Причиной обращения директора и родителей стали «Обязательные правила внутреннего распорядка гимназии»²¹, введенные председателем педсовета о. Василием Виноградовым. Некоторые нормы выглядели вполне разумными, поскольку были направлены на укрепление дисциплины учащихся. Например, учебный день первой смены начинался в 9 утра, а второй смены — в 14 часов, и ученики были обязаны прибыть в гимназию не позднее, чем за 10 минут до начала аудиторных занятий; на воскресную литургию — в 9.50, за 10 минут до начала, ко всенощной — в 17.50.

Перед началом занятий читались молитвы, их читал назначенный по алфавиту чтец, в случае отсутствия чтеца — староста класса. Это также было объяснимо, ведь такова была общая практика не только русских, но и немецких, английских, американских школ (гимназий). Молитвенное начало было тем более важным для русских православных учеников, оказавшихся в инославной среде.

Порядок молитв 1-й смены был таков.

Законоучитель: «Благословен Бог наш...»; учащиеся: «Аминь».

Чтец: «Святой Боже...»; «Слава, и ныне»; «Пресвятая Троице...»; «Господи, помилуй» трижды; «Слава, и ныне».

Все поют «Отче наш». Законоучитель: «Яко Твое есть...»

Чтец: Аминь; «К Тебе, Владыко Человеколюбче» (третья из утренних молитв св. Макария Великого); «Препоблагий Господи» (молитва перед учением).

Все поют: «Спаси, Господи, люди Твоя» (молитва за народ). Далее тропари: 1) «Правило веры» (святителю Николаю), поскольку гимназия при приходе святителя Николая; 2) «Иже добродетелей подвижник» (преп. Сергию Радонежскому), поскольку гимназия носит имя преподобного Сергия Радонежского.

Законоучитель: «Отпуст».

Порядок молитв во вторую смену тот же самый, но утренняя молитва «К Тебе, Владыко Человеколюбче» опускалась.

²¹ Протокол № 3 заседания Епископского совета Германской епархии от 24 ноября 1948 год (К сведению учащихся их родителей. Обязательные Правила внутреннего распорядка гимназии) // Там же. Оп. 3. Коробка 7. Д. 7/3. Л. 15—17.

Однако часть правил была воспринята родителями и директором как нецелесообразные. Среди правил, вызвавших протесты, укажем такие:

«Опоздавшие на проверку перед молитвой считаются опоздавшими на молитву. Опоздавшие на молитву 1-й смены оставляются после уроков до молитвы второй смены, только по окончании молитвы 2-й смены они могут идти домой. В промежутке между окончанием своих уроков и молитвой 2-й смены они выполняют работы по уборке помещений школы. Опоздавшие на молитву 2-й смены оставляются после уроков на полчаса и занимаются уборкой помещений школы.

Явившиеся в класс после начала 1-го урока считаются опоздавшими на целый урок и оставляются после уроков на 40 минут для выполнения письменной работы, даваемой преподавателем того урока».

«Учащиеся, допустившие “самовольные”, с точки зрения законоучителя, пропуски богослужения в два воскресных или праздничных дня подряд, в случае безуспешного обращения законоучителя к родителям лишаются права дальнейшего посещения уроков Закона Божьего и вместе с тем на какую-либо четвертную или годовую отметку: без отметок по этому предмету ни переводные, ни выпускные свидетельства не выдаются». И список правил можно продолжать.

В обращении родителей митрополиту Серафиму²² утверждалось, что гимназия в Штутгарте находится «в состоянии полного развала». Гимназия, когда-то насчитывавшая более 70 учащихся, закончившая последний учебный год с 40 учениками, теперь (в ноябре 1948 г.) не насчитывает и 20. В некоторых классах учится всего один человек. Объясняя причины кризиса, авторы обращения выдвинули серьезные обвинения:

«Родители продолжают забирать своих детей из гимназии. Сейчас гимназия держится тем, что на ее содержание дают американцы... Но, несомненно, когда они узнают, что число учащихся не достигает законной для функционирования гимназии цифры 25, гимназия будет закрыта. Между тем, несколько десятков

²² Протокол № 3 заседания Епископского совета Германской епархии от 24 ноября 1948 года // Там же. Л. 12, 12 об., 13.

детей в районе Штутгарта остаются вне школы, так как родители не желают их пускать в это заведение, где калечат их души». По утверждению авторов письма, председатель педсовета о. Василий Виноградов стал фактически «полным диктатором» гимназии. «Основным методом воспитания молодежи прот. Виноградов поставил...страх... Кондуит, тройка и четверка по поведению, исключение из гимназии — вот основные приемы воспитания, применявшиеся в гимназии». Тройки по поведению ставились главным образом тем детям, которые, проживая вдали от Штутгарта, были вынуждены уходить с уроков раньше, чтобы успеть на обратный поезд, иначе им пришлось бы ждать ночи, бродить по городу 2—3 часа по морозу и приезжать домой в первом часу ночи. А дома еще нужно учить уроки. Выше мы уже называли это тяжелое обстоятельство: Штутгарт не имел русского лагеря ДиПи, ученики жили в разных местах, в том числе далеко от города. Всё это осложняло организацию учебного процесса и внеучебной работы педагогов, а также регулярное посещение богослужений в штутгартском храме святителя Николая.

В тяжелом положении оказался выпускной класс. Из 8 человек 8-го выпускного класса ни один не был выпущен. «Даже дети директора Изюмова, обучавшиеся в этом классе, бросили гимназию». Приказание о. Василия, сообщали родители, «о принудительной явке на богослужения с тройками и четверками по поведению в качестве меры воздействия оттолкнуло целый ряд детей от церкви и создало в их душах благоприятное поле для семян атеизма и богохульства».

Столь же категоричным и обвинительным стало письмо директора П. Н. Изюмова на имя митрополита²³.

Обращая внимание на крайне тяжелое финансовое положение учебного заведения, возникшее в результате денежной реформы в западных зонах оккупации Германии («гимназия оказалась без всяких средств к существованию, имея при этом большую задолженность»), директор пожаловался и на решения о. Василия Виноградова. Для выхода из создавшегося положения

²³ Протокол № 3 заседания Епископского совета Германской епархии от 24 ноября 1948 года (директор гимназии П. Н. Изюмов Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнейшему митрополиту Серафиму. Штутгарт. 12.11.1948) // Там же. Л. 9, 10, 11.

директор предлагал принять меры к привлечению новых учеников, а также к удержанию прежних учеников, которые оставили гимназию; «необходимо индивидуально подойти к каждому ученику, помочь совместить его учебу и работу, если (особенно в выпускном классе) он работает на предприятии». Однако в этом как раз заключались разногласия между директором и протопресвитером. О. Василий считал, что лучше совсем закрыть гимназию, чем отступить от составленных им правил распорядка. Вмешательство в работу директора со стороны председателя педсовета, сообщал директор, «всё время продолжается и доходит даже до разных канцелярских мелочей. Благодаря его вспыльчивому и раздражительному характеру, у него уже было несколько столкновений как с учениками, так и с педагогами, и мне как директору приходится всё время играть роль буфера и успокаивать и тех и других». П. Н. Изюмов просил владыку Серафима избавить от вмешательства о. Василия в дела руководства гимназии, либо он готов принять свою отставку с должности директора.

Как показывают архивные документы, митрополит Серафим изучил «правила внутреннего распорядка» и отправил их на рассмотрение Епископского совета Германской епархии. Значительная часть текста Правил была кем-то (митрополитом или членами назначенной Епископским советом комиссии?) вычеркнута красным карандашом. Спешно были приняты и другие решения. Дела Штутгартской гимназии теперь обсуждались только Епископским советом Германской епархии РПЦ²⁴.

Епископский совет на заседании 24 ноября 1948 г. постановил создать комиссию для согласования положения о Штутгартской гимназии. Совет предписал о. Василию Виноградову «воздержаться от вмешательства в функции и распоряжения директора гимназии»²⁵. Определением митрополита Серафима законоучителем гимназии был назначен А. И. Фильшин, бывший

²⁴ Протокол № 3 заседания Епископского совета Германской епархии от 24 ноября 1948 года (Секретарь епархиального управления игумен Георгий Его Высокопреподобию, протопресвитеру о. В. Виноградову. 22.11.1948. № 8159) // Там же. Л. 7.

²⁵ Протокол № 3 заседания Епископского совета Германской епархии от 24 ноября 1948 года // Там же. Л. 1.

директор, работавший на тот момент помощником директора П. Н. Изюмова²⁶.

Законоучитель гимназии призван был играть очень важную роль и как преподаватель нравственной, воспитательной дисциплины, и как миссионер, как защитник православной идентичности в среде той разноликой детворы, какую представлял собой учащаяся молодежь периода ДиПи. Укажем, что в 1947 году Учебно-педагогический комитет Синода собрал на конференцию в Мюнхене законоучителей средних учебных заведений. И эта конференция приняла сугубо практические рекомендации, среди которых отметим следующую: «О необходимости духовного руководства законоучителя и возложения на него ответственности за религиозно-нравственное воспитание учащихся». Участник конференции протоиерей Василий Бошановский²⁷ в своем докладе подчеркнул, что на уроках Закона Божьего в русских школах необходимо воспитывать такие добродетели, как учтивость, вежливость и взаимное уважение, братское товарищество и христианскую взаимопомощь, любовь к Церкви Православной, память о Родине²⁸. Однако в документах гимназии мы видим, что установить такие добросердечные отношения между учащимися, родителями и законоучителем о. Василием Виноградовым, к сожалению, не удалось.

К 1949 году относится небольшое количество архивных документов о жизни Штутгартской гимназии. В марте 1949 г. директор гимназии П. Н. Изюмов отправил митрополиту письмо о финансовом положении учебного заведения²⁹.

²⁶ Г-ну Фильшину А. И. Копия: директору гимназии. Указ епархиального управления православной епархии в Германии. 17.11.1948 // Там же. Ф. 4. Д. Православные гимназии. Переписка. 1947—1950. Б/л.

²⁷ Протоиерей Василий Бошановский (1872—1961) служил законоучителем гимназии лагеря Шляйсгайм. В США был настоятелем храма св. Александра Невского в Лейквуде, штат Нью-Джерси. Автор ряда трудов по нравственному и пастырскому богословию [Корнилов, 2022: 33].

²⁸ Протокол заседаний конференции законоучителей при Синодальном Учебно-педагогическом комитете. 17 февраля 1947 г. Мюнхен // Православная Русь. 1947. № 5. С. 10—11.

²⁹ Директор гимназии П. Н. Изюмов Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнейшему митрополиту Серафиму. Штутгарт. 30 марта 1949 г. // АГЕ. Ф. 4. Д. Православные гимназии. Переписка. 1947—1950. Б/л.

Расходы на содержание гимназии продолжала возмещать представитель Толстовского фонда Татьяна Алексеевна Шауфус³⁰. Однако в феврале-марте такая помощь прекратилась из-за нехватки средств фонда. Другую часть расходов должны были возместить структуры IRO (International Refugees Organization; Международная организация по делам беженцев), однако такая помощь оказывалась лишь лагерям ДиПи, а в Штутгарте так и не был создан лагерь русских перемещенных лиц. П. Н. Изюмов просил митрополита Серафима как Почетного попечителя гимназии написать письмо Т. А. Шауфус, чтобы возобновить приток помощи.

Ответ из епархиального управления был неутешительный. «Епархиальное управление ставит Вас в известность, — читал П. Н. Изюмов ответ митрополита, — что ни на какую помощь гимназии и поддержку со стороны американских организаций рассчитывать не приходится, так как все гимназии и другие русские учебные заведения с денежного снабжения сняты, в том числе и Гимназия при “Доме Милосердного Самарянина”, который пользовался особым покровительством со стороны американских организаций. Посему до конца учебного года Вам предстоит пользоваться только местными возможностями для существования гимназии»³¹.

Термин «существование» был точным, гимназия находилась на грани закрытия, директор просил хотя бы о возможности

³⁰ «Шауфус (Шауффус) Татьяна Алексеевна (1891—1986). Родилась в Киеве, где окончила Институт благородных девиц. Во время 1-й мировой войны окончила курсы сестер милосердия в Петрограде. Духовная дочь св. прав. Алексея Мечева. Ближайшая помощница о. Павла Флоренского. Неоднократно арестовывалась (в 1919, 1928, 1929). С 1933 г. в эмиграции: в Чехословакии (до 1938 г.), а затем в США. Вместе с дочерью Л. Н. Толстого Александрой основала Толстовский фонд для помощи беженцам. После 2-й мировой войны основала старческие дома для беженцев в Зап. Европе и в Южной Америке. Скончалась в основномном ею доме Толстовского фонда для хронически больных в Вэллей Коттедж (шт. Нью-Йорк, США)» [Религиозные деятели Русского зарубежья. URL: https://zarubezhje.narod.ru/tya/Sh_119.htm (дата обращения: 25.06.2025)].

³¹ Митрополит Серафим директору Штутгартской гимназии Изюмову П. Н. 15.04.1949. № 333 // АГЕ. Ф. 4. Д. Православные гимназии. Переписка. 1947—1950. Б/л.

выпустить 8-й класс. Этот выпуск состоялся, хотя никакой помощи ни от каких организаций дирекция так и не получила. Мы предполагаем, что учителя гимназии работали бескорыстно, не получая всей суммы оклада преподавателя.

П. Н. Изюмов сообщил митрополиту об итогах 1948/49 учебного года³². Учебные занятия закончились в июле. Выпускные экзамены прошли с 26 июля по 15 августа, а переходные экзамены — с 20 июля по 5 августа. В конце августа состоялось заседание педагогического совета. Совет принял решение выдать аттестаты зрелости семи ученикам выпускного класса. Ученики выпускного класса успешно сдали экзамены по следующим предметам:

математика — письменный и устный;
физика — письменный и устный;
русская литература — письменный и устный;
немецкий язык — письменный и устный;
английский язык — письменный и устный;
история русская и всеобщая — устный;
география — устный экзамен.

Экзамены проводились в присутствии инспектора синодального Учебно-педагогического комитета. На экзамене по английскому языку присутствовал представитель школьного отдела американской военной администрации.

Перспективы развития гимназии оставались туманными. Директор сообщал, что новый учебный год планируется начать 1 октября 1949 года, однако состав учеников значительно сократился из-за массового отъезда родителей в США и Канаду, осталось всего 11 детей, и некоторые из них собирались эмигрировать из Германии. Объявление о новом наборе в гимназию привлекло всего несколько человек. Учитывая также чрезвычайно тяжелое финансовое положение, дирекция не планировала проводить регулярные занятия в здании гимназии на Олгаштрассе, дом 3. Предполагалось организовать две группы учеников; одна группа будет готовиться к сдаче экзаменов на получение аттестата зрелости, а другая группа — за 6 классов. Занятия с группами

³² Директор гимназии П. Н. Изюмов Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнейшему митрополиту Серафиму. Штутгарт. 19.10.1949 // АГЕ. Ф. 4. Д. Православные гимназии. Переписка. 1947—1950. Б/л.

будут продолжаться 2—3 месяца, «после чего, — уведомлял П. Н. Изюмов владыку Серафима, — гимназия, видимо, будет закрыта».

Педагогическая интеллигенция, несмотря на грядущее закрытие гимназии, как могла, боролась за выживание. Осенью 1949 г. преподаватели Штутгартской гимназии вели занятия с группой русских учеников, обучавшихся в немецких школах города и окрестностей. Занятия проводились по субботам при помощи церковно-приходского совета штутгартского храма св. Николая. Преподавались Закон Божий, русская история и русская литература.

Заключение

(Выводы о деятельности преподавателей Штутгартской гимназии)

Споры педагогической интеллигенции касались вопроса организации учебного процесса. Учителя обсуждали, каким образом в условиях тяжелой финансовой ситуации улучшить преподавание, при этом сталкивались амбиции, появлялась вредная делу гимназии «групповщина», рождались межличностные конфликты, которые приходилось разрешать с помощью высоких инстанций — епархиального архиерея митрополита Серафима и Учебно-педагогического комитета Синода РПЦЗ.

Судьбы руководителей гимназии сложились по-разному. Протоиерей Павел Савицкий продолжил служить в Германской епархии, в том числе настоятелем штутгартского прихода св. Николая. О. Павел в 1950-е годы окормлял на севере ФРГ десятки русских православных людей, оказавшихся без духовной опеки, занимался православной миссией среди немцев, желавших перейти в православие, и эта тема остается актуальной для церковных историков.

Протопресвитер Василий Виноградов, противоречивая фигура в истории Германской епархии РПЦЗ, запрещался в священнослужении, затем вновь возвращался в каноническое общение с Церковью. Так называемое «Дело о. Василия Виноградова» в епархиальном архиве насчитывает сотни страниц. В 1950-е годы по благословению епархиального архиерея он участвовал в конференциях с протестантами, выступал с богословскими докладами на немецком языке. Уже будучи слепым, читая Евангелие

и последование богослужения наизусть, о. Василий служил в церкви в Людвигсфельде вплоть до 1965 года.

Первый директор гимназии А. И. Фильшин после закрытия гимназии служил псаломщиком Св.-Николаевской церкви Штутгарта. Он читал лекции по русской литературе и истории Церкви в Штутгартской Высшей технической школе и Штутгартском университете. Публиковал статьи на религиозно-нравственные темы. Посещал Афон. Скончался в 1969 г. в Германии.

Директор гимназии в 1948—1949 гг. П. Н. Изюмов в 1950 г. переехал с семьей в Канаду. Работал обычным уборщиком, а затем специалистом в Департаменте дорог провинции Онтарио. В Департаменте П. Н. Изюмов вычислял объемы земли, которые надо было срезать или добавлять при постройке дорог. Он выработал формулы для вычисления и употреблял очень сложную машину для исчислений. Это была Шведская машина Frieden, которой, кроме него, никто не мог пользоваться. В церковной жизни продолжал участвовать, был членом церковно-приходского совета церкви во имя Спаса Нерукотворного в г. Лондон (провинция Онтарио, Канада), пел в церковном хоре³³.

Главное свое дело: сообщение знаний и воспитание в традиционных ценностях России — преподаватели Штутгартской гимназии совершили. Выпускники гимназии использовали полученные знания в странах эмиграции и сохранили тот образ мышления и жизни, что в зарубежье называется «русскостью», а современная этнология относит к идентичности. Навыки служения ближнему, взаимопомощь, упование не столько «на князи и на сыны человеческия», сколько на сопровождающий Промысел Божий — все эти и прочие элементы русскости учителя передавали в условиях постоянного стресса, нехватки самого элементарного материального благополучия, в условиях аскезы.

Не о такой ли аскезе размышляют ученые Ивановского государственного университета, когда пишут, что «в современном мире университетский профессор всё более и более оказывается в некоем лабиринте, который образуется неблагоприятными воздействиями на него с разных сторон — и от господствующей власти, и от разветвленных бизнес-структур, и от общественного мнения, и от масс обывателей. А в последние десятилетия — и от

³³ Письмо Н. П. Изюмова А. А. Корнилову. 04.07.2025 (Архив автора).

самих обучающихся, т. е. студентов, аспирантов, проходящих подготовку»? [Усманов, Буданова, Бабина, 2025: 43].

Парадоксальным образом интеллигенту может помочь аскеза, которая уберезет от конформизма, положения фасилитатора, ведущих к постепенному разрушению — сначала к разрушению квалификации, а затем и к уничтожению в себе человека, сотворенного «по образу и подобию». Русские преподаватели Штутгарта испытывали материальные лишения, но продолжали передавать знания и показывали, может быть, не всегда сознавая это, достойный пример ученикам прошлого века и пример аскезы для интеллигенции века нынешнего.

Список источников

- Аристова А.* Русские школы в послевоенной Германии. Санта-Роза, [Б. г.] Рукопись. Печать принтера.
- Аристова (Терских) А.* Что сохранила память: воспоминания о жизни в Германии 1945—1949 гг. / сост. Ю. Фокин. Сан-Франциско: [изд. авт.], 2004. 415 с.
- Базанов П. Н.* Вторая волна русской эмиграции и лагеря ДиПи // Нансеновские чтения 2009. СПб.: СПб. ин-т истории РАН, 2010. С. 467—476.
- Близнюк М. И.* «Войной навек проведена черта...»: Вторая мировая война и русские артисты: под оккупацией, в рейхе, в лагерях Ди-Пи. М.: Старая Басманная, 2017. 1119 с.
- Болдырев К. В.* Менхегоф — лагерь перемещенных лиц (Западная Германия) // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 110—141.
- Гимназия им. М. В. Ломоносова (при лагере Менхегоф) 1945—1947 гг. / сост. В. И. Быкадоров. Санта-Роза: Азов, 2000. 20 с.
- Гуревич А. Л.* Культурно-религиозная деятельность русской эмиграции (По материалам истории Русского студенческого христианского движения): дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 265 с.
- Жердев В. В.* Золотой век православного храмоздания в Германии (1806—1913): история и синтез искусств / под ред. прот. Н. Артемов, Мюнхен: Монастырь преп. Иова Почаевского, 2020. 360 с.
- Кострюков А. А.* Русская Зарубежная Церковь в 1939—1964 гг.: Административное устройство и отношения с Церковью в Отечестве. М.: Правосл. Свято-Тихоновский гуманитар. ун-т, 2015. 487 с.
- Корнилов А. А.* Духовенство перемещенных лиц: Биограф. словарь / общ. ред. О. А. Колобова. Н. Новгород: Ф-т междунар. отношений, науч.-исслед. лаб. «Русское Зарубежье» Нижегород. гос. ун-та, 2002. 119 с.

- Корнилов А. А.* «Переправимся на ту сторону...»: Деятельность православного духовенства в лагере перемещенных лиц Шляйсгайм (1945—1951 гг.). Н. Новгород: Ф-т междунар. отношений Нижегород. гос. ун-та имени Н. И. Лобачевского; Мюнхен: Обитель преп. Иова Почаевского, 2011. 139 с.
- Корнилов А. А.* Деятельность полковника Б. Н. Сергеевского по организации Русской гимназии в лагере перемещенных лиц Мюнхен-Фрайманн (1945—1947 гг.) // Интеллигенция и мир. 2023. № 4. С. 90—115. DOI: 10.46725/IW.2023.4.4.
- Корнилов А. А., Кинстлер А. В.* Педагогическая интеллигенция и духовенство лагеря перемещенных лиц Менхегоф // Интеллигенция и мир. 2016. № 2. С. 40—54.
- Котова Т. А.* Повседневная жизнь в европейских лагерях для перемещенных лиц в 1945—1952 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. 183 с.
- Летопись русского Мюнхена. 1785—1995. Люди. Факты. Цитаты / автор-сост. В. Ф. Шубин. Мюнхен: Imwerden, 2022. 362 с.
- Медведева Т. А., Бушуева С. В.* Российское зарубежье XX века: особенности формирования, адаптации и сохранения национальной идентичности российской эмиграции // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 2. С. 32—41.
- Незабытые могилы: российское зарубежье: некрологи 1917—1999: в 6 т. / сост. В. Н. Чумаков. М.: Пашков дом, 1999—2007. Т. 3: И—К, 2001. 675 с.
- Нивьер А.* Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920—1995: биограф. справочник. М.: Рус. путь; Париж: YMCA-Press, 2007. 573 с.
- Попов А. В.* Культурные и научные центры второй русской политической эмиграции // Образование и педагогическая мысль российского зарубежья: тез. докл. Всерос. науч. конф., Саранск, 1—2 ноября 1994 г. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т имени М. Е. Евсевьева, 1994. С. 24—25.
- Родионова Н. А.* Жизнь лагеря для перемещенных лиц Менхегоф и судьба его обитателей (на основе воспоминаний В. К. Болдырева, И. В. Халафовой, А. И. Жедилягиной) // Нансеновские чтения 2009. СПб.: РОО ИКЦ «Русская эмиграция», 2010. С. 454—466.
- Русские в Северной Америке: Биограф. словарь / под ред. К. М. Александрова, А. В. Терещука. Хэмден; Сан-Франциско; С.-Петербург: Конгресс русских американцев, 2005. 599 с.
- Удалова Ю. И.* Церковная жизнь в лагерях DP (перемещенных лиц) на территории Западной Европы в период с 1945 по 1952 год // Вестник Свято-Филаретовского института. 2017. Вып. 22. С. 18—39.

Усманов С. М., Буданова И. А., Бабина А. А. Университетский профессор в лабиринтах и тупиках современного мира // Интеллигенция и мир. 2025. № 1. С. 33—57.

References

- Aleksandrov, K. M. and Tereshchuk A. V. (eds) (2005), *Russkie v Severnoi Amerike: Biograficheskii slovar'* [Russians in North America: A Biographical Dictionary], Kongress russkikh amerikantsev, Khemden, San-Francisco, St-Petersburg, C T, C A, Russia.
- Aristova A. (No year), *Russkie shkoli v poslevoennoi Germanii* [Russian schools in post-war Germany], Manuscript, Printer's print, Santa Rosa, C A.
- Aristova (Terskikh), A. (2004), *Chto sokhranila pamiat': vospominaniia o zhizni v Germanii 1945—1949 gg.* [What Memory Preserved: Memories of Life in Germany 1945—1949], in Fokin, Yu. (comp.), [Izdano avtotorom], San Francisco, C A.
- Bazanov, P. N. (2010), 'The second wave of Russian emigration and the DP camps', *terburgskii institut istorii RAN*, Saint-Petersburg, Russia: 467—476. in *Nansenovskie chteniia 2009* [The Nansen Readings 2009], Sankt-Pe.
- Bliznyuk, M. I. (2017), *Voinoi. na vek provedena cherta: Vtoraia mirovaia voina i russkie artisty: pod okkupatsiei, v reikhe, v lageriakh Di-Pi* ["War drew a line forever...": World War II and Russian artists: under occupation, in the Reich, in the DP camps], *Staraiia Basmannaia*, Moscow, Russia.
- Boldyrev, K. V. (1998), 'Menchegof — a displaced persons camp (West Germany)', *Voprosy istorii* [Questions of History], no. 7: 110—141.
- Bykadorov, V. I. (comp.) (2000), *Gimnaziia imeni M. V. Lomonosova (prilagere Menkhegov) 1945—1947 gg.* [Gymnasium named after M. V. Lomonosov (at the Menchegof camp) 1945—1947], Azov, Santa Rosa, C A.
- Chumakov, V.N. (comp.) (2001), *Nezabytye mogily: rossiiskoe zarubezh'e: nekrologi 1917—1999: v 6 tomakh* [Unforgotten graves: Russian Diaspora: obituaries 1917—1999: in 6 vol.], vol. 3: I—K, Pashkovdom, Moscow, Russia.
- Gurevich, A. L. (2005), *Kul'turno-religioznaia deiatel'nost' russkoi emigratsii (Po materialam istorii Russkogo studencheskogo khristianskogo dvizhe-niia)* [Cultural and religious activities of the Russian emigration (Based on the history of the Russian student Christian movement)], Ph. D. (History) Thesis, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, Moscow, Russia.
- Kornilov, A. A. (2002), *Dukhovenstvo peremeshchennykh lits: Biograficheskii slovar'* [Clergy of Displaced Persons. Biographical Dictionary], in Kolobov, O. A. (general ed.), *Fakul'tet mezhdunarodnykh otnoshenii, nauchno-issledovatel'skaia laboratoriiia "Russkoe*

- Zarubezh'e” Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo, Nizhny Novgorod, Russia.
- Kornilov, A. A. (2011), “*Perepravimsia na tu storonu...*”: *Deiatel'nost' pravoslavnogo dukhovenstva v lagere peremeshchennykh lits Shliaisgaim (1945—1951 gg.)* [“Let's crossover...”: The activities of the Orthodox clergy in the Schleisheim displaced persons camp (1945—1951)], *Fakul'tet mezhdunarodnykh otnoshenii Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo, Obitel' prepodobnogo Iova Pochaevskogo, Nizhny Novgorod, Munich, Russia, Germany.*
- Kornilov, A. A. (2023), ‘Colonel B. N. Sergeevsky’s activity on the organization of the Russian gymnasium in the Munich-Freimann camp of Displaced Persons (1945—1947)’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 90—115, doi: 10.46725/IW.2023.4.4.
- Kornilov, A. A. and Kinstler, A. V. (2016), ‘Pedagogical intelligentsia and clergy of the Menchegof displaced persons camp’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 40—54.
- Kostruykov, A. A. (2015), *Russkaia Zarubezhnaia Tserkov' v 1939—1964 gg.: Administrativnoe ustroistvo i otnosheniia s Tserkov'iu v Otechestve* [The Russian Church Abroad in 1939—1964: Administrative Structure and Relations with the Church in the Fatherland], Pravoslavonii Svyato-Tihonovskii gumanitarnii universitet, Moscow, Russia.
- Kotova, T. A. (2018), *Povsednevnaia zhizn' v evropeiskikh lageriakh dlia peremeshchennykh lits v 1945—1952 gg.* [Daily life in European displaced persons camps 1945—1952], Ph. D (History) Thesis, Rossiiskii universitet druzhby narodov, Moscow, Russia.
- Medvedeva, T. A. and Bushueva, S. V. (2016), ‘The Russian Diaspora of the twentieth century: features of formation, adaptation and preservation of the national identity of Russian emigration’, *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], no. 2: 32—41.
- Nivier, A. (2007), *Pravoslavnye sviashchennosluzhiteli, bogoslovy i tserkovnye deiateli russkoi emigratsii v Zapadnoi i Tsentral'noi Evrope, 1920—1995: biograficheskii spravochnik* [Orthodox clergy, theologians, and church leaders of the Russian emigration in Western and Central Europe, 1920—1995: a biographical handbook], Russkii put', YMCA-Press, Moscow, Paris, Russia, France.
- Popov, A. V. (1994), ‘Cultural and scientific centers of the second Russian political emigration’, *Obrazovanie i pedagogicheskaja mysl' rossiiskogo zarubezh'ia: tezisy dokladov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Education and pedagogical thought of the Russian diaspora: abstracts of reports of the All-Russian scientific conference], Saransk, Russia,

- 1—2 November 1994, Mordovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut imeni M. E. Evsev'eva, Saransk: 24—25.
- Rodionova, N. A. (2010), 'Life in the Menhegof Displaced Persons Camp and the Fate of Its Inhabitants (based on the memoirs of V. K. Boldyrev, I. V. Khalafova, A. I. Zhedilyagina)', *Nansenovskie chteniia 2009* [Nansen Readings 2009], Regional'naia obshchestvennaia organizatsiia Informatsionno-Kul'turnyi Tsentr "Russkaia Émigratsiia", St. Petersburg, Russia: 454—466.
- Shubin, V. F. (comp.) (2022), *Letopis' russkogo Miunkhena, 1785—1995, Liudi, Fakty, Tsitaty* [Chronicle of Russian Munich. 1785—1995, People, Facts, Quotes], Im werden, Munich, Germany.
- Udalova, Yu. I. (2017), 'Church life in DP (displaced persons) camps in Western Europe from 1945 to 1952', *Vestnik Sviato-Filaretovskogo instituta* [Bulletin of the St. FilaretInstitute], iss. 22: 18—39.
- Usmanov, S. M., Budanova, I. A. and Babina, A. A. (2025), 'A university professor in the labyrinths and the dead ends of the modern world', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 33—57.
- Zherdev, V. V. (2020), *Zoloto i vek pravoslavnogo khramozdaniia v Germanii (1806—1913): istoriia i sintez iskusstv* [The Golden age of the orthodox ecclesiastical architecture in Germany (1806—1913): History and synthesis of the arts], in Archpriest Artemov, N. (ed.), *Monastyr' prepodobnogo Iova Pochaevskogo*, Munich, Germany.

Статья поступила в редакцию 25.07.2025; одобрена после рецензирования 22.08.2025; принята к публикации 27.08.2025.

The article was submitted 25.07.2025; approved after reviewing 22.08.2025; accepted for publication 27.08.2025.

Информация об авторе / Information about the author

А. А. Корнилов — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории, Институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

A. A. Kornilov — D. Sc. (History), Professor, Professor of the Department of Foreign Regional Studies and Local History, Institute of International relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

ДЕБЮТ

DEBUT

Интеллигенция и мир. 2026. № 2. С. 138—161.

Intelligentsia and the World. 2026. No. 2. P. 138—161.

Научная статья

УДК 94(470.25)"196/197"-058.237

EDN <https://elibrary.ru/sactni>

DOI: 10.46725/IW.2026.2.7

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1960—1970-Е ГГ.:
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ
В ЖИЗНИ РЕГИОНА**

Тимофей Викторович Власов

Псковский государственный университет, Псков, Россия,

timafey13@gmail.com, SPIN-код: 1088-5877,

<https://orcid.org/0009-0002-8754-7828>

Аннотация. В статье рассматривается роль учителей Псковской области как важнейшей части региональной интеллигенции в условиях социально-культурной трансформации советского общества 1960—1970-х годов. На основе материалов периодической печати, статистических данных, партийных документов, фонда Псковского отделения Всесоюзного общества «Знание» и личных фондов исследуется не только профессиональная деятельность педагогов, но и их активное участие в идеологической и просветительской работе. Отдельно уделяется внимание встроенности общественно-политической деятельности учителей в систему партийной агитации и пропаганды. Педагогический корпус выступал исполнителем партийных установок, мобилиующим звеном идеологической работы на местном уровне. Делается вывод о важной роли учительского корпуса в обеспечении социокультурной стабильности и идеологической мобилизации региона.

© Власов Т. В., 2026

Ключевые слова: интеллигенция, Псковская область, учителя, идеология, агитационно-пропагандистская работа, общественная деятельность, общество «Знание», микроистория, региональная история

Для цитирования: Власов Т. В. Педагогическая интеллигенция Псковской области в 1960—1970-е гг.: общественно-политическое участие в жизни региона // Интеллигенция и мир. 2026. № 2. С. 138—161.

Original article

PEDAGOGICAL INTELLIGENCE OF PSKOV REGION IN THE 1960—1970S: SOCIAL AND POLITICAL PARTICIPATION IN THE LIFE OF THE REGION

Timofey V. Vlasov

Pskov State University, Pskov, Russia, timafey13@gmail.com,
SPIN-код: 1088-5877, <https://orcid.org/0009-0002-8754-7828>

Abstract. The article examines the role of teachers of the Pskov region as an important part of the regional intelligentsia in the context of the socio-cultural transformation of Soviet society in the 1960s and 1970s. Based on materials from the periodical press, statistical data, party documents, the fund of the Pskov branch of the All-Union Znanie Society and personal funds, not only the professional activities of teachers, but also their active participation in ideological and educational work are being investigated. Special attention is paid to the integration of socio-political activities of teachers into the system of party agitation and propaganda. The pedagogical corps acted as the executor of party guidelines, the mobilizing link of ideological work at the local level. The conclusion is made about the important role of the teaching staff in ensuring socio-cultural stability and ideological mobilization of the region.

Keywords: intelligentsia, Pskov region, teachers, ideology, agitation and propaganda work, public activities, Znanie society, microhistory, regional history

For citation: Vlasov, T. V. (2026), ‘Pedagogical intelligence of Pskov region in the 1960—1970s: social and political participation in the life of the region’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the world], no. 2: 138—161 (in Russ.).

Введение

Актуальность. В 1960—1970-е годы Псковская область являлась преимущественно аграрно-промышленным регионом, в котором уже наблюдались ярко выраженные урбанизационные процессы, однако сохранялись элементы дореволюционной культурной памяти и активное взаимодействие с прибалтийским регионом. Эти условия предопределили своеобразие процесса формирования и деятельности местной интеллигенции, в частности педагогической. Внимание к данному региону особенно важно в контексте современных исторических и социологических исследований, стремящихся уйти от обобщающих характеристик и обратиться к повседневной практике, локальной специфике и внутреннему многообразию советской реальности.

В рассматриваемый период Псковская область испытывала значительные социально-культурные трансформации. В этом процессе заметную роль играла интеллигенция, которая способствовала формированию и развитию новых культурных и социально-экономических инициатив. Интеллигенция представляет собой социальный слой, основной функцией которого является выполнение умственной и общественной работы, направленной на развитие культуры, науки, образования и просвещения в обществе. В этом контексте учителя занимают особое место, поскольку их деятельность напрямую связана с формированием системы знаний, ценностей и мировоззрения подрастающего поколения. Благодаря своей профессиональной роли и ответственности они выполняют функции, характерные для интеллигенции, способствуя не только образовательному развитию учащихся, но и социальному прогрессу в целом. Несмотря на значимость этой группы, ее вклад в процессы трансформации общества остается недостаточно изученным.

Педагогическая интеллигенция, являясь важной составной частью советского общества, играла ключевую роль в трансляции официальных идеологических установок, формировании гражданской идентичности, воспитании и социализации молодежи. Особую значимость данная группа приобрела в условиях хрущёвско-брежневской эпохи, когда советская школа была не только институтом просвещения, но и одним из важнейших каналов политического влияния на население. Подчеркнем и рост

исследовательского интереса к региональным аспектам формирования и развития педагогической интеллигенции.

Постановка вопроса. Цель настоящей статьи — проанализировать общественно-политическую деятельность педагогической интеллигенции Псковской области в 1960—1970-е годы. Задачи исследования заключаются в выявлении общественных форм активности учителей, анализе их участия в идеологической и культурной работе, а также оценке их статуса в региональной социальной структуре. Следует особо отметить, что объектом нашего анализа выступает не вся педагогическая интеллигенция, а именно учителя общеобразовательных школ как центральное звено системы народного образования, имеющее наибольший численный состав в области. Профессиональная деятельность учителей непосредственно влияет на формирование мировоззренческих установок подрастающего поколения.

Новизна исследования заключается в том, что, в отличие от существующих работ, посвященных преимущественно обобщенным оценкам роли педагогов в советской системе образования, настоящая статья сосредоточена на локальных особенностях функционирования педагогической интеллигенции в Псковской области и ее включенности в региональные процессы. В отличие от традиционного внимания к оппозиционно настроенной интеллигенции, акцент в работе сделан на рядовых учителях как проводниках официальной образовательной политики, что дает возможность пересмотреть их роль не только как исполнителей «предписанных норм», но и как активных участников трансформации местных сообществ.

Отдельно отметим, что схожей тематикой занимался профессор Псковского государственного университета А. В. Филимонов, чьи научные интересы охватывали культурную жизнь Псковщины в 1920—1940-е годы, роль представителей интеллигенции в регионе и деятельность высших учебных заведений [Всё начиналось с газеты..., 2021]. В аналогичной области исследований также работала М. Т. Маркова, чьи публикации включают статью «Материальное положение школ в Псковской губернии в 1917—1927 гг.», а также ряд других работ, посвященных культурной жизни Псковской области в начале XX века [Маргарита Тимофеевна Маркова..., 2015: 253—259]. Однако хронологический

период 1960—1970-х годов остается недостаточно изученным в контексте региональной истории, как и тема педагогической интеллигенции Псковской области. В работе осуществлена попытка восполнить этот пробел; анализ проводится на основе региональных источников.

Историографический обзор. Следует подчеркнуть, что в историографии проблема учительства как части педагогической интеллигенции и интеллигенции в целом наиболее активно рассматривалась применительно к переломным этапам отечественной истории — 1920—1930-м годам, периоду Великой Отечественной войны и эпохе распада СССР. В то же время 1960—1970-е годы, характеризующиеся относительной социально-политической стабильностью и институциональным укреплением советской школы, остаются недостаточно исследованными, что обуславливает необходимость их специального изучения в контексте трансформации интеллигентской среды и общественно-политической роли педагогов, в том числе с учетом региональной специфики.

Анализ отечественных историографических исследований роли учителей в рассматриваемый период выявляет значительную тематическую дифференциацию, охватывающую широкий спектр вопросов и проблем. Во-первых, можно выделить работы, посвященные профессиональному значению и роли педагога в обществе. В частности, в кандидатской диссертации И. Г. Ноговицыной «Отношение к учительству в российском обществе с конца XIX до 80-х годов XX века» анализируется эволюция восприятия профессии учителя в российском обществе [Ноговицына, 2006]. Автор подчеркивает: в 1960—1970-е годы учительство стало объектом общественного внимания, что способствовало формированию более высоких ожиданий от педагогов. Это создало предпосылки для активизации профессиональной деятельности педагогической интеллигенции. В схожей тематической направленности пишет Т. Ю. Климова в работе «Образ неформального учителя в литературе 1960—1990-х гг.» [Климова, 2015: 212—219]. Автор исследует, как литература того времени формировала образ учителя — активного участника общественной жизни. «Неформальные» учителя, представленные в литературе, часто выступали как носители новых идей и социальных изменений. Также

отметим, что Е. В. Протасова в статье «Педагогический опыт уральских учителей в документальных источниках личных фондов: краеведческая деятельность в 1960—1980-х годах» акцентирует внимание на значении архивных материалов для изучения профессиональной деятельности учителей и их профессионального потенциала и социальной необходимости [Протасова, 2018: 6—11]. Работа С. П. Морозовой «Творческий потенциал учителей Карелии второй половины 1950-х — начала 1960-х гг.» в большей степени акцентирует внимание на значении творческого подхода в педагогической деятельности [Морозова, 2013: 86—92]. Автор отмечает, что учителя, обладая высоким уровнем профессиональной подготовки, активно внедряли новые методы и формы обучения. Наконец, статья С. И. Дорошенко «Исследовательская деятельность отечественных музыкантов-педагогов с середины XX века до начала 1980-х годов» может быть полезна для анализа специфических направлений педагогической деятельности, включая музыкальное образование [Дорошенко, 2024: 137—149].

Во-вторых, ряд работ посвящены изучению повседневности и быта советского учителя. В работе Д. З. Шамсутдинова «Повседневная жизнь советского учителя в 1960—1970-е гг. по материалам ТАССР» рассматриваются аспекты повседневной жизни учителей, включая их профессиональные и личные вызовы [Шамсутдинов, 2013: 110—113]. Статья В. А. Зверева «Не труд, а отречение: педагогический быт 1960—1970-х годов в мемуарах сибирских учителей» представляет личные воспоминания, которые подчеркивают эмоциональные и психологические аспекты работы учителей [Зверев, 2013: 37—43]. Этот материал может служить важным источником для анализа внутреннего мира педагогов, их мотивации и стремлений, что, в свою очередь, отражает их активное участие в общественной жизни.

В-третьих, отметим, что часть исследователей освещают различные аспекты профессионального роста и развития, а также общественной роли учителей. В данном случае в работе А. С. Обухова, П. Е. Поповой, С. А. Филимоновой «Самодельные книги-хрестоматии учителя школы села Калинино Забайкалья как пример инициативной формы самообразования в 1960—1970» подчеркивается важность самообразования и инициативы учителей

в их профессиональной деятельности, что служит важным фактором для учитывания специфики работы педагога [Обухов, Попова, Филимонова, 2023: 365—373]. Авторы подчеркивают, что педагогическая интеллигенция также искала новые формы профессионального развития и самообразования, что способствовало ее активному участию в образовательных процессах. В исследовании Н. А. Беловой «Повседневная жизнь учителей» анализируются вопросы, связанные с общественной работой педагогических кадров и их ролью в агитационно-пропагандистской деятельности, а также механизмы идеологического воздействия на них [Белова, 2015]. К схожей проблематике обращается Л. А. Зорькина в публикации «Повышение квалификации учителей перед реформой школьного образования 1984 года: опыт Калининградской области» [Зорькина, 2015: 73—80]. Автор рассматривает вопросы повышения квалификации, что имеет важное значение для понимания профессиональной подготовки педагогов. В статье исследуется значимость непрерывного профессионального развития и адаптации педагогических работников к изменениям в системе образования. Созвучную тему затрагивает Н. Ю. Дворниченко в работе «Разработка проблемы становления социальной активности личности будущего учителя в советской педагогике 60—80-е гг. XX века» [Дворниченко, 2011: 40—44]. Исследователь акцентирует внимание на формировании социальной активности, что является важным аспектом общественно-политического облика педагогической интеллигенции.

Особое внимание следует уделить ряду публикаций в специализированном журнале «Интеллигенция и мир», в котором в последнее время были опубликованы работы, посвященные педагогической интеллигенции. Можно назвать следующие статьи: Е. В. Мироновой — «Становление земской учительской интеллигенции в Лаишевском уезде Казанской губернии» [Миронова, 2020: 7—20]; О. В. Капустиной — «К вопросу о пенсионном обеспечении советских педагогов в 1920-х гг.: (пенсии за выслугу лет и персональные)» [Капустина, 2020: 9—24]; Ю. А. Ильина — «Проблемы становления системы народного образования Иваново-Вознесенской губернии в конце Гражданской войны и на начальном этапе НЭПа (по материалам газеты «Рабочий край» 1921—1922 гг.)» [Ильин, 2021: 9—27].

Однако следует отметить, что представленные выше направления не исчерпывают всего многообразия историографических исследований данной проблематики.

Краткий источниковедческий обзор. Представленное исследование базируется на широком круге источников, обеспечивающих комплексный анализ рассматриваемого периода. В первую очередь, использованы архивные материалы Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), включающие фонды, релевантные тематике исследования, и Государственного архива Псковской области (ГАПО), содержащие региональную специфику. Значительный вклад вносят материалы личных фондов, позволяющие реконструировать индивидуальный опыт и восприятие исследуемых процессов. Для более полного представления о повседневной жизни и реализации нормативных актов привлечены данные региональной периодической печати, отражающей актуальные события. Статистические материалы служат основой для количественного анализа и выявления определенных тенденций. На наш взгляд, подобный подход обеспечивает более целостное понимание проблемы и позволяет шире раскрыть изучаемые вопросы.

Методология и методы исследования

В исследовании применяется комплексная методология, включающая в себя анализ исторических источников. В частности, контент-анализ региональной прессы и документов архивов ГА РФ и ГАПО. Данный метод позволяет выявить официальную позицию партийных структур в отношении педагогов, их участия в идеологической и воспитательной деятельности, а также в культурных и общественных инициативах.

В работе использован микроисторический подход, ориентированный на работу с документами личных фондов, что позволяет представить отношение учителей к общественно-политическим практикам в период 1960—1979-х гг. Данный метод позволяет индивидуализировать сведения о профессиональной и индивидуальной биографии конкретных представителей педагогической интеллигенции.

Кроме того, в работе применяется антропологический метод, который позволяет глубже понять социальные и культурные

контексты, в которых функционировала педагогическая интеллигенция, дает возможность выявить индивидуальные мотивации, переживания и социальные взаимодействия, формировавшие подход учителей к образованию и воспитанию. Этот метод позволяет рассмотреть учителей не только как исполнителей образовательной политики, но и как активных участников культурных и социальных процессов на территории Псковской области в 1960—1970-е гг.

Таким образом, использование комплексной методологии дает возможность проследить, каким образом происходила общественная самореализация педагогов в условиях позднесоветского общества.

Основная часть

Анализ социально-исторической роли педагогической интеллигенции в региональной системе образования невозможен без обращения к нормативно-правовой базе и государственной политике в сфере народного просвещения. Законодательное оформление изменений в образовательной системе было осуществлено посредством принятия в 1958 году Закона СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР»¹, получившего в историографии наименование «Школьная реформа».

Данный законодательный документ заложил основу для последующих трансформаций в системе отечественного образования и определил вектор развития педагогической мысли на последующие десятилетия. Реформа, предпринятая с целью повышения качества подготовки специалистов и престижа профессии учителя, имела неоднозначный характер. Но нам важно указать, что в ней провозглашалось стремление к практической направленности обучения, особенно заметное во введении политехнического образования и усилении связи школы с жизнью. Акцент на практических навыках и профессиональной ориентации учащихся

¹ Закон СССР от 24 декабря 1958 года «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1958. № 26.

способствовал развитию практик и внедрению новых методик, приближающих обучение к реальным производственным процессам.

Систематическое внедрение принципов практико-ориентированного обучения в 1960—1970-е годы, выражавшееся в усилении профессиональной направленности школьного образования и развитии политехнических методик, формировало новую образовательную среду. Как свидетельствуют источники личного происхождения, это не только трансформировало организационные основы учебного процесса, но и существенно повлияло на профессиональное самосознание педагогических кадров, что нашло отражение в их дневниковых записях, переписке и воспоминаниях².

В нашем случае, особую ценность в этом контексте представляют личные фонды представителей педагогической интеллигенции Псковской области, отражающие в разной степени их реакцию на изменения, связанные с политехнизацией обучения и усилением связи школы с производством. Анализ этих материалов позволяет выйти за рамки официальной риторики и понять, как на местном уровне происходило внедрение новых образовательных моделей.

Анализ личных записок и дневниковых записей заслуженного учителя школы РСФСР Саркиса Оганесовича Давтяна демонстрирует характерное для советской педагогической интеллигенции понимание профессиональной роли, выходящей за рамки сугубо преподавательской деятельности. Как следует из этих источников, учитель рассматривался не только как транслятор знаний, но и как активный участник общественной жизни, обязанный оперативно реагировать на трансформации образовательной системы³.

Подобная тенденция отразилась в ряде мероприятий, отраженных на страницах периодической печати. Так, в «Псковской правде»⁴ сообщалось о городском слёте учителей, где основной

² Государственный архив Псковской области. Ф. Р-269. Оп. 1. Д. 34. Л. 19—20 (далее: ГАПО).

³ Там же. Л. 12—16.

⁴ *Тиханов А.* Городской слет учителей // Псковская правда. 1978. 21 марта. С. 3.

акцент был сделан на шефстве промышленных предприятий над школами и необходимости более активного приобщения школьников к рабочим профессиям. В статье указывается, что выявленная тенденция привела к обеспокоенности, обусловленной увеличением нагрузки на педагогов в процессе реализации новых программ и методик, что подчеркивает значительное воздействие реформы на профессиональную деятельность учителей. При анализе личных фондов С. О. Давтяна, учителя и писателя Александра Александровича Бологова можно увидеть схожую траекторию. Многочисленные почетные грамоты⁵ за участие в общественной работе⁶, научно-практических конференциях⁷ и просветительских мероприятиях⁸ демонстрируют, что формальные установки образовательной политики преломлялись в повседневной педагогической практике.

Следует обратиться к статистическим данным, что позволит оценить масштабы и динамику педагогической интеллигенции в образовании. На начальном этапе исследуемого периода, в 1958 году, в системе образования области трудилось 8695 педагогических работников. Примечательно, что более 40 % от общего числа педагогов составляли учителя начальных классов, что отражало специфику школьной сети региона с преобладанием традиционных малокомплектных сельских школ⁹.

К середине 1960-х годов наблюдается положительная динамика в развитии учительского корпуса — численность педагогических работников возросла до 9000 человек, что говорило о планомерном решении кадровой проблемы в системе образования. При этом важно отметить, что рост численности педагогических кадров происходил на фоне существенных структурных изменений в системе образования, связанных с реализацией школьной реформы 1958 года.

⁵ ГАПО. Ф. Р-269. Оп. 1. Д. 45. Л. 2—15.

⁶ Там же. Д. 56. Л. 1—9.

⁷ Там же. Ф. Р-291. Оп. 1. Д. 27. Л. 1—22.

⁸ Там же. Д. 23. Л. 1.

⁹ Народное хозяйство Псковской области: стат. сб. / ЦСУ СССР. Стат. упр. Псковской обл. Ленинград: Госстатиздат, 1960. С. 148.

Качественный состав учительского корпуса характеризовался следующими особенностями: значительная часть педагогов имела длительный стаж работы, средний возраст составлял 44 года, что говорит о достаточной профессиональной зрелости педагогического корпуса. При этом система подготовки педагогических кадров обеспечивала регулярное пополнение учительского состава молодыми специалистами за счет работы двух профильных вузов: Псковского Государственного педагогического института имени С. М. Кирова (г. Псков) и Великолукского государственного педагогического института (г. Великие Луки), который был ликвидирован в 1970 году, после чего на его базе была создана Великолукская государственная академия физической культуры. В указанный период статистические данные о системе высшего педагогического образования оставались неизменными¹⁰. Ректор ПГПУ им. С. М. Кирова Петр Архипович Николаев в своей речи в честь 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции прямо заявляет, что учителя — это основа советской интеллигенции, которая двигает культурный прогресс¹¹. Он подчеркивает, что в регионе уже имеется множество самодостаточных профессионалов, которые успешно сочетают свою профессиональную деятельность с общественно активной позицией¹².

Если обратиться к статистическим данным по школам Псковской области, то отметим, что на начало периода область располагала 1905 школами (общеобразовательными школами всех видов)¹³ [Народное хозяйство..., 1972: 229], причем 95,4 % из них находились в сельской местности (в городах / поселках городского типа — 81 школа, в селах — порядка 1675 школ). Реализация школьной реформы 1958 года привела к увеличению сети городских школ до 100 учреждений к 1968 / 69 учебному

¹⁰ Народное хозяйство Пскова и Псковской области в девятой пятилетке: стат. сб. / ЦСУ РСФСР. Стат. упр. Псков. обл. Л.: Лениздат, 1976. С. 114.

¹¹ ГАПО. Ф. 9837. Оп. 1. Д. 78. Л. 1—2.

¹² Там же. Л. 5.

¹³ Народное хозяйство Псковской области: стат. сб. / ЦСУ РСФСР. Стат. упр. Псков. обл. Великие Луки // Псковская правда: [б. и.], 1972. С. 229.

году — рост на 23,5 %¹⁴. Система среднего специального образования демонстрировала устойчивую положительную динамику. Если в 1958 году в регионе функционировало 12 средних специальных учебных заведений, то к 1967 году их количество увеличилось до 16¹⁵ и сохранялось на этом уровне до середины 1980-х годов. Следует отметить, что в сфере среднего профессионального образования функционировало Опочечкое педагогическое училище, которое осуществляло подготовку учителей начальных классов.

Анализ количественных показателей развития учительского корпуса позволяет сделать вывод о формировании в Псковской области профессионального сообщества педагогов, способного эффективно решать задачи образовательного и воспитательного характера в условиях реализации масштабных государственных преобразований в сфере образования.

Но, как известно, подобные изменения и реформы всегда порождали и потенциально качественные изменения в методике преподавания и содержании образовательных программ и социальной нагрузке педагогического сообщества.

Как уже отмечалось выше, реализация практико-ориентированной парадигмы в образовании осуществлялась в том числе через мероприятия, проводимые профессиональными объединениями педагогов. В 1961 году в Пскове прошла конференция учителей-биологов, где секретарь обкома партии И. С. Густов¹⁶ призвал к более тесной интеграции школы с колхозами и освоению учащимися прикладных агрономических знаний. Можно предположить, что такая тенденция коснулась не только биологии, но и других дисциплин. В перспективе такая система позволяла наладить связь школы с предприятиями, совхозами и колхозами, но увеличивала потенциальную нагрузку на учителей. При этом сами учителя признавали, что такая система будет полезной. По замечанию

¹⁴ Там же.

¹⁵ Народное хозяйство Псковской области в одиннадцатой пятилетке: стат. сб. / ЦСУ РСФСР, Стат. упр. Псков. обл. Л.: Лениздат, 1986. С. 71.

¹⁶ Конференция учителей-биологов // Псковская правда. 1961. 12 апр. С. 3.

А. А. Бологова, детей нужно не только учить, но воспитывать и уделять внимание внеклассной работе¹⁷.

В этом контексте отметим, что параллельно шло усовершенствование учебных дисциплин, требовавших также методической перестройки. Так, в 1975 году в школьную программу был введен курс «Основы Советского государства и права», что потребовало дополнительной переподготовки кадров в областном институте усовершенствования учителей¹⁸. Показательным примером становится работа учителей Дновского района, которые регулярно собирались на методические совещания, обмениваясь опытом преподавания и идеологического воспитания. И на примере личного фонда С. О. Давтяна видно, что учителя часто обращались через периодическую печать друг к другу, порой публикуя подобие методических рекомендаций по своему предмету¹⁹.

Таким образом, анализ динамики развития образования в Псковской области в 1960—1970-е годы показывает постепенное превращение образовательного процесса в инструмент реализации государственной идеологии, направленной на усиление связи школы с производством. Практико-ориентированный подход, провозглашенный «Школьной реформой» 1958 года, привел к увеличению рабочей нагрузки педагогического состава и расширению сферы профессиональной деятельности за рамки традиционного преподавательского процесса, что сопровождалось возросшей общественной активностью учителей.

Общественно-политическая деятельность учителей была встроена в систему партийной агитации и пропаганды. Анализ личных фондов и документов Псковского обкома КПСС показывает, что педагоги (на 1962 г.) составляли значительную часть агитаторского корпуса: из 1200 зарегистрированных агитаторов 460 были учителями²⁰. Однако важно отметить, что партийные отчеты фиксируют недостаточный уровень методической подготовки и идеологическую невыразительность существенной части

¹⁷ ГАПО. Ф. Р-291. Оп. 1. Д. 89. Л. 2.

¹⁸ Голубев Т. Воспитание законом. Из опыта работы дновских педагогов // Псковская правда. 1977. 17 ноября. С. 2.

¹⁹ ГАПО. Ф. Р-269. Оп. 1. Д. 8. Л. 24.

²⁰ Там же. Ф. 1219. Оп. 63. Д. 56. Л. 8.

лекторской работы педагогов, отмечая преобладание декларативных форм над глубинным анализом и практическим применением идеологических посылов. Специфической особенностью учителей в Псковской области являлась борьба с религией и распространение атеистического мировоззрения. Это обстоятельно важно в силу того, что на территории региона (на 1 октября 1963 г.) значатся на регистрации 94 православных общины (на 1-е января 1960 г. их было 107) и имеется 94 действующих церкви²¹, а также действующий Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. Соответственно, учителя, работающие в сельских и городских школах, нередко привлекались к антирелигиозной агитации на местном уровне. Такая деятельность рассматривалась как приоритетное направление работы педагогической интеллигенции в регионе и определяла специфику ее профессиональных функций и общественных обязанностей²².

Учитель, включенный в систему партийной агитации и пропаганды, выстраивал свою педагогическую и воспитательную практику в соответствии с приоритетами государственной политики. В Псковской области одной из ведущих задач такой деятельности становилась пропаганда атеизма и противодействие религиозным институтам, что обуславливало тематическую направленность школьной работы и взаимодействие педагогов с местным социокультурным контекстом. В дневниковых записях С. О. Давтяна можно увидеть, что, при всей важности роли учителя, ему (учителю) важно быть идейно и политически зрелым человеком. Проблема качественной работы лектора-учителя кроется в его подготовке, личной и профессиональной²³. Как отмечает исследователь Н. А. Белова, профессиональная сторона деятельности учителей регулировалась местными РОНО [Белова, 2015: 78—79], а общественная работа и агитация в деятельности учителей совершенствовалась через Институт усовершенствования учителей, работу с горкомом²⁴.

²¹ Там же. Д. 136. Л. 22.

²² Там же. Л. 95.

²³ Там же. Ф. Р-269. Оп. 1. Д. 34. Л. 19—20.

²⁴ Там же. Ф. 1219. Оп. 63. Д. 59. Л. 61.

Ввиду доминирующей численности педагогического состава обком последовательно задействовал эту группу в агитационно-пропагандистской работе, регулярно инициируя разработку методических рекомендаций, чтобы повысить уровень соответствующей подготовки учителей. Несмотря на критические замечания относительно качества пропаганды, педагоги составляли значительную и достаточно активную часть агитаторского корпуса. Анализ документов Псковского обкома КПСС свидетельствует о значительном участии учителей в пропагандистской деятельности, причем в отчете обкома за конец 1960-х годов²⁵ отмечается их высокая эффективность в политической работе и агитации²⁶. За счет своего практического опыта работы в школе они имели определенные навыки и авторитет, позволяющий им вести подобную общественную работу, подтверждение чему можно часто увидеть у С. О. Давтяна и А. А. Бологова.

В качестве примера уровня профессиональной нагрузки и общественной активности учителей можно рассмотреть участников Всесоюзного съезда педагогов. Следует отметить, что для участия в данном мероприятии отбирались наиболее активные и заслуженные представители профессионального сообщества, что подтверждается их делегатскими карточками²⁷. Анализ данных показателей свидетельствует о преобладании среди участников активных форм общественной деятельности, таких как членство в профсоюзных организациях, участие в молодежных инициативах, руководство секциями при партийных организациях, а также участие в региональных законодательных органах, что в очередной раз указывает на высокий уровень социальной вовлеченности и профессиональной активности данных педагогов²⁸.

Помимо участия по линии агитации и пропаганды обкома КПСС, учителя в большинстве своем являлись активными и самыми многочисленными членами общества «Знание». Например, в личных документах С. О. Давтяна содержатся членский билет,

²⁵ Там же. Оп. 71. Д. 49. Л. 214.

²⁶ Там же. Оп. 63. Д. 136. Л. 95.

²⁷ Государственный архив Российской Федерации. Р. 9563. Оп. 1. Д. 388. Л. 1—15.

²⁸ Там же. Д. 3336. Л. 68—80.

действовавший с 1948 по 1981 год (33 года)²⁹, и ряд благодарственных писем, что подтверждает его системное участие в деятельности данного общества на протяжении нескольких десятилетий. По статистическим данным из архивных материалов фонда общества «Знание», количество учителей, участвовавших в просветительской работе, увеличилось с 3555 в 1960 году³⁰ до 5158 в 1969 году³¹, что делает их в этот период активно растущей категорией лекторов. Такая тенденция сохраняется и в 1970-е годы. Анализ численности учителей, задействованных в работе общества «Знание» в 1970-е годы, позволяет выявить тенденции их вовлечения в идеологическую работу. Количество педагогов, участвовавших в работе общества, отражено в таблице ниже.

**Доля педагогических работников
(средних, неполных средних, начальных школ, училищ)
в составе общества «Знание» в 1970-е годы³²**

Год	Число педагогических работников в обществе «Знание»	% от общего числа членов
1970	5108	45,5
1971	5278	46,6
1972	5263	45,5
1973	5524	46,4
1975	5785	45,8
1976	5599	43,5
1978	5706	43,4

Несмотря на некоторые колебания (например, незначительное снижение с 5785 до 5599 человек в 1976 году), общая тенденция демонстрирует постоянный рост вовлеченности учителей в деятельность общества «Знание». Неполнота статистических данных для некоторых лет не позволяет с абсолютной точностью определить динамику, однако наблюдаемая тенденция подтвер-

²⁹ ГАПО. Ф. Р-269. Оп. 1. Д. 45. Л. 14—15.

³⁰ Там же. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 101. Л. 27—28.

³¹ Там же. Д. 178. Л. 6—7.

³² Таблица составлена на основе данных: ГАПО. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 196, 208, 227, 237, 288, 336, 417.

ждает высокий уровень интеграции педагогического состава в идеологический аппарат и активное участие учителей в пропагандистской работе среди населения в рамках повседневной просветительской деятельности. Фактически учителя составляли почти половину лекторского состава общества «Знание» на территории Псковской области в 70-е годы.

Данные о значительном количестве учителей, активно вовлеченных в деятельность общества «Знание» в 1960—1970-е гг., подтверждают их существенную роль в идеологической и общественной работе и расширении сферы профессиональной деятельности за рамки непосредственного образовательного процесса.

Можно сказать, что самореализация педагогической интеллигенции Псковской области в рассматриваемый период осуществлялась по нескольким ключевым направлениям. В рамках непосредственной учебно-воспитательной деятельности учителя активно внедряли новые методики преподавания, участвовали в реализации школьной реформы 1958 года, совершенствовали образовательный процесс через систему повышения квалификации и обмена опытом. Профессиональное развитие педагогов происходило посредством регулярных курсов повышения квалификации, методических семинаров, педагогических конференций. Особое внимание уделялось освоению новых образовательных технологий и методик преподавания, что было особенно важно в условиях реализации школьной реформы. По заверениям многих представителей педагогической интеллигенции (С. О. Давтян³³, А. А. Бологов³⁴, П. А. Николаев³⁵), учителя не только осуществляли учебный процесс, но и формировали мировоззрение учащихся, прививали им трудовые навыки, развивали патриотическое сознание. В этом контексте важным направлением работы стало внедрение элементов производственного обучения и трудового воспитания.

Значительную роль в профессиональной самореализации учителей играла их деятельность в общественных организациях. Педагоги активно участвовали в работе методических объединений,

³³ ГАПО. Ф. Р-269. Оп. 1. Д. 8. Л. 24.

³⁴ Там же. Ф. Р-291. Оп. 1 Д. 36. Л. 1.

³⁵ Там же. Ф. 9837. Оп. 1. Д. 56. Л. 9.

профсоюзных организаций, выступали в качестве наставников молодых специалистов. Их общественная активность проявлялась также в участии в работе партийных и комсомольских организаций, где они выступали проводниками государственной политики в сфере образования. Учителя проводили просветительские мероприятия среди населения, участвовали в работе с родителями учащихся, организовывали культурно-массовые мероприятия.

При анализе архивных материалов личных фондов представителей педагогической интеллигенции можно выявить определенные траектории и индивидуальные восприятия различных социальных и культурных процессов.

Их рефлексия о своей работе также демонстрируют высокую степень осознания общественной значимости своей роли. Например, в записной книжке С. О. Давтяна фиксируются размышления о моральной культуре, гражданственности, нравственных аспектах воспитания³⁶. Автор осмысливает собственную миссию как «духовного проводника» и подчеркивает необходимость идеологической зрелости педагога для успешной агитационно-просветительской деятельности.

В этом контексте С. О. Давтян акцентирует внимание на самосовершенствовании лектора и необходимости включения ключевых идей и нравственных аспектов в лекционный материал, считая, что учителя, обладая опытом работы с молодежью и стремлением к саморазвитию, оптимально подходят для этой задачи при условии их собственной политической зрелости.

Помимо выполнения идеологической функции, учитель в советском обществе также играл роль личности с высоким культурным уровнем. Педагог являлся активным участником формирования мировоззрения и ценностей подрастающего поколения. В этом отношении важную роль играли личные качества и инициативы отдельных педагогов. Так, в газетных статьях писателя и учителя А. А. Бологова («Полярная правда», 05.09.1961; «Псковская правда», 06.02.1964; «Молодой ленинец», 17.12.1965)³⁷ прослеживается концепт «учителя как наставника»,

³⁶ Там же Ф. Р-269. Оп. 1. Д. 34. Л. 21—22.

³⁷ Там же. Ф. Р-291. Оп. 1. Д. 89. Л. 2—4.

который должен не только передавать знания, но и воспитывать личность, способную к самосовершенствованию. В своих высказываниях А. А. Бологов демонстрирует сходство с мнением С. О. Давтяна, которое предполагает, что в указанный период педагог выполнял функции не только преподавателя, но и наставника для учащихся, а также представлял собой общественного деятеля с активной социальной позицией. Важно отметить, что подобный подход соответствовал официальному советскому дискурсу, но в исполнении таких педагогов он обретал более гуманистическое, живое наполнение.

Заключение

Анализ общественно-политической деятельности педагогической интеллигенции Псковской области в 1960—1970-е гг. позволяет утверждать, что учителя являлись важнейшей частью не только образовательной, но и идеологической системы региона. Их активность в просветительской, агитационной и культурной сферах, участие в деятельности общества «Знание», методических объединениях и общественных организациях позволяли им формировать не только школьную, но и общественную повестку. Это свидетельствует о высокой степени социальной ответственности педагогов и их роли в укреплении коммунистической идеологии, а также в воспитании новых поколений. В рамках профессиональной деятельности учителя не ограничивались исключительно передачей знаний. Они выступали носителями и распространителями идеологических ценностей, активно вовлекались в общественно-политическую работу и способствовали укреплению моральных устоев общества. Их деятельность была интегрирована в систему партийной агитации и пропаганды, что предопределяло тематику воспитательной работы, методы педагогического воздействия и роль школы как института идеологической мобилизации на местном уровне. Взаимодействие с общественными организациями и участие в просветительской деятельности расширяли сферу влияния педагогической интеллигенции за пределы школы, делая учителей активными участниками региональной политики и культуры.

Подводя итог, отметим, что педагогическая интеллигенция Псковской области в 1960—1970-е гг. представляла собой профессионально зрелый, социально активный слой общества,

игравший ключевую роль в формировании идеологического, культурного и образовательного пространства Псковской области. Учителя выступали не просто как исполнители образовательной политики, но как активные участники социально-культурных процессов, способствовавшие развитию региона и формированию нового поколения советских граждан. В условиях трансформации советского общества учителя играли роль не только «передатчиков знаний», но и идеологических медиаторов, культурных лидеров, а в определенной степени — и моральных авторитетов в локальных сообществах.

Список источников

- Белова Н. А.* Повседневная жизнь учителей. М.: ИЭА РАН, 2015. 228 с. Все начиналось с газеты...: к 70-летию со дня рождения и 50-летию научно-исследовательской деятельности Анатолия Васильевича Филимонова: библиограф. указатель науч., публицистич. и учеб.-метод. тр. / сост. Е. Г. Киселёва. Псков: Псков. обл. универс. науч. б-ка, 2021. 112 с.
- Дворниченко Н. Ю.* Разработка проблемы становления социальной активности личности будущего учителя в советской педагогике 60—80-е гг. XX века // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2011. № 5. С. 40—44.
- Дорошенко С. И.* Исследовательская деятельность отечественных музыкантов-педагогов с середины XX столетия до начала 1980-х годов // Музыкальное искусство и образование. 2024. № 12 (2). С. 137—149.
- Зверев В. А.* Не труд, а отречение. Педагогический быт 1960—1970-х годов в мемуарах сибирских учителей // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 1. С. 37—43.
- Зорькина Л. А.* Повышение квалификации учителей перед реформой школьного образования 1984 года (опыт Калининградской области) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. № 12. С. 73—80.
- Ильин Ю. А.* Проблемы становления системы народного образования Иваново-Вознесенской губернии в конце Гражданской войны и на начальном этапе НЭПА (по материалам газеты «Рабочий край» 1921—1922 гг.) // Интеллигенция и мир. 2021. № 2. С. 9—27.
- Капустина О. В.* К вопросу о пенсионном обеспечении советских педагогов в 1920-х гг.: (пенсии за выслугу лет и персональные) // Интеллигенция и мир. 2020. № 2. С. 9—24.

- Климова Т. Ю. Образ неформатного учителя в литературе 1960—1990-х гг. // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2015. № 10. С. 212—219.
- Маргарита Тимофеевна Маркова (29.10.1938—31.12.2014) // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2015. № 42. С. 253—259.
- Миронова Е. В. Становление земской учительской интеллигенции в Лаишевском уезде Казанской губернии // Интеллигенция и мир. 2020. № 3. С. 7—20.
- Морозова С. П. Творческий потенциал учителей Карелии второй половины 1950-х начала 1960-х гг. // Вестник Псковского государственного университета. 2013. № 2. С. 86—92.
- Ноговицына И. Г. Отношение к учительству в российском обществе с конца XIX до 80-х годов XX века: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2006. 22 с.
- Обухов А. С., Попова П. Е., Фильмонова С. А. Самодельные книги-хрестоматии учителя школы села Калинино Забайкалья как пример инициативной формы самообразования в 1960—1970-е годы // Исследователь. 2023. № 4 (44). С. 365—373.
- Протасова Е. В. Педагогический опыт уральских учителей в документальных источниках личных фондов: краеведческая деятельность в 1960—1980-х годах // Педагогическое образование в России. 2018. № 11. С. 6—11.
- Шамсутдинов Д. З. Повседневная жизнь советского учителя в 1960—1970-е гг. (по материалам ТАССР) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 4—2. С. 110—113.

References

- Belova, N. A. (2015), *Povsednevnaia zhizn' uchitelei* [Everyday life of teachers], Institut étnologii i antropologii RAN, Moscow, Russia.
- Doroshenko, S. I. (2024), 'Research activities of domestic musicians-teachers from the mid-twentieth century to the early 1980s', *Muzykal'noe iskusstvo i obrazovanie* [Musical art and education], no. 12 (2): 137—149.
- Dvornichenko, N. Yu. (2011), 'Development of the problem of the formation of social activity of the personality of the future teacher in Soviet pedagogy in the 60—80s of the twentieth century', *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Scholarly Notes of Transbaikal State University], no. 5: 40—44.
- Ilyin, Yu. A. (2021), 'The problems of the formation of the public education system of Ivanovo-Voznesenskaya province at the end of the Civil

- War and at the initial stage of the New Economic Policy (based on the materials of the newspaper “Rabochy Kray” 1921—1922)’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 9—27.
- Kapustina, O. V. (2020), ‘On the issue of pension provision for Soviet teachers in the 1920s: (pensions for length of service and personal)’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 9—24.
- Kiseleva, E. G. (comp.) (2021), *Vse nachinalos' s gazety...: k 70-letiiu so dnia rozhdeniia i 50-letiiu nauchno-issledovatel'skoi deiatel'nosti Anatoliia Vasil'evicha Filimonova: bibliograficheskii ukazatel' nauchnykh, publitsisticheskikh i uchebno-metodicheskikh trudov* [It all started with a newspaper...: on the 70th anniversary of the birth and 50th anniversary of the research activities of Anatoly Vasilyevich Filimonov: bibliographic index of scientific, journalistic and educational-methodical works], Pskovskaia oblastnaia universal'naia nauchnaia biblioteka, Pskov, Russia.
- Klimova, T. Yu. (2015), ‘The Image of an Informal Teacher in the Literature of the 1960s–1990s’, *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Iazyk. Literatura. Kul'tura* [Bulletin of the Buryat State University. Language. Literature. Culture], no. 10: 212—219.
- ‘Margarita Timofeevna Markova (10/29/1938–12/31/2014)’, (2015), *Pskov. Nauchno-prakticheskii, istoriko-kraevedcheskii zhurnal* [Pskov. Scientific, practical, historical and local history journal], no. 42: 253—259.
- Mironova, E. V. (2020), ‘Formation of the zemstvo teaching intelligentsia in the Laishevsky district of the Kazan province’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 7—20.
- Morozova, S. P. (2013), ‘Creative Potential of Teachers in Karelia in the Second Half of the 1950s and the Beginning of the 1960s’, *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Pskov State University], no. 2: 86—92.
- Nogovitsina, I. G. (2006), *Otnoshenie k uchitel'stvu v rossiiskom obshchestve s kontsa XIX do 80-kh godov XX veka* [Attitude to teaching in Russian society from the end of the 19th to the 80s of the 20th century], Abstract of Ph. D. (Pedagogy) dissertation, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia.
- Obukhov, A. S., Popova, P. E. and Filimonova, S. A. (2023), ‘Self-made books-readers of a teacher of the school in the village of Kalinino in Transbaikalia as an example of an initiative form of self-education in the 1960—1970s’, *Issledovatel'* [Researcher], no. 4 (44): 365—373.
- Protasova, E. V. (2018), ‘Pedagogical experience of Ural teachers in documentary sources of personal funds: local history activities in the

- 1960—1980s', *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical education in Russia], no. 11: 6—11.
- Shamsutdinov, D. Z. (2013), 'Everyday life of a Soviet teacher in the 1960-1970s (based on materials from the TASSR)', *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts], no. 4—2: 110—113.
- Zorkina, L. A. (2015), 'Advanced training of teachers before the school education reform of 1984 (experience of the Kaliningrad region)', *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta imeni I. Kanta* [Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University], no. 12: 73—80.
- Zverev, V. A. (2013), 'Not Labor, but Renunciation. Pedagogical Life in the 1960s–1970s in the Memoirs of Siberian Teachers', *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal], no. 1: 37—43.

Статья поступила в редакцию 08.09.2025; одобрена после рецензирования 03.10.2025; принята к публикации 30.10.2025.

The article was submitted 08.09.2025; approved after reviewing 03.10.2025; accepted for publication 30.10.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Т. В. Власов — аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории, Псковский государственный университет, Псков, Россия.

T. V. Vlasov — postgraduate student of the Department of Russian and World History, Pskov State University, Pskov, Russia.

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

READING AND DISCUSSION

Интеллигенция и мир. 2026. № 2. С. 162—173.

Intelligentsia and the World. 2026. No. 2. P. 162—173.

Обзор

УДК 930.1-058.237(092)(049.32)

EDN <https://elibrary.ru/wvkoip>

DOI: 10.46725/IW.2026.2.8

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

ЛИЧНОСТЬ, ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, ЭПОХА

Рец. на кн.: В ракурсе личной судьбы историка.

К 100-летию со дня рождения профессора

Варлена Львовича Соскина /

отв. ред. С. А. Красильников. Новосибирск:

ИПЦ НГУ, 2025. 288 с.

Владимир Вячеславович Комиссаров

Верхневолжский государственный агробиотехнологический университет, Иваново, Россия, cosh-kin@mail.ru, SPIN-код: 4674-4432, <https://orcid.org/0000-0003-2769-1860>

Аннотация. В рецензии анализируется книга «В ракурсе личной судьбы историка», посвященная столетию со дня рождения В. Л. Соскина. Варлен Львович Соскин (1925—2021) — известный ученый, историк интеллигенции и культуры, научный сотрудник Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР, преподаватель Новосибирского университета. Он стал автором более 400 научных работ, под его руководством подготовлено 38 кандидатских и 4 докторских диссертации. В. Л. Соскин был участником существовавшего при Ивановском университете Проблемного Совета РФ «Интеллигенция. Культура. Власть», членом редакционного совета журнала «Интеллигенция и мир» с момента его основания, являлся постоянным участником ежегодных ивановских конференций. Данная книга состоит из четырех

© Комиссаров В. В., 2026

частей. Она включает воспоминания В. Л. Соскина, его беседы с С. А. Красильниковым, список основных научных трудов и перечень кандидатских диссертаций, подготовленных под руководством Варлена Львовича. Мемуары рассказывают о детстве и юности ученого. Много внимания уделено Великой Отечественной войне, послевоенным событиям. В. Л. Соскин вспоминает о своей учебе в Новосибирске и Ленинграде, о послевоенной антисемитской кампании. Воспоминания заканчиваются концом 1950-х годов, когда ученый стал работать в новосибирском Академгородке. Однако мемуары органично дополняются беседами с С. А. Красильниковым, где ученый рассказывает о событиях 1960—1980-х гг. Воспоминания и беседы автора с С. А. Красильниковым чрезвычайно информативны, так как автор оказался близким свидетелем многих важнейших событий послевоенной истории. В памятной книге содержится много общих оценок советской интеллигенции. Опубликованные в ней материалы рисуют нам советского ученого, интеллигента и интеллигентовед, фронтовика, патриота, прошедшего непростой жизненный путь.

Ключевые слова: интеллигенция, интеллигентоведение, В. Л. Соскин, Великая Отечественная война, мемуары, историческая наука, Сибирь, Академия наук СССР

Для цитирования: Комиссаров В. В. Личность, интеллигенция, эпоха. Рец. на кн.: В ракурсе личной судьбы историка. К 100-летию со дня рождения профессора Варлена Львовича Соскина / отв. ред. С. А. Красильников. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2025. 288 с. // Интеллигенция и мир. 2026. № 2. С. 162—173.

Review

PERSONALITY, INTELLIGENTSIA, EPOCH
Review in the book: Krasilnikov, S. A. (ed.) (2025),
From the perspective of the historian's personal fate.
On the 100th anniversary of the birth of Professor
Varlen Lvovich Soskin, CPI NSU, Novosibirsk, Russia

Vladimir V. Komissarov

Upper Volga State Agrobiotechnological University, Ivanovo, Russia,
cosh-kin@mail.ru, SPIN-код: 4674-4432,
<https://orcid.org/0000-0003-2769-1860>

Abstracts. The review analyzes the book «From the perspective of the personal fate of the historian», dedicated to the centenary of the birth of

V. L. Soskin. Varlen Lvovich Soskin (1925—2021) was a well-known scientist, historian of intelligentsia and culture, researcher at the Institute of History, Philology and Philosophy of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, professor at Novosibirsk University. He became the author of more than 400 scientific papers, under his leadership 38 candidate's and 4 doctoral dissertations were prepared. V. L. Soskin was a member of the Problem Council of the Russian Federation «Intelligentsia. Culture. Power», a member of the editorial board of the magazine «Intelligentsia and the World» since its foundation, was a regular participant in the annual Ivanovo conferences. This book consists of four parts. It includes the memoirs of V. L. Soskin, his conversations with S. A. Krasilnikov, a list of major scientific papers and a list of candidate's dissertations theses prepared under the supervision of Varlen Lvovich. The memoirs tell about the scientist's childhood and youth. Much attention is paid to the Great Patriotic War and the post-war events. Soskin recalls his studies in Novosibirsk and Leningrad, and the post-war anti-Semitic campaign. The memories end in the late 1950s, when the scientist began working at the Novosibirsk Akademgorodok. However, the memoirs are organically complemented by conversations with S. A. Krasilnikov, where the scientist talks about the events of the 1960s and 1980s. The author's memoirs and conversations with S. A. Krasilnikov are extremely informative, as the author turned out to be a close witness to many of the most important events in post-war history. The memorial book contains many general assessments of the Soviet intelligentsia. The materials published in it depict a Soviet scientist, intellectual and intellectual scholar, a veteran soldier, a patriot who went through a difficult life path.

Keywords: intelligentsia, intellectual studies, V. L. Soskin, The Great Patriotic War, memoirs, historical science, Siberia, Academy of Sciences of the USSR

For citation: Komissarov, V. V. (2026), 'Personality, intelligentsia, epoch. Review in the book: Krasilnikov, S. A. (ed.) (2025), From the perspective of the historian's personal fate. On the 100th anniversary of the birth of Professor Varlen Lvovich Soskin, CPI NSU, Novosibirsk, Russia', *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 162—173 (in Russ.).

Имя доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Варлена Львовича Соскина (1925—2021) очень хорошо известно среди ивановских исследователей интеллигенции. Много лет он был участником существовавшего при Ивановском государственном университете Проблемного Совета РФ «Интеллигенция. Культура. Власть», членом редакционного совета журнала «Интеллигенция и мир» с момента его основания,

являлся постоянным участником ежегодных ивановских интеллигентоведческих конференций. Варлена Львовича связывали длительные личные отношения с основоположником ивановской интеллигентоведческой школы Валерием Сергеевичем Меметовым. С большой печалью восприняли ивановские интеллигентоведы известие об уходе В. Л. Соскина из жизни [Черноперов, Усманов, Комиссаров, 2022]. Судьба была невероятно щедра к нему, отпустила 96 лет жизни, в течение которых В. Л. Соскин прошел Великую Отечественную войну, пережил другие сложные моменты российской истории, стал автором более 400 научных работ; под его руководством было подготовлено 38 кандидатских и 4 докторских диссертации. Именно поэтому значительный интерес представляет памятный сборник, выпущенный в Новосибирском государственном университете к 100-летию со дня рождения ученого [В ракурсе..., 2025].

Данная книга состоит из четырех частей. Первая часть — это воспоминания самого Варлена Львовича «В ракурсе личной судьбы: материалы по истории советской интеллигенции (1920—1950-е гг.)». Следует заметить, что это не первое издание воспоминаний, они уже публиковались отдельной книгой при жизни автора в 2013 г.

Вторая часть книги — это публикация бесед В. Л. Соскина с доктором исторических наук, профессором С. А. Красильниковым, которая органично дополняет мемуары ученого. Если воспоминания завершаются концом 1950-х гг., когда Варлен Львович начал работать в Новосибирске, то в беседах с С. А. Красильниковым он вспоминает о событиях 1960—1980-х гг., когда ему довелось стоять у истоков Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР, выполнять обязанности ответственного секретаря многотомной «Истории Сибири», быть свидетелем и участником многих событий из жизни Академгородка.

Третья часть — это объемный список основных трудов ученого. В сфере его научных интересов были такие вопросы, как культурное строительство в Сибири в первые годы Советской власти; история сибирской интеллигенции; становление научных учреждений; книжное дело; теоретические и методологические вопросы изучения истории и деятельности отечественной интеллигенции.

Четвертая часть рецензируемой книги — список кандидатских диссертаций, которые были подготовлены под научным руководством Варлена Львовича.

Теперь следует более подробно сказать о содержании основных разделов сборника. Его предваряет подробное введение «От редактора», подготовленное С. А. Красильниковым. Сергей Александрович является учеником В. Л. Соскина, под его руководством защитил кандидатскую диссертацию и при его консультировании подготовил докторскую, а затем стал преемником на научном поприще. Длительные личные отношения позволили С.А. Красильникову подойти к этому вопросу неформально, добавить в свой текст много личных наблюдений и оценок.

Затем следуют воспоминания самого Варлена Львовича Соскина. Цель их написания мемуарист определил таким образом: «...показать на примере отдельной личности процесс изменений ее внутреннего мира ... Таким образом расширить имеющиеся представления об эволюции советской интеллигенции, ее отдельных частей, групп, слоев. В самой простой форме вопрос стоит так: почему я был таким, а потом стал (или становлюсь) другим?» [Там же: 119]. Мемуары включают семь глав. Первая глава подробно повествует о детстве и юности ученого. Здесь он раскрывает и «тайну» своего имени: его называли в честь Эжена Луи Варлена, деятеля французского рабочего движения и одного из организаторов Парижской коммуны. Сам Варлен Львович воспринимал этот факт с определенной долей юмора и, по воспоминаниям его бывших студентов, любил задавать вопрос о происхождении своего имени на первой лекции. С иронией он обыгрывает этот факт и в мемуарах: «Сегодня имя “Варлен” даже мои студенты-историки разгадать не могут, полагая, что это какое-то сокращение, связанное с Лениным» [Там же: 23]. Следует заметить, что родители В. Л. Соскина были людьми своей эпохи, эпохи первых пятилеток, борьбы за социализм, они во всем разделяли требования времени и подчиняли им свои желания. Вот что Варлен Львович пишет о своем отце: «Будучи склонным к гуманитарным наукам, особенно к экономике, он, однако, решил стать инженером. Мать объяснила: так нужно было партии, ибо намечалась индустриализация страны» [Там же: 25]. Семья Соскиных вполне разделяла и официальную идеологию. «Что касается нашей семьи, то до определенного времени в ней

страх не чувствовался, господствовала вера в правильность партийной линии, которая овеществлялась в одном человеке — Сталине» [Там же: 30]. В этой части книги много бытовых подробностей о жизни в коммуналках и в отдельных квартирах, об обучении в школе, о питании. Здесь нет необходимости всё это подробно перечислять, но в данном случае воспоминания могут служить неплохим источником по быту и нравам сибирской интеллигенции первых десятилетий Советской власти.

Любые мемуары — и воспоминания Варлена Львовича здесь не исключение — вызывают двойственное чувство. С одной стороны, это ощущение уникальности каждой человеческой судьбы. С другой — сопоставление с историческими фактами вызывает представление о некоторой типичности событий. Так В. Л. Соскин рассказывает, что его отец — Лев Павлович — избежал ареста и гибели в 1937 году, покинув Новосибирск на два года, и вновь воссоединился с семьей, только когда миновала эта «гроза» [Там же: 37]. Данный эпизод может показаться исключительным, но он удивительным образом совпадает с биографией советских писателей-фантастов братьев Стругацких, чей отец Натан Залманович, большевик с дореволюционным стажем, а к 1937 году ответственный работник Сталинградского крайисполкома, также избежал ареста, в последний момент уехав в Ленинград и временно прервав отношения с семьей [Володихин, 2012: 9]. И подобные истории, когда люди спасались от репрессий, меняя местожительство, хотя и не носят массового характера, но далеко не единичны. Завершая это отступление, следует заметить, что Н. З. Стругацкий так же, как и Лев Павлович Соскин, погиб в первой половине Великой Отечественной войны, что еще раз подчеркивает некую типическую общность судеб довоенной интеллигенции.

Две главы своих воспоминаний Варлен Львович посвятил Великой Отечественной войне. Сначала он рассказывает о своей работе на заводе, затем — об учебе в артиллерийском училище и о боевых действиях, в которых он принимал участие. Столь пристальное внимание к данному периоду вполне объяснимо. Война стала важнейшим событием в жизни этого поколения. «Война отчеркнула начало нового этапа. Военный период — самый трудный, психологически сложный — внес в процесс формирования личности огромную лепту, — пишет В. Л. Соскин и продолжает. —

Именно тогда я ощутил и осознал, что стал взрослым человеком, обязанным и способным отвечать и за себя, и за тех, кто оказался в подчинении» [В ракурсе..., 2025: 120]. Следует отметить, что в описании Варлена Львовича нет тех разнообразных фронтовых ужасов с натуралистическими подробностями и неподтвержденными жареными фактами, разнообразных «баек из склепа», которыми изобиловала мемуарная литература 1990—2000-х гг. С другой стороны, там нет и лакировки действительности. Мы видим тяготы и лишения, неуставные отношения, расстрелы перед строем, глупость командиров, неоправданные жертвы и многие другие неприглядные стороны того сложного и неоднозначного периода. Ученый показывает войну как трудную, тяжелую, опасную, но необходимую работу. Конечно, с точки зрения историко-ведческой критики некоторые факты вызывают вопросы. Например, В. Л. Соскин пишет, что его отец перед войной стал заместителем начальника химической службы Сибирского военного округа и получил звание майора [Там же: 42—43]. Между тем, по существовавшей тогда практике лиц с инженерным образованием аттестовали в военно-технический состав со своей системой званий, то есть Л. П. Соскину должны присвоить звание военинженера 2-го ранга, что как раз соответствовало майору. Например, советский писатель А. П. Казанцев, имевший инженерное образование, в 1941 г. стал военинженером 3-го ранга, что соотносилось с капитаном, на ступень ниже, чем у Л. П. Соскина [Казанцев, 1981: 497]. Тем более это правило должно было распространяться на военных химиков. Впрочем, в любом процессе всегда есть свои исключения.

Целая глава посвящена службе В. Л. Соскина в послевоенной Германии. Здесь мы также видим значительное количество бытовых подробностей, которые делают этот фрагмент добротным историческим источником. В качестве примера можно привести эпизод, когда Варлен Львович в последние дни войны наблюдал на улицах провинциального немецкого городка женщин, моющих щетками мостовую. Данный случай он прокомментировал так: «Позже понял: они делают то, что всегда составляло часть их жизни. Это — вековая традиция, элемент культуры. И подобное потом уже вызывало не столько удивление, сколько что-то вроде зависти: у нас такое когда-нибудь будет?» [В ракурсе...,

2025: 123]. Именно к периоду службы в Германии относится первый педагогический опыт Варлена Львовича, он преподавал в одной из средних школ для детей советских военнослужащих.

Последние три главы рассказывают об учебе В. Л. Соскина сначала в Новосибирском пединституте, а затем на истфаке Ленинградского университета, о его работе в Кемеровском пединституте, о подготовке кандидатской диссертации в аспирантуре. Завершается эта часть переездом в Новосибирск, где в конце 1950-х гг. начинается организация Сибирского отделения АН СССР. Как уже отмечалось, здесь воспоминания обрываются, но сюжеты, хронологически выпавшие из мемуаров, рассматриваются в беседах В. Л. Соскина с С. А. Красильниковым. В этот период судьба свела Варлена Львовича со многими представителями советской послевоенной научной интеллигенции. Среди них: известный историк И. М. Разгон; основоположник ленинградской социологической школы В. А. Ядов, учившийся на философском факультете ЛГУ параллельно с В. Л. Соскиным; создатель Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН академик А. П. Окладников; один из основателей Европейского университета в Санкт-Петербурге Л. С. Клейн; основоположник сибирской социологии В. Н. Шубкин и многие другие. Все эти знакомства обогатили В. Л. Соскина и вместе с тем давали богатый материал для наблюдений за жизнью советской интеллигенции.

Мемуары ученого достаточно откровенны. Так, Варлен Львович несколько стыдливо вспоминает, как на собственной свадьбе в 1952 году первый тост произнес «за Сталина», причем под бурные аплодисменты своих молодых друзей [Там же: 162]. Данный эпизод не только характеризует эмоциональное состояние мемуариста в то время, но и является иллюстрацией настроений студенческой молодежи начала 1950-х гг.

Важное место в этой части книги занимает послевоенная антисемитская кампания в СССР и в целом проблема государственного антисемитизма. Варлен Львович, будучи евреем, на своей судьбе прочувствовал эту проблему. Он вспоминает об отказах в приеме на работу, о сложностях с поступлением в аспирантуру, о вынужденном переезде обратно в Сибирь. Следует заметить, что данный постыдный исторический эпизод достаточно хорошо известен, о нем стали писать в открытой печати еще в 1960-е гг., тем

более что жертвами этой кампании были весьма известные люди. Стороннему наблюдателю может показаться, что в мемуарах Варлена Львовича внимание к данной теме чрезмерно, тем более при некоторых сомнительных фактах. Так он пишет, что только смерть Сталина сорвала план массовой депортации советских евреев, говорит «о поездах, стоявших чуть ли не под парами, о бараках, которые начали строить в Сибири и на Дальнем Востоке» [Там же: 123]. Этот сюжет в отечественной историографии до сих пор носит дискуссионный характер, но материалы и документы, вовлеченные в открытый научный оборот, не содержат верифицируемых доказательств подготовки выселения евреев в отдаленные районы СССР. Впрочем, мемуары потому и называются источниками личного происхождения, что допускают изрядную долю субъективизма. Мы не можем отказать автору в собственном переосмыслении пережитого, эмоциональном восприятии фактов своей биографии.

В завершающей части нашли свое отражение изменения в общественном сознании после XX съезда. «Я принял XX съезд всей душой, хотя некоторые мои коллеги не разделяли подобного настроения, — пишет В. Л. Соскин. — Соответственно они оценивали происходившие в демократическом духе изменения во внешней и внутренней политике и в культурной жизни. Они боялись, что последствия приведут к лишению достигнутого благополучия и относительного покоя» [Там же: 188].

Воспоминания и беседы автора с С. А. Красильниковым чрезвычайно информативны, так как автор оказался близким свидетелем многих важнейших событий послевоенной истории. Так, он видел, как начиналась послевоенная дискуссия по вопросам языкознания, ибо, как отмечалось выше, хорошо знал Л. С. Клейна, чье письмо в «Правду» стало одним из поводов для этой дискуссии. В. С. Соскин был ответственным секретарем многотомной «Истории Сибири», первого издания такого рода на макрорегиональном уровне. Он видел, как возник замысел многотомника, как решались организационные вопросы его публикации. На глазах у Варлена Львовича разворачивался скандал, связанный с «письмом сорока шести», когда группа ученых новосибирского Академгородка высказала публичный протест против преследования некоторых диссидентов.

В воспоминаниях и беседах Варлена Львовича с С. А. Красильниковым содержится много общих оценок советской интеллигенции. Так, опровергается утверждение, что в послевоенном советском обществе не было выраженного социального расслоения. «Студенты различались по внешнему облику, что было немаловажным, поскольку по “одежке” отчасти можно было судить о различиях социального порядка, — вспоминает ученый о своих годах учебы в Ленинграде. — Фронтовики обычно донашивали то, в чем вернулись с войны ... На другом “фланге” выделялись внешне девушки из благополучных семей. Так, почти без ошибки можно было узнать студентку отделения искусствоведения ... Представители нашей “серой” массы — вчерашние солдаты, сыновья и дочери рабочих, рядовых и служащих — побаивались знакомств с такого рода элитой ... вход в этот круг был практически закрыт» [Там же: 150—151].

Подчеркивается мысль, что интеллигенция 1960—1980-х не была тотально оппозиционна, не держала «вечную фигуру» в кармане. Здесь было иное — попытка переосмыслить окружающую действительность. Для той генерации интеллигенции, к которой принадлежал мемуарист, был весьма характерен дрейф от сталинизма к «социализму с человеческим лицом». Так Варлен Львович вспоминал о своих послевоенных настроениях: «Возникавшие сомнения по отдельным вопросам я относил к собственным недоработкам. Коммунистический стержень продолжал сидеть во мне... Я сам и почти все, с кем я общался, остались в строю строителей социализма, как предписывалось властью. В социализм, коммунизм, политику партии мы верили искренне — если иметь виду не житейские детали и невзгоды, а глубинный мировоззренческий подход» [Там же: 147]. Но со временем оценки и настроения менялись. В своей беседе с С. А. Красильниковым В. Л. Соскин отмечал: «В связи с этим скажу, что такие люди как я, диссидентами в полном смысле этого слова не были. Мы были “шестидесятниками” — людьми, которые постепенно разочаровывались, повторяю, в происходящих событиях, и понимали, что здесь нужен какой-то крутой поворот. То есть мы внутренне как бы ждали Горбачева, а затем Ельцина, чтобы в конечном счете разрушить ту систему, которая называется “тоталитарным прошлым”» [Там же: 230].

Присутствуют резкие оценки советской системы образования: «Советская система образования, которую многие сейчас ностальгически вспоминают чуть ли не как образцовую, “ковала” кадры специалистов, профессионально неплохих, но в то же время идеологически заштампованных, морально ограниченных рамками большевистского кодекса» [Там же: 187].

Резюмируя, следует подчеркнуть значимость памятной книги. Опубликованные в ней материалы рисуют нам советского ученого, интеллигента и интеллигентоведа, фронтовика, патриота, прошедшего непростой жизненный путь. Книга интересна тем, что позволяет посмотреть на личность В. Л. Соскина как бы с двух сторон. Это тот образ, который Варлен Львович нарисовал в своих воспоминаниях, как бы взгляд «изнутри». И это взгляд «снаружи», который мы видим из бесед с С. А. Красильниковым. Опубликованные в сборнике мемуары ценны и как исторический источник по достаточно продолжительному периоду 1930—1950-х гг. Как отмечалось, в них подробно прописаны быт, нравы, повседневная жизнь сибирской и ленинградской интеллигенции, ее умонастроения и общественное сознание. Но рецензируемая книга — не просто публикация воспоминаний и интервью. Ее значение шире. Содержащиеся в ней оценки времени и интеллигенции вполне достойны историографического труда. В ней на региональном материале мы видим истоки современного интеллигентоведения. От изучения культурной политики КПСС в конкретных областях и краях до осмысления судеб «образованного класса» России — вот тот тернистый путь исследований по истории и деятельности интеллигенции.

Список источников

- В ракурсе личной судьбы историка. К 100-летию со дня рождения профессора Варлена Львовича Соскина / отв. ред. С. А. Красильников. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2025. 288 с.
- Володихин Д. М., Прашкевич Г. М.* Братья Стругацкие. М.: Молодая гвардия, 2012. 350 с.
- Казанцев А. П.* Пунктир воспоминаний (повесть о часах, переведенных на 75 лет назад) // *Льды возвращаются: науч.-фантаст. роман: в 3 кн., перераб. и доп.* М.: Молодая гвардия, 1981. С. 472—539.

Черноперов В. Л., Усманов С. М., Комиссаров В. В. Варлен Львович Соскин (1925—2021) // Интеллигенция и мир. 2022. № 1. С. 182—186. DOI: 10.46725/IW.2022.1.9.

References

- Chernoperov, V. L., Usmanov, S. M. and Komissarov, V. V. (2022), 'Varlen Lvovich Soskin (1925—2021), *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 182—186. DOI: 10.46725/IW.2022.1.9.
- Kazantsev, A. P. (1981), 'Dotted line of memories (the tale of a clock that was moved 75 years ago)', in Kazantsev, A. P., *L'dy vozvrashchaiutsia: nauchno-fantasticheskii roman: v 3 knigakh* [The ice is coming back: a science fiction novel: in 3 books], revised and completed, Molodaia gvardiia, Moscow: 472—539.
- Krasilnikov, S. A. (ed.) (2025) *V rakurse lichnoj sud'by istorika, K 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora Varlena L'vovicha Soskina* [From the perspective of the historian's personal fate, On the 100th anniversary of the birth of Professor Varlen Lvovich Soskin], Izdatel'sko-poligraficheskii tsentr — Novosibirskii gosudarstvennyi universitet, Novosibirsk, Russia.
- Volodikhin, D. M. and Prashkevich, G. M. (2012), *Brat'ya Strugackie* [The Strugatsky Brothers], Molodaia gvardiia, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 01.08.2025; одобрена после рецензирования 19.08.2025; принята к публикации 27.08.2025.

The article was submitted 01.08.2025; approved after reviewing 19.08.2025; accepted for publication 27.08.2025.

Информация об авторе / Information about the author

В. В. Комиссаров — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры агрономии и землеустройства, Верхневолжский государственный агробиотехнологический университет, Иваново, Россия.

V. V. Komissarov — Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor of the Department of Agronomy and Land Management, Upper Volga State Agrobiotechnological University, Ivanovo, Russia.

АВ MEMORIAM

Интеллигенция и мир. 2026. № 2. С. 174—195.
Intelligentsia and the World. 2026. No. 2. P. 174—195.

Научная статья
УДК 930(092):323.329(470.315)
EDN <https://elibrary.ru/xzweiw>
DOI: 10.46725/IW.2026.2.9

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.5. Историография, источниковедение,
методы исторического исследования

ПРОФЕССОР ЭЛЬВИРА БОРИСОВНА ЕРШОВА В «ИВАНОВСКОМ» ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИИ

Николай Николаевич Васильев

Независимый исследователь, Саратов, Россия, vnn111@mail.ru

Владимир Александрович Порозов

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Россия, va-porozov@mail.ru, SPIN-код: 8817-2509,
<https://orcid.org/0000-0002-9157-598X>

Аннотация. Профессор Эльвира Борисовна Ершова (1940—2025) входила в круг основоположников интеллигентоведческих исследований и наряду с В. В. Москвиным, В. С. Волковым, В. Р. Веселовым, М. Е. Главацким, А. В. Квакиным, М. И. Кондрашёвой, В. Л. Соскиным сыграла заметную роль в развитии данного научного направления под руководством В. С. Меметова. Рассматривается жизненный путь и научное творчество Э. Б. Ершовой, «точки пересечения» того и другого с ивановской интеллигентоведческой школой, публикации ученого в сборниках ивановских (меметовских) конференций и журнале «Интеллигенция и мир». Дается классификация тематики этих публикаций, предпринимается попытка оценки как основных идей и методологии исследований Э. Б. Ершовой, так и несомненного обаяния ее личности.

© Васильев Н. Н., Порозов В. А., 2026

Ключевые слова: интеллигентоведение, ивановская интеллигентоведческая школа, Э. Б. Ершова, история российской интеллигенции, история интеллигенции Белоруссии, личность ученого-интеллигантоведа

Для цитирования: Васильев Н. Н., Порозов В. А. Профессор Э. Б. Ершова в «ивановском» интеллигентоведении // Интеллигенция и мир. 2026. № 2. С. 174—195.

Original article

PROFESSOR ELVIRA B. ERSHOVA IN "IVANOVSKY" INTELLIGENT STUDIES

Nikolay N. Vasiliev

Independent Researcher, Saratov, Russia, vnn111@mail.ru

Vladimir A. Porozov

Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Perm, Russia,
va-porozov@mail.ru, SPIN: 8817-2509,
<https://orcid.org/0000-0002-9157-598X>

Abstract. Professor Elvira Borisovna Yerzhova (1940—2025) was one of the founders of intellectual studies, along with V. V. Moskvina, V. S. Volkov, V. R. Veselov, M. E. Glavatsky, A. V. Kvakin, M. I. Kondrasheva, and V. L. Soskin. She played a significant role in the development of this field under the leadership of V. S. Memetov. The article examines the life and scientific work of E. B. Ershova, the "points of intersection" between her work and the Ivanovo school of intellectual studies, and the scientist's publications in the collections of Ivanovo (Memetov) conferences and the journal "Intelligentsia and the World." The article provides a classification of the topics covered in these publications and attempts to evaluate both the main ideas and research methodology of E. B. Ershova, as well as the undeniable charm of her personality.

Keywords: intellectual studies, Ivanovo intellectual studies school, Elvira B. Ershova, history of the Russian intelligentsia, history of the Belarusian intelligentsia, personality of an intellectual studies scholar

For citation: Vasiliev, N. N. and Porozov, V. A. (2026), 'Professor Elvira B. Ershova in "Ivanovo" intellectual studies', *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 174—195 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Встречи с Эльвирой Борисовной Ершовой всегда были очень интересны и значимы для всех интеллигентоведов ивановского (меметовского) научного сообщества. К глубокому сожалению, их больше не будет. Выдающийся исследователь-интеллигентовед, историк, культуролог, замечательный педагог и наставник молодых ученых ушла из жизни в ноябре 2025 г. Профессор Э. Б. Ершова входила в круг основоположников научного направления, сложившегося под руководством В. С. Меметова. Ее жизненный и творческий путь дает нам знаковый образ подлинного ученого-интеллекта.

Историография и источники. Статья построена на основе изучения научных трудов Эльвиры Борисовны Ершовой, опубликованных в сборниках материалов ивановских (меметовских) интеллигентоведческих конференций за период с 1992 по 2024 г. и в журнале «Интеллигенция и мир». Достоверные биографические сведения содержит библиографический сборник «История интеллигенции России в биографиях ее исследователей», подготовленный и изданный в Екатеринбурге под руководством М. Е. Главацкого и М. И. Кондрашёвой, посвященная Э. Б. Ершовой статья Н. Ю. Кривоपालовой, опубликованная в 2015 г., а также переписка авторов с коллегами из ивановского интеллигентоведческого сообщества.

Постановка вопроса. Ивановская (меметовская) научная школа интеллигентоведения окончательно сложилась к 1992 г. — это дата первой из международных конференций, традиция которых жива по сей день. Жизнь и творчество В. С. Меметова изучается и освещается весьма основательно. Настало время обратиться к его сподвижникам и друзьям первого «ивановского призыва», в кругу которых почетное место занимала Эльвира Борисовна Ершова.

Методология и методы исследования

Методологической основой настоящей работы стали принципы историзма и научной объективности, позволяющие проследить определенные тенденции и направления творческой деятельности выдающегося исследователя-интеллигента в их развитии и взаимосвязи. Изучение научного творчества Э. Б. Ершовой проводится с учетом конкретно-исторических условий, что дает возможность делать объективно значимые выводы, обобщения и оценки.

Основная часть

Жизненный путь профессора Э. Б. Ершовой

Эльвира Борисовна Ершова родилась в 1940 г. в Свердловской области. Свою трудовую деятельность она начала учителем средней школы в Челябинской области. Выйдя замуж за офицера и последовав за ним к месту службы, переехала в Гомельскую область Белоруссии, историю и культуру которой восприняла всей душой. Активно и плодотворно занимаясь культурно-просветительской деятельностью, работала, в частности, руководителем гарнизонного Дома офицеров, заместителем заведующего отделом культуры райисполкома, директором Дома художественной самодеятельности Гомельского облсовпрофа.

В 1968 г. Эльвира Борисовна заочно окончила Ленинградский институт культуры, в 1973 г. — Минскую Высшую партийную школу. Проявив и реализовав свой интерес к научной деятельности, работала завучем Гомельского университета марксизма-ленинизма Компартии Белоруссии и старшим преподавателем Гомельского кооперативного института. В 1978 г. закончила аспирантуру в Минском государственном педагогическом институте им. А. М. Горького и в 1979 г. защитила там диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему: «Деятельность КПБ по подготовке и воспитанию кадров культпросветучреждений в годы первой пятилетки (1928—1932 гг.)».

В 1985 г. сложные жизненные обстоятельства привели Эльвиру Борисовну в Москву. Здесь она, не оставляя научной деятельности, некоторое время занималась культурно-массовой работой на ВДНХ. С 1987 г. — не рано, надо сказать — начинается самый значительный жизненный этап: кандидат исторических наук Э. Б. Ершова принята старшим преподавателем в Московский институт управления имени Серго Орджоникидзе и уже полностью могла посвятить себя научно-педагогической деятельности. Наибольшее влияние на этом этапе научных исследований на нее оказали И. А. Ковалев, С. А. Федюкин, Т. В. Осипова. В 1994 г. Э. Б. Ершова стала доктором исторических наук, защитив диссертацию на тему: «Исторические судьбы художественной интеллигенции Белоруссии. 1917—1941 гг.» в Московском областном педагогическом институте им. Н. К. Крупской. В 1998 г. Э. Б. Ершова избирается профессором в несколько изменившем название

и статус Московском государственном университете управления [История интеллигенции..., 2002: 61]. Затем становится действительным членом Академии гуманитарных наук. В последние годы жизни Эльвира Борисовна некоторое время работала в Московском финансово-юридическом университете (МФЮА), являлась руководителем Исторического клуба Академического района Москвы.

Эльвира Борисовна была широко эрудированным человеком. Об этом, в частности, свидетельствует программа разработанного ею курса «Инновации и модели мировой художественной культуры», на который обратил внимание В. С. Меметов, также опубликовавший эту разработку в Иванове [Ершова, 2005; 2008а].

Монографии

Профессор Эльвира Борисовна Ершова является автором около двухсот научных и учебно-методических публикаций, в том числе трех монографий. Каждый из этих трех базовых научных трудов является не повторением и даже не развитием пройденного, а открывает новые направления в работе исследователя [Ершова, 1994; 2011; 2015].

Монография, посвященная художественной интеллигенции Белоруссии, вошла в число основополагающих для любого исследователя проблем истории и культуры братской республики и для интеллигентоведов России. Новый, но глубоко аргументированный взгляд, свободный от штампов и недоговоренностей историографии советского периода, приблизил нас к пониманию всей глубины и противоречий не завершившегося ранее на просторах Российской империи периода становления национальной интеллигенции, новых попыток сближения с народом различных групп художественной интеллигенции первой половины XX века, насильственного навязывания как единственно правильной идеологии марксизма-ленинизма и трагических последствий такого навязывания.

Во второй монографии обращение к проблемам семьи на конкретно-историческом материале в сложный период поиска новых смыслов возвращает нас к вечным, основополагающим ценностям, столь важным для сохранения нашей цивилизации. Наконец, монография 2015 г. стала одной из базовых работ в направлении новой отрасли междисциплинарного знания — интеллигентоведения, утверждению и развитию которого Эльвира

Борисовна отдала так много времени, сил и энергии. «Каждый читающий эту работу сможет найти интересующие его проблемы, ибо в ней дано множество самых разных фактов и материалов о российской интеллигенции, — отмечает рецензент И. Н. Лозбенев. — Три раздела монографии раскрывают многоликую роль российской интеллигенции в самых различных процессах XX — начала XXI века: политических, научно-технологических, культуры и искусства. Разнообразие аспектов, избранных Э. Б. Ершовой для раскрытия значимости российской интеллигенции, позволяет видеть ее истинное лицо в историческом пространстве» [Лозбенев, 2016: 136]. Лейтмотивом всех монографий является обоснование того факта, что в любых условиях интеллигенция России и Беларуси в целом оставалась верна своей Родине, своему творчеству. Значимые монографии Э. Б. Ершовой опубликованы в германском издательстве LAP Lambert Academic Publishing. Публикации нашли читателей в Болгарии, Сербии, Польше, США, Белоруссии и других странах [Кривопалова, 2015: 98].

В кругу первых интеллигентоведов

Эльвира Борисовна Ершова входит в число ведущих, самых уважаемых и значимых интеллигентоведов России. Одним из оппонентов на защите ее докторской диссертации был основоположник ивановской интеллигентоведческой школы В. С. Меметов, что утвердило их дружеские отношения и многолетнее сотрудничество. Эльвира Борисовна была участником организуемых В. С. Меметовым конференций в Ивановском государственном университете с самого начала их проведения в 1992 г. и вплоть до 2024 г. Чаще всего это была непосредственная работа с приездом в Иваново для выступления с докладами и участия в дискуссиях. В журнале «Интеллигенция и мир» публикации профессора Э. Б. Ершовой также присутствуют с 2001 г. — первого года издания журнала. Более десяти лет она входила в состав его редакционного совета.

С 1992 по 2024 г. профессором Эльвирой Борисовной Ершовой в сборниках материалов ивановских интеллигентоведческих конференций и журнале «Интеллигенция и мир» было опубликовано 42 научных работы. 14 из них посвящены истории российской интеллигенции, 11 — белорусской; в 12 — интеллигенция рассматривались в контексте актуальных политических проблем

современности; 5 посвящены непосредственно ивановской интеллигентоведческой школе, ее представителям и их публикациям.

Э. Б. Ершова внимательно следила за научными работами «ивановцев» — как непосредственных, из самого города Иваново, так и «ассоциированных», из других городов страны. Представляют интерес ее публикации под рубрикой «По следам прочитанного» в журнале «Интеллигенция и мир» в 2009 (№ 1), 2011 (№ 2), 2013 (№ 1) и др., историографические обзоры (2014, № 2). С большой теплотой она писала о встречах и сотрудничестве с Валерием Сергеевичем Меметовым [Ершова, 2020].

К истории интеллигенции Беларуси

На материалах истории братской Республики Беларусь Э. Б. Ершова рассматривала в ивановских публикациях такие проблемы, как историография белорусской художественной интеллигенции (конференция 1993 г.), участие интеллигенции края в революционном движении в конце XIX — начале XX в. (2007 г.), взгляды эмигрантов на белорусскую культуру (2017 г.), художественная интеллигенция Белоруссии в контексте большевистской политики 1920—1930-х гг. (1992 и 2023 г.), художественная интеллигенция Западной Белоруссии в конце 1930-х — начале 1940-х гг. (2009 и 2010 г.). Обстоятельная оценка современных белорусских историков дана в журнальной публикации 2009 г. («Интеллигенция и мир» № 1). Имеются и обзоры ретроспективного плана: XX век в истории высшего образования Белоруссии (конференция 2018 г.) и «Местечковая интеллигенция: история и судьбы» (1996 г.).

Как видим, осуществленные в Иваново публикации могли стать основой еще одной книги, продолжающей монографию 1994 г. Многие положения подверглись заметному развитию и переосмыслению. Так, например, саму постановку вопроса о местечковой интеллигенции можно считать новаторской и уникальной. В публикации указывается, что материалов по данному вопросу много, но исследователи, с одной стороны, «стараятся обойти острые углы, чтобы ненароком не задеть национальные чувства евреев, а с другой — не вызвать критику со стороны русофобов» [Ее же, 1996: 105]. Не стало исключением и исследование художественной интеллигенции Белоруссии самой Эльвирой Борисовной,

в чем она самокритично признается. С другой стороны, в цитируемой публикации понятия «местечковая», как более узкое и конкретное, и «еврейская интеллигенция» не разведены, что открывает в дальнейшей разработке проблемы широкие горизонты. Тем более интересны работы, выходящие за хронологические рамки монографии 1994 г. Рецензируя библиографический справочник о белорусских историках XXI века (Корзенко Г. В. Историки Беларуси в начале XXI столетия. Минск, 2007), профессор Э. Б. Ершова не устает напоминать всем нам о толерантности и терпимости: «Именно от поколения к поколению идет передача основных характерных черт интеллигенции исторической науки — корректность по отношению к тем, кто уже дал свое видение историческим событиям и явлениям, и новое прочтение тех материалов, которые раньше были просто недоступны. Такой тандем в науке может только способствовать ее движению вперед» [Ершова, 2009: 110].

На материалах конца 1960-х — начала 1970-х годов показана роль литературы в формировании оппозиционных настроений у советской интеллигенции. Первая половина статьи посвящена в основном анализу исторического значения романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго», и, на наш взгляд, профессор Э. Б. Ершова несколько это значение преувеличивает — вплоть до того, что «роман Бориса Пастернака привел к появлению в исторической науке в начале 1960-х гг. исследований М. П. Кима, С. А. Федюкина, Л. М. Зак, В. С. Меметова и других историков, философов, разработавших новые подходы к истории интеллигенции России» [Ее же, 2008b: 89]. Но, хотя акцент сделан на осуждении революционеров-большевиков, которые «были просто некомпетентными» и «никогда не несли ответственности за те страдания, которые они причинили огромной массе людей в надежде на оправдание их действий будущим счастьем, так никогда и не наступившим» [Там же], Э. Б. Ершова вновь демонстрирует верность принципам историзма и собственным убеждениям, отмечая, что полностью согласиться с этим выводом можно лишь при условии, что действия большевиков совершались бы в мирное время, но тогда, возможно, для их исторической миссии не было бы места. При этом подчеркивается, что «шестидесятники», очарованные свободой творчества, открывшейся в романе Б. Л. Пастернака, на эти нюансы не обращали внимания.

Вторая часть статьи интересна, прежде всего, уникальным фактическим материалом, опять же по хорошо знакомой автору Гомельской области Белорусской ССР. От обсуждения литературных произведений в кружках (точнее было бы сказать — компаниях) интеллигенции исследуемого времени их участники переходили к проблемам окружающей действительности и, не посягая на основы казавшегося незыблемым общественного строя, видели, что представители руководящих органов и члены их семей зачастую оказывались не на высоте своего положения, превращая марксизм-ленинизм в догматический набор лозунгов, необходимый для обоснования и защиты своих привилегий. Характерно, что разговоры эти начинались с анализа международного положения, напряженность которого вновь заставляла мириться с «отдельными недостатками» — всё более очевидными пороками системы. Прямо скажем, даже в условиях «демократического разгула» начала девяностых годов прошлого века на столь откровенный и глубокий разговор из бывших историков КПСС отважились немногие.

Профессор Э. Б. Ершова об интеллигенции России

Чрезвычайно широка тематика публикаций, посвященных российской интеллигенции. Большая, академического плана, журнальная статья Э. Б. Ершовой 2004 г. посвящена церковной, дворянской и разночинской интеллигенции России в XIX—XX вв. в аспекте ее благотворительной деятельности. Работа плодотворно иллюстрирует один из основополагающих принципов интеллигентоведения — неоднородность состава данного социального слоя. При этом, как всегда, профессор не преминет затронуть острые вопросы современности: «Вполне вероятно, что необходимо изучить заново советскую систему социального обеспечения, исключив из нее старые подходы однопартийной системы, ибо при Советской власти после нэпа, как бы ее ни ругали, ни критиковали, не было столько нищих на улицах, не было бомжей, и детская безнадзорность так не волновала общество, как теперь, в условиях перехода страны к рыночной экономике» [Ершова, 2004: 116].

Острая проблема вынесена в заглавие публикации 2006 г.: «Существовала ли политическая культура художественной интеллигенции России в первой четверти XX в.?» Профессор

Э. Б. Ершова последовательно утверждает, что политические взгляды представителей художественной интеллигенции, соответствующие современному понятию «политическая культура», отличались в то время исключительной неустойчивостью: «Анализ многих фактов их поведения... свидетельствует, что основная масса... исходила в своем поведении из эмоционального восприятия событий. Но это никак не вытекало из ее политических убеждений, которые не были выработаны в силу того, что все помыслы были отданы творчеству» [Ершова, 2006: 11]. Что касается событий 1917 и последующих годов, то в отношении к ним представителей художественной интеллигенции автор предлагает учитывать следующие параметры: 1) отношение власти к их творчеству; 2) приемлемость и обеспеченность условий жизни; 3) возможность выехать за границу и необходимость в связи с этим сотрудничества с властью; 4) понимание собственной способности или неспособности жить вне России [Там же: 12]. Такие образцы многомерности подходов и скрупулезности анализа любой проблемы являются хорошим ориентиром для последующих поколений интеллигентоведов.

Художественная интеллигенция России 1920—30-х годов анализируется Э. Б. Ершовой через призму зарубежной историографии [Ее же, 1995]. При этом автор на конкретных примерах показывает, что с более активным обращением к трудам западных исследователей подходы отечественных историков перестроечного и постперестроечного периода к освещению того или другого вопроса стали более многомерными, учитывают большее число влияющих на жизнь и творчество интеллигенции факторов и, следовательно, позволяют более последовательно соответствовать основным принципам историзма.

Не менее интересен взгляд на взаимозависимость некоторых нравственных устоев художественной интеллигенции России и власти — от императорской до президентской. С одной стороны, перед интеллигенцией всегда стояла задача выживания в тех или иных условиях, с другой — сохранения в этих, каких бы то ни было, условиях богатейшего наследия русской культуры. В этом процессе интеллигенция и власть взаимно влияли друг на друга. В результате процесс изменения нравственных устоев был много слоен и неоднозначен. Однако в современных условиях профессор

Э. Б. Ершова видит не усложнение нравственных позиций художественной интеллигенции, а, наоборот, ее упрощение: «Печальный политический опыт сформировал в российской интеллигенции, обладавшей долгие годы нравственным максимализмом по отношению к власти, такую черту, как “мимикрия”, или изменение своих взглядов в соответствии с политическими веяниями, а в современных условиях в соответствии с необходимостью и желанием выжить — служить тому, кто платит» [Ее же, 1998: 189]. Надо ли подчеркивать, что сама Эльвира Борисовна с честью противостояла этой “мимикрии”: ее нравственные ценности не подлежали деформации и просматриваются в публикациях тридцатилетнего диапазона цельно и последовательно.

Не менее интересна публикация 1999 г. «“Ипостаси” российской интеллигенции в XX веке: (Авторские размышления “у парадного подъезда” XXI века)». Смелый взгляд на попытки России «проскочить» через «новые формы общественной и политической жизни на более высоком уровне модернизации» позволил возложить на интеллигенцию если не подготовку войн, то, как минимум, подготовку многонационального населения страны к грядущим изменениям «не настолько мирным путем, каким можно и нужно было бы решать назревшие проблемы общества» [Ее же, 1999: 105]. Сама интеллигенция на прослеживаемых исторических этапах, по мнению автора, не получала ничего хорошего, но сохранила понимание важности для России ее государственности. Ретроспективный взгляд на российскую историю девяностых годов прошлого века позволил отметить: «Вряд ли можно отрицать, что в этот период с помощью интеллигенции шло разрушение нравственных устоев общества, его идеалов межнационального сотрудничества, провал надежд на лучшую жизнь» [Ее же, 2021: 18]. Однако борьба за повышение интеллигентности как власти, так и всех образованных людей по-прежнему остается важнейшей задачей интеллигенции [Ее же, 1999: 107].

На страницах ивановских изданий Эльвира Борисовна вновь обращается к истории семьи (конференция 2015 г.), научной и общественной активности представителей столичной интеллигенции (2019, 2014 г.), вместе с ивановским профессором В. В. Комиссаровым рассматривает творчество И. А. Ефремова («Интеллигенция и мир», 2017, № 3.), анализирует исторические и социологические

знания современных студентов (2012, № 4, конференции 2008, 2012 г.), следит за дискуссиями в интернете (2011, 2016 г.)

Э. Б. Ершова всегда была тем интеллигентоведом, который наиболее остро, смело и последовательно ведет разговор о самых болевых точках современного развития общества и аргументированно предупреждает о возникающих рисках и опасностях, чем, собственно, наряду с воспитанием интеллигентности, просто обязан заниматься подлинный интеллигент. Ученого настораживает многое: чрезмерное противостояние интеллигенции и власти (1997 г.); огульное отрицание очевидных достижений недавнего прошлого — единения культур, социальной работы с детьми и юношеством, социальной защиты малообеспеченных и т. д. (2002 г.); двойственность позиции художественной интеллигенции в условиях рыночной экономики, что напоминает ситуацию начала XX века, приведшую к известным социальным катаклизмам (2003 г.); противоречивость поведенческой модели национальной интеллигенции бывшего СССР (2005 г.). Эльвира Борисовна выступает противником тотальной цифровизации: при ураганном развитии различных технологий педагога «всё быстрее могут превратить в тьютора, а не в создателя действительно нового, качественно развивающегося человека и всего человечества» [Ершова, 2014: 20].

«Наука и жизнь»

Как незаурядный теоретик профессор Э. Б. Ершова проявила себя в обсуждении проблем устойчивого развития общества («Интеллигенция и мир», 2001, № 2/3), трансформации исторического сознания интеллигенции (конференция 2003 г.), взаимоотношений государства и церкви (2004 г.), приспособленчества интеллигенции к власти как социального явления (2013 г.) и ряда других вопросов. Методологические принципы исследований Э. Б. Ершовой предполагали: **переход от констатации фактов к теоретическому осмыслению процессов** (например, при изучении репрессий против художественной интеллигенции); **комплексное применение различных методов** — не только специально-исторических (хронологический, проблемно-хронологический, сравнительно-исторический и др.), но и методов смежных наук (социальной психологии, статистики, литературоведения, искусствоведения и др.); **использование и формационного, и цивилизационного подходов** —

Ершова считала, что при объективном рассмотрении проблемы они взаимодополняют друг друга; **изучение социальной базы разных поколений интеллигенции** с учетом резких смен политических и экономических парадигм развития страны, разрывов преемственности, эмиграции.

Эльвира Борисовна Ершова.
Конференция 2009 г.

В кругу ивановских интеллигентов Эльвиру Борисовну не просто уважали — хотя бы как подлинную и верную избранному научному направлению представительницу столичной науки. Ее по-настоящему любили. «Хочется отметить, что уже после первых встреч, — пишет самарский доцент Н. Ю. Кривопалова, — возникло чувство глубокой симпатии и благодарности к Эльвире Борисовне: ее личное обаяние, душевная щедрость и отзывчивость, особая энергетика, которой она окружала людей, вызывали самые добрые чувства. В Минске

обратило на себя внимание то, как ценят и уважают Э. Б. Ершову белорусские коллеги, с которыми ее связывают многие годы научно-педагогической деятельности и плодотворного сотрудничества» [Кривопалова, 2015: 97]. «Я впервые увидела ее в 1994 г., — вспоминала ивановский профессор Г. А. Будник. — Она только что издала свою монографию и приехала к нам на конференцию... Она поразила меня своей энергией, жизнерадостностью и демократизмом в общении. Для меня тогда московские ученые и написавшие монографию, докторскую диссертацию казались людьми необыкновенными, далекими от нас, тогда еще ничего не сделавших

в науке. Эльвира Борисовна как всегда блестяще, на высоком научном уровне и одновременно эмоционально и образно выступила на конференции. А потом мы подружились. Общение с ней серьезно повлияло не только на мою научную деятельность, но и на личную жизнь. Ее советы всегда были доброжелательны, обоснованны. Забота и помощь другим людям были главной чертой ее характера»*.

«Ее отличал искрометный юмор, широкая эрудиция, исключительная доброжелательность, — подчеркивает ивановский профессор В. В. Комиссаров. — Она с легкостью откликалась на просьбы аспирантов и соискателей подготовить отзыв на автореферат или рецензию на публикации. Я сам несколько раз имел честь получить печатные отзывы на свои научные работы. Эльвиру Борисовну в этом плане отличали легкость в общении, она не навязывала свое мнение, но могла четко сформулировать и провести свою мысль и позицию по тому или иному вопросу. Практически все представители того первого поколения интеллигентоведов покинули этот мир. Эльвира Борисовна стала одной из последних, с чьим уходом фактически завершилась та своеобразная эпоха. Эпоха, которую отличал некий научный романтизм, напрямую унаследованный из 1960-х гг., “шестидесятническая” вера в безграничные творческие возможности человека. Именно эта вера и позволила сохранить вузовскую науку в сложные 1990-е гг., не только сохранить, но создать и развить новое научное направление. Сейчас наступили другие времен, времена металлических компьютеров, бездушных наукометрических баз, различного рода сложноисчисляемых коэффициентов и показателей. И теперь наглядно видно, как не хватает того лирического настроения, того романтизма, который сохраняли в себе гуманитарии предшествующей эпохи»**.

* Личный архив В. А. Порозова. Переписка с Галиной Анатольевной Будник.

** Личный архив Н. Н. Васильева. Переписка с Владимиром Вячеславовичем Комиссаровым.

Э. Б. Ершова на ивановских
интеллектоведческих конференциях 2010—2015 гг.

С Валерием Сергеевичем Меметовым

С профессорами Маргаритой Ионовной Кондрашёвой (Екатеринбург,
слева) и Флерой Харисовной Соколовой (Архангельск)

Рабочий момент

С авторами статьи

Заключение

Эльвира Борисовна Ершова входила в круг основоположников интеллигентоведческих исследований: наряду с В. В. Москвиным, В. С. Волковым, В. Р. Веселовым, М. Е. Главацким, А. В. Квакиным, В. Л. Соскиным, она была членом, по выражению В. В. Комиссарова, своеобразного ареопага мэтров интеллигентоведения, начинавших изучение интеллигенции и ставших в деле развития данного направления верными соратниками В. С. Меметова. Украшением этого мужского круга были две прекрасные дамы — москвичка Эльвира Борисовна Ершова и екатеринбурженка Маргарита Ионовна Кондрашёва. Маргарита Ионовна осталась символом мягкости, женственности, лиризма. Эльвира Борисовна обладала волевым, более напористым темпераментом, всегда открытым для поиска консенсуса в диапазоне от высокого академизма до заражающего в общении жизнелюбия. Обе они были большими, плодотворными учеными и настоящими друзьями. Обе оставили незабвенный, неизгладимый след в истории ивановского и всероссийского интеллигентоведения. Такой остается в нашей памяти столичный ученый и ивановский интеллигентовед профессор Эльвира Борисовна Ершова.

Список источников

- Ершова Э. Б.* Исторические судьбы художественной интеллигенции Белоруссии. 1917—1941. М.: Россия молодая, 1994. 282 с.
- Ершова Э. Б.* Проблема художественной интеллигенции России 20-х — 30-х годов в зарубежной историографии // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии: тез. докл. Междунар. науч.-теорет. конф.: в 2 т., Иваново, 20—21 сент. 1995 г. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1995. Т. 1. С. 140—142.
- Ершова Э. Б.* Местечковая интеллигенция: История и судьбы (К постановке вопроса) // Интеллигенция, провинция, отечество: Проблемы истории, культуры, политики: тез. докл. Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 24—25 сент. 1996 г. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1996. С. 105—107.
- Ершова Э. Б.* Корреляция нравственных устоев художественной интеллигенции России в XX веке // Нравственный императив интеллигенции: Прошлое, настоящее, будущее: тез. докл. IX Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 23—25 сент. 1998 г. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. С. 187—189.

- Ершова Э. Б.* «Ипостаси» российской интеллигенции в XX веке (Авторские размышления «у парадного подъезда» XXI века) // Интеллигент и интеллигентоведение на рубеже XXI века: Итоги пройденного пути и перспективы: тез. докл. X Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 22—24 сент. 1999 г. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1999. С. 105—107.
- Ершова Э. Б.* Благотворительность церковной, дворянской и разночинской интеллигенции России в XIX—XX вв. // Интеллигенция и мир. 2004. № 3/4. С. 115—123.
- Ершова Э. Б.* Программа курса «Инновации и модели мировой художественной культуры» // Интеллигенция и мир. 2005. № 3/4. С. 114—118.
- Ершова Э. Б.* Существовала ли политическая культура художественной интеллигенции России в первой четверти XX в.? (К постановке вопроса) // Политическая культура интеллигенции и ее место и роль в жизни общества: материалы XVII Междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 21—23 сент. 2006 г. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2006. С. 10—13.
- Ершова Э. Б.* Курс «Инновации и модели мировой художественной культуры» // Интеллигентоведение в системе гуманитарных наук: Исследования и учеб.-метод. разработки / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008а. С. 251—258.
- Ершова Э. Б.* Роль литературы конца 60-х — начала 70-х гг. XX в. в формировании оппозиционности в настроениях советской интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2008b. № 3. С. 85—96.
- Ершова Э. Б.* Современная белорусская интеллигенция исторической науки // Интеллигенция и мир. 2009. № 1. С. 106—110.
- Ершова Э. Б.* Сквозь череду времен (российская семья в XVIII—XXI вв.): монограф. М.: Гос. ун-т управления, 2011. 284 с.
- Ершова Э. Б.* Социокультурная миссия российской интеллигенции во времени // Интеллигентоведение: теория, методология и социокультурная практика: материалы XXV Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 25—27 сент. 2014 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2014. С. 18—20.
- Ершова Э. Б.* Российская интеллигенция в модернизационных процессах XX — начала XXI вв.: монограф. М.: Гос. ун-т управления, 2015. 166 с.
- Ершова Э. Б.* В. С. Меметов: встречи и сотрудничество // Интеллигенция и мир. 2020. № 1. С. 28—32.
- Ершова Э. Б.* Процессы генезиса и эволюции системы духовно-нравственных ценностей интеллигенции России в 1990—2000-е годы

- (авторский взгляд на проблему) // Интеллигенция и интеллектуалы: генезис, формирование, развитие, деятельность: материалы XXXI Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 23—24 сент. 2021 г. / отв. ред. В. Л. Черноперов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. С. 15—20.
- История интеллигенции России в биографиях ее исследователей: опыт энциклопед. словаря / под общ. ред. М. Е. Главацкого; отв. ред. М. И. Кондрашѐва. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 198 (2) с.
- Кривопалова Н. Ю.* Встречи с Эльвирой Борисовной Ершовой: (К юбилею доктора исторических наук, профессора Э. Б. Ершовой) // Интеллигенция и мир. 2015. № 3. С. 96—100.
- Лозбенев И. Н.* Истинное лицо интеллигенции в историческом пространстве: размышления о монографии Э. Б. Ершовой // Интеллигенция и мир. 2016. № 2. С. 135—138.

References

- Ershova, E. B. (1994), *Istoricheskie sud'by khudozhestvennoi intelligentsii Belorussii, 1917—1941* [Historical Destinies of the Artistic Intelligentsia of Belarus, 1917—1941], Rossiia molodaia, Moscow, Russia.
- Ershova, E. B. (1995), ‘The Problem of the Artistic Intelligentsia of Russia in the 1920s and 1930s in Foreign Historiography’, in Memetov, V. S. (ed.), *Rossiiskaia intelligentsiia v otechestvennoi i zarubezhnoi istoriografii: tezisy dokladov Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii: v 2 totomah* [The Russian intelligentsia in Russian and foreign historiography: abstracts of the International scientific-theoretical conference: in 2 volumes], Ivanovo, Russia, 20—21 September 1995, vol. 1, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 140—142.
- Ershova, E. B. (1996), ‘“The Local Intelligentsia: History and Destinies (On the Issue)”’, in Memetov, V. S. (ed.), *Intelligentsiia, provintsii, otechestvo: Problemy istorii, kul'tury, politiki: tezisy dokladov Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsi* [Intelligentsia, province, Fatherland: problems of history, culture, and politics: abstracts of papers presented at the International scientific-theoretical conference], Ivanovo, Russia, 24—25 September 1996, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 105—107.
- Ershova, E. B. (1998), ‘Correlation of the Moral Foundations of Russia's Artistic Intelligentsia in the XX century’, in Memetov, V. S. (ed.), *Pravstvennyi imperativ intelligentsii: Proshloe, nastoiashchee, budushchee: tezisy dokladov IX Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsi* [The Moral imperative of the intelligentsia: past, present, future:

- abstracts of the IX International scientific-theoretical conference], Ivanovo, Russia, 23—25 September 1998, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 187—189.
- Ershova, E. B. (1999), ‘“Hypostases” of the Russian intelligentsia in the XX century (Author's reflections “at the main entrance” of the XXI century)’, in Memetov, V. S. (ed.), *Intelligent i intelligentovedenie na rubezhe XXI veka: Itogi proïdennogo puti i perspektivy: tezisy dokladov X Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsi* [Intellectual and intellectual studies at the turn of the XXI century: results of the traversed path and prospects: abstracts of the X International scientific-theoretical conference], Ivanovo, Russia: 22—24 September 1999, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 105—107.
- Ershova, E. B. (2004), ‘Charity of the church, noble, and non-noble intelligentsia of Russia in the XIX—XX centuries’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3/4: 115—123.
- Ershova, E. B. (2005), ‘Course program “Innovations and models of World art culture”’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3/4: 114—118.
- Ershova, E. B. (2006), ‘Was there a political culture of the Russian artistic intelligentsia in the first quarter of the XX century? (On the formulation of the question), in Memetov, V. S. (ed.), *Politicheskaiia kul'tura intelligentsii i ee mesto i rol' v zhizni obshchestva: materialy XVII Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Political culture of the intelligentsia and its place and role in society: materials of the XVII International scientific-theoretical conference], Ivanovo, Russia, 21—22 September 2006, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 10—13.
- Ershova, E. B. (2008a), ‘The Course “Innovations and Models of World art culture”’, in Memetov, V. S. (ed.), *Intelligentovedenie v sisteme gumanitarnykh nauk: Issledovaniia i uchebno-metodicheskie razrabotki* [Intelligentsia studies in the system of the humanities: Research and educational developments], Ivanovo: Russia: 251—258.
- Ershova, E. B. (2008b), ‘The role of literature in the late 1960s and early 1970s in the Formation of Opposition Sentiments among the soviet intelligentsia’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 85—96.
- Ershova, E. B. (2009), ‘Modern Belarusian intelligentsia of historical science’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 106—110.
- Ershova, E. B. (2011), *Skvoz' cheredu vremen (rossiiskaia sem'ia v XVIII—XXI vv.): monografiia* [Through a series of times (the Russian family in the XVIII—XXI centuries): monograph], Gosudarstvennyi universitet upravleniia, Moscow, Russia.

- Ershova, E. B. (2014), 'The socio-cultural mission of the Russian intelligentsia in time', in Memetov, V. S. (ed.), *Intelligentovedenie: teoriia, metodologii i sotsiokul'turnaia praktika: materialy XXV Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Intellectual Studies: theory, methodology and socio-cultural practice: proceedings of the XXV International scientific-theoretical conference], Ivanovo, Russia, 25—27 September 2014, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 18—20.
- Ershova, E. B. (2015), *Rossiiskaia intelligentsiia v modernizatsionnykh protsessakh XX — nachala XXI vv.: monografiia* [The Russian intelligentsia in the modernization processes of the XX — early XXI centuries: a monograph], Gosudarstvennyi universitet upravleniia, Moscow, Russia.
- Ershova, E. B. (2020), 'V. S. Memetov: meetings and cooperation', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 28—32.
- Ershova, E. B. (2021), 'The processes of genesis and evolution of the system of spiritual and moral values of the Russian intelligentsia in the 1990s—2000s (the author's view on the problem)', in Chernopero, V. L. (ed.), *Intelligentsiia i intellektualy: genezis, formirovanie, razvitie, deiatel'nost': materialy XXXI Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Intelligentsia and intellectuals: genesis, formation, development, activity: proceedings of the XXXI International scientific-theoretical conference], Ivanovo, Russia, 23—24 September, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 15—20.
- Glavatsky, M. E. (ed.) and Kondrasheva, M. I. (executive ed.) (2002), *Istoriia intelligentsii Rossii v biografiakh ee issledovatelei: opyt éntsiklopedicheskogo slovaria* [The History of the Russian Intelligentsia in the biographies of its researchers: the Experience of an encyclopedic Dictionary], Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Yekaterinburg, Russia.
- Krivopalova, N. Y. (2015), 'Meetings with Elvira Borisovna Ershova: (On the anniversary of Doctor of Historical Sciences, Professor E. B. Ershova)', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 96—100.
- Lozbenev, I. N. (2016), 'The true face of the intelligentsia in the historical space: reflections on the monograph by E. B. Ershova', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 135—138.

Статья поступила в редакцию 23.01.2026; одобрена после рецензирования 20.02.2026; принята к публикации 25.02.2026.

The article was submitted 23.01.2026; approved after reviewing 20.02.2026; accepted for publication 25.02.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Н. Н. Васильев — независимый исследователь, Саратов, Россия.

N. N. Vasiliev — independent researcher, Saratov, Russia.

В. А. Порозов — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и общественных наук, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия.

V. A. Porozov — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia.

Требования к оформлению статей смотрите на сайте
журнала «Интеллигенция и мир», раздел «Правила
публикации» (<https://intelligentsia.ivanovo.ac.ru>)

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук
2026. № 2

[12+]

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *Д. Л. Лакербай*
Технический редактор *И. С. Сибирева*

Дата выхода в свет 29.06.2026.
Формат 60 x 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 11,39. Уч.-изд. л. 10,0.
Тираж 100 экз. Заказ № 15. Цена свободная.

Адрес редакции: 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Тимирязева, 5
Факс: +7(920) 672-03-68. E-mail: int_i_mir@mail.ru
Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Отпечатано в АО «Ивановский издательский дом»
✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Степанова, 5, литер А, А1-А7
☎ (4932) 30-32-37. E-mail: 301411@rambler.ru

Генезис

Формирование

Деятельность

Типология

**Представлены
основные направления
интеллигентоведения**

**Роль
в современном
обществе**

**Сущностные
черты**

*Основан в 2001 году
Выходит 4 раза в год*

Журнал адресован
научным сотрудникам,
преподавателям, студентам вузов

*Распространяется по подписке
и предварительным заявкам*

Междисциплинарный журнал,
не имеющий аналогов в России

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР